

ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ –
филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения
«Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр
Российской академии наук»

Д.Н. Прасолов

Развитие местного самоуправления
у кабардинцев и балкарцев
во второй половине XIX –
начале XX в.

Нальчик • 2017

УДК 94(470.6)
ББК 63.3(235.7)531
П70

Печатается по решению Ученого совета от . .2017

Научный редактор
Рецензенты:

д.и.н. К.Ф. Дзамихов
к.и.н. И.Х. Тхамокова
д.и.н. А.Х. Абазов

Прасолов, Дмитрий Николаевич.

П70 Развитие местного самоуправления у кабардинцев и балкарцев во второй половине XIX – начале XX в. – Нальчик: Редакционно-издательский отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2017. – 136 с.

В монографии исследуется развитие системы местного самоуправления, сложившейся в процессе интеграции кабардинцев и балкарцев в социокультурное пространство Российской империи. Во второй половине XIX – начале XX в. в Кабардинском (Нальчикском) округе взаимодействовали два уровня местного самоуправления. На первом уровне официальные институты сельского правления, схода и суда, мусульманские священнослужители и доверенные во взаимодействии с неформальными институтами (почетными стариками, медиаторскими судами и т.п.) направляли и координировали жизнедеятельность сельских обществ. На окружной уровень сельское общество делегировало доверенных на регулярные сборы (съезды). Съезды доверенных избирали судей окружного суда, санкционировали распоряжение средствами Кабардинской общественной суммы на стипендии, займы и разнообразные нужды местного благоустройства, разрабатывали порядок пользования Зольскими и Нагорными пастбищами и обсуждали текущие проблемы совместной жизнедеятельности соседних народов. Регулярность, разносторонность и совершенствование функций съездов доверенных, имевших прямую административную связь с сельскими обществами, позволяют по-новому оценивать пореформенное развитие политической культуры кабардинцев и балкарцев, а также дает основание говорить о гибкости административных практик царских властей, находившихся в поиске оптимальных форм властного взаимодействия с местным населением.

Издание адресовано научным работникам, преподавателям, студентам, а также всем, кто интересуется историей и культурой народов Северного Кавказа.

УДК 392.3 (=352.3)
ББК 63.3(235.7)531

© Прасолов Д.Н., 2017
© ИГИ КБНЦ РАН, 2017

Содержание

Введение	4
1. Сельское самоуправление	16
1.1. Старшина и сельское правление	16
1.2. Сельские сходы	33
1.3. Сельские суды	40
1.4. Традиционные механизмы местного самоуправления	47
1.5. Статус мусульманского духовенства в сельском самоуправлении	67
2. Окружное самоуправление	90
2.1. К вопросу о преемственности представительной власти кабардинцев и балкарцев	90
2.2. От народных сборов к съездам доверенных	96
2.3. Интеграционные функции съездов доверенных	104
2.4. Проблемы трансформации окружного самоуправления в Нальчикском округе в начале XX в.	114
Заключение	129
Список условных сокращений	134

Введение

Включение Северного Кавказа в состав Российской империи представляло собой сложную и неоднозначную интеграцию местного населения с новой социально-политической системой. Этот процесс отличался двухуровневым характером. В вертикальном направлении обеспечивалось включение народов в состав российского государства, а в горизонтальном – перестраивались устоявшиеся социально-политические, поземельные и хозяйственные интеграционные связи между местными этническими сообществами. Эти тенденции в полной мере проявились на уровне организации управления сельскими обществами, участками и округами, оформленными с учреждением в 1860 г. Терской области в систему военно-народного управления. Исследование этого опыта управления позволяет с уверенностью говорить о разнообразии и неординарности таких практик, выявлявших оптимальный подход царской администрации к управлению различными этническими сообществами. Одну из особенных моделей административной организации представлял собой Кабардинский округ, в котором с 1860-х гг. общие принципы самоуправления, принятые для народов Терской области, приобрели наиболее регулярный и разносторонний характер. Главная сложность этих административных практик заключалась в том, что на окружном уровне они объединяли не только административными границами, но и деятельностью окружного самоуправления два соседних народа – кабардинцев и балкарцев.

Учреждение в 1822 г. Временного кабардинского суда завершило политическое включение Кабарды в состав Российской империи. В процессе формирования принципов функционирования и организационной структуры российской администрации в Кабарде происходило постепенное упразднение традиционной феодальной системы и ее военно-политической, административной и судебной инфраструктуры. С 1822 г. общественно-политические институты кабардинцев ликвидировались либо трансформировались в соответствии с новыми политико-правовыми условиями¹. Официальной датой включения территории

балкарских обществ в политико-административную систему российского государства принято считать 1827 г.² Однако только в 1846 г. здесь распространяется косвенное приставское управление. Приставами назначались главным образом выходцы из местных народов, которые не вмешивались во внутреннее управление балкарских обществ³. Руководящая роль в местном управлении принадлежала начальнику Кабардинской линии (с 1830 г. – Центра Кавказской линии). Ему подчинялся Временный суд, в состав которого входили представители знатнейших кабардинских фамилий, а председателем назначались военные чиновники, в том числе из местной аристократии. Для разбирательства дел, подсудных шариату, при Временном суде находился народный кадий⁴. Однако еще до середины 1840-х гг. кабардинцы продолжали добиваться отмены ограничений использования шариата и фактически реализовывали это в неформальной судебной практике⁵.

Временный суд исполнял не только судебные, но и административные функции. Согласно «Наставлению» А.П. Ермолова 1822 г., суду предписывалось собрать сведения о повинностях, отправляемых кабардинцами в пользу владельцев и духовенства, составить сборник действующих норм обычного права и шариата, выдавать письменные разрешения на выезд с территории Кабарды, хранить денежные средства, поступающие от уплаты судебных штрафов. Действуя под контролем царского командования, Временный кабардинский суд фактически стал в их руках важнейшим исполнительным органом власти в Кабарде. Такая практика, очевидно, повлияла на будущее административное реформирование вполне соответствовала и проектам, разработанным в правительственных кругах. На основании их обзора А.Т. Урушадзе пришел к выводу, что «уже к началу 1840-х гг. многие представители имперской администрации на Кавказе были уверены в том, что административное реформирование в крае невозможно без интеграции с местными социальными и управленческими практиками, построенными на традиции и обычном праве»⁶.

В 1856 г. в целях совершенствования управления войсками на Кавказской линии по предложению кавказского наместника князя А.И. Барятинского вместо прежних пяти управлений решили создать два: «Правое крыло» и «Левое крыло». Кабарда и Горские (балкарские) общества были отнесены в состав Левого крыла Кавказской линии. В 1858 г. приставские управления были заменены военно-народными округами: Кабардинский, Осетинский, Чеченский и Кумыкский. В состав Кабардинского округа с центром в Нальчике первоначально вошли

Большая Кабарда и балкарские общества, а Малая Кабарда до 1862 г. находилась в составе Осетинского округа.

После пленения в 1859 г. Шамиля потерявшая «свое значение как пограничной кордонной черты» Кавказская линия, была упразднена. В 1860 г. ее Правое крыло было переименовано в Кубанскую, а Левое – в Терскую области. Территории, населенные кабардинцами и балкарцами, вошли в состав Терской области. Подготовку местного населения к дальнейшей интеграции с социально-экономической и политической системой российского государства предполагалось осуществить через привлечение к участию в местном управлении представителей кавказских народов. Созданная с такой целью система получила название военно-народного управления. Вопрос о точном времени ее введения на Кавказе остается дискуссионным⁷. Но очевидно, что модели ее реализации формировались постепенно и в различных регионах Северного Кавказа при впоследствии общих принципах организации отличались определенными особенностями в реализации.

С конца 1850-х гг. в самоуправлении Кабардинского округа действовали сельские сходы, которые выбирали общинных должностных лиц и делегировали сельских представителей на окружной уровень самоуправления – съезды доверенных. Отличие этой системы в Кабардинском округе от других округов Терской области заключалось в объединении административным пространством совместного окружного самоуправления кабардинцев и балкарцев, регулярно собиравшегося в Нальчике, который являлся преимущественно русскоязычной слободой. Тем самым сложность административной практики определялась необходимостью согласовывать средствами окружного самоуправления интересы различных этнических сообществ. В этом плане опыт местного самоуправления Кабарды и балкарских обществ представляется примером оригинального подхода к управлению сложным регионом и достаточно конструктивного взаимодействия с точки зрения достигнутых общественных результатов.

После начала земельной реформы, укрупнения сельских обществ и освобождения зависимых сословий в Кабардинском округе была оформлена новая система управления сельскими обществами. Согласно Положению 1868 г. она состояла из сельского схода, сельского правления и сельского суда. Согласно представлению коронных властей их основным предназначением стали обеспечение административно-судебного самоуправления, полицейского контроля и своевременного

поступления казенных и земских налогов с населения. По мнению Е.И. Кобахидзе, «в наибольшей степени пресс империи ощущался на уровне сельской общины, в среде горского крестьянства, традиционные формы самоуправления которого в целях скорейшего «обрусения» края надлежало привести в соответствие с низовыми органами управления крестьян внутренних российских губерний»⁸.

1 января 1871 г. вступило в силу новое Положение о сельских (аульных) обществах и общественном управлении в Кубанской и Терской областях. Этот нормативный акт еще больше сблизил принципы организации и характер деятельности общинного самоуправления народов Северного Кавказа с аналогичной системой в Центральной России.

После включения Кабарды и балкарских обществ в декабре 1869 г. в Георгиевский округ этнонимы уже не использовались в названиях административно-территориальных единиц. С 1876 г. кабардинцы и балкарцы были включены в состав Пятигорского округа, а в 1882 г. выделены из него в Нальчикский округ. Каждая реорганизация сопровождалась изменением границ участков в округе. К концу 1880-х гг. их стало три: первый и третий охватывали территорию Большой Кабарды, а второй – Горские общества и Нальчикскую слободу. Мало-кабардинские селения в 1888 г. были включены в состав Сунженского отдела Терской области. Несмотря на разделение Большой и Малой Кабарды административными границами Нальчикского округа и Сунженского отдела Терской области, доверенные Малой Кабарды участвовали в работе Съездов доверенных сельских обществ с правом решающего голоса, пользовались средствами Кабардинской общественной суммы и пользовались общественными (Зольскими и Нагорными) пастбищами и лесом. Решением Кавказского наместника по ходатайству малокабардинских обществ воссоединение с Нальчикским округом произошло только в августе 1905 г.⁹

К середине XIX в. имперский политический контекст окончательно разрушил интеграционные иерархические связи между кабардинскими князьями и балкарскими обществами, существовавшие прежде¹⁰. Административное пространство, формируемое Империей, побеждавшей в Кавказской войне, основывалось на принципах равной субъектности кабардинцев и балкарцев, что отразилось на поземельных, хозяйственных, административно-судебных и религиозных практиках управления. Первой формой реинтеграции кабардинских и балкарских обществ стал Кабардинский округ (1858–1870 гг.), в рамках которого были заложены основы совместного самоуправления кабардинцев и

балкарцев, осуществлявшего, под контролем Терской областной администрации Опыт деятельность общинных и окружных институтов по решению общих задач упорядочения и благоустройства жизни в округе заложил основы будущего сосуществования кабардинцев и балкарцев в рамках единого субъекта в составе советской и современной российской государственности.

Цель исследования – выявить основные институты местного самоуправления кабардинцев и балкарцев, механизмы их взаимодействия на сельско-общинном и окружном уровне.

Хронологические рамки работы охватывают вторую половину XIX – начало XX в. Нижний рубеж обусловлен проведением административных преобразований 1850-х гг., связанных с введением должностей аульных старшин, учреждением Кабардинского округа, а затем и Терской области, и постепенным распространения среди местного населения сельского общинного управления по образцам российской деревни. Поскольку отдельные элементы самоуправления формировались не одновременно, то в некоторых случаях возникает необходимость обращаться к фактам второй четверти XIX в. Верхний хронологический рубеж обусловлен революционными событиями 1917 г., которые привели к эволюции системы местного самоуправления и формированию на ее основе форм политического самоопределения кабардинцев и балкарцев в 1918 г.

Источниковую базу составили документы Центрального государственного архива Кабардино-Балкарской республики и Центрального государственного архива Республики Северная Осетия – Алания; материалы периодической печати, а также этнографические материалы¹¹, репрезентативные для конца XIX – начала XX в. Значительный объем информации содержится в сборниках документов, опубликованных Г.А. Кокиевым¹², Х.М. Думановым¹³, Д.Ю. Араповым¹⁴, Е.И. Кобахидзе¹⁵, А.Х. Абазовым и М.В. Дышековым¹⁶ и др.

Степень разработанности темы в дореволюционный период ограничивалась в основном кратким освещением местного самоуправления кабардинцев и балкарцев. Большое внимание этим вопросам уделял осетинский общественный деятель Г. Баев, особенно подробно останавливаясь на деятельности съездов доверенных. В своих статьях он неоднократно давал положительные оценки развитию традиций самоуправления кабардинцев и балкарцев, используя их опыт как аргумент в проектах об учреждении института земского самоуправления у народов Терской области¹⁷. В материалах, подготовленных Г. Баевым

для ходатайства об объединении Малой Кабарды с Нальчикским округом в 1905 г. он писал: «Вся история управления Кабардой и некоторые учреждения этого народа указывают, что почва для широкой народно-земской работы давно уже подготовлена. Такими учреждениями являются – народные сборы, общественный кабардинский капитал, общественные земли, Кабардинский суд, горская школа и др.»¹⁸ В очерке «Балкария» и ряде статей М. Абаева приведены сведения о традиционных институтах самоуправления балкарских обществ и их преобразовании в ходе реформ 1860–70-х гг., а также о проблемах, стоявших перед окружным самоуправлением кабардинцев и балкарцев в Нальчикском округе в начале XX в.¹⁹ В целом, даже известные сведения о формах самоуправления у кабардинцев и балкарцев не были обобщены и проанализированы. Это способствовало определенному забвению важного опыта, который сыграл положительную роль в обеспечении интеграции края в административно-политическую и социокультурную систему российского государства²⁰.

Советская историография первоначально придала классовое звучание оценкам местного самоуправления в Нальчикском округе. В основном его деятельность сводилась к решению земельного вопроса в интересах знати и кулаков на основе столыпинской аграрной политики²¹.

Значительным вкладом в изучение административной системы кабардинцев и балкарцев в XIX – начале XX в. стали статьи и монография Ж.А. Калмыкова²². В них впервые институт окружного самоуправления – Съезд доверенных Большой и Малой Кабарды и пяти горских обществ получил специальное рассмотрение. Для понимания специфики складывания новой системы самоуправления в условиях интеграции кабардинцев в состав Российского государства важную информацию содержат работы Х.М. Думанова²³. Существенное значение в понимании проблем преемственности традиций самоуправления имеют работы В.Х. Кажарова о системе власти в традиционном кабардинском обществе²⁴ и, в частности, в дореформенной кабардинской деревне²⁵. Важнейшие концептуальные положения о содержании и результатах интеграционных процессов на Северном Кавказе изложены в монографии и статьях А.Х. Борова²⁶.

В исследованиях И.Л. Бабич рассмотрены социально-правовые аспекты функционирования традиций управления и их трансформация во второй половине XIX – начале XX в.²⁷ В генеалогической работе С.Н. Бейтуганова приводятся интересные документы о некоторых

аспектах становления и функционировании общинного и окружного самоуправления в XIX в.²⁸

В первом разделе монографии Ю.Д. Анчабадзе рассматривается пореформенная политическая культура адыгов на уровне сельских обществ²⁹. В монографиях Е.Г. Муратовой (Битовой) рассмотрена эволюция системы управления в балкарских обществах до начала XX в.³⁰ В исследованиях Е.И. Кобахидзе проанализированы аналогичные процессы в низовых административных единицах осетин³¹, а также обобщены результаты интеграции народов Центрального Кавказа в административно-судебную систему Российского государства³². К сожалению, автор почти не уделила внимания вопросам функционирования народных сборов (съездов доверенных), которые в рассматриваемый период стали регулярной формой привлечения представителей местного населения к избранию депутатов Горских словесных судов и обсуждению разнообразных хозяйственных, административных, правовых и множества других вопросов.

Характеристика роли съездов доверенных в административной системе дается в статьях Б.А. Хромова³³. Он называет съезд доверенных органом местного самоуправления, однако ошибочно считает, что они свертывают свою деятельность после Февральской революции 1917 г., потому что оказались не востребованы буржуазными административно-политическими структурами.

К сожалению, даже в специальных работах, затрагивавших исторические аспекты развития региональной административно-политической системы, остались без внимания важные аспекты функционирования местного самоуправления. Например, в монографии Б.М. Зумакулова об институте выборов в Кабардино-Балкарии³⁴ отсутствуют характеристики разнообразных общинных и окружных выборных практик в пореформенный период.

В исследовании Х.С. Кушхова анализируется взаимодействие традиций и новаций в развитии сельского самоуправления в пореформенном кабардинском обществе. Автор пришел к выводу, что в пореформенные годы в кабардинской деревне действовала система сельского самоуправления, сочетавшая общероссийские принципы общинного устройства и элементы традиционной организации власти. Взаимодействуя, они обеспечивали выполнение сельской общиной налоговых, полицейских, административных, судебных и экономических функций³⁵. Очень важными представляются результаты анализа автора по проблеме преемственности традиционного ин-

ститута представительной власти кабардинцев – хасы и пореформенных съездов доверенных³⁶.

В монографиях А.Х. Абазова обстоятельно рассматриваются общинные и окружные судебные институты кабардинцев и балкарцев³⁷, а также в динамике раскрываются процессы интеграции народов Центрального Кавказа в судебную систему Российской империи³⁸. Ю.Ю. Карпов обобщенно анализирует активизацию народов Северного Кавказа по постановке проблем местного самоуправления в начале XX в.³⁹

Некоторые аспекты функционирования местного самоуправления кабардинцев и балкарцев освещаются в монографиях и статьях Т.Х. Кумыкова⁴⁰, С.И. Аккиевой⁴¹, И.П. Текуевой⁴², П.А. Кузьмина и Л.А. Тхабисимовой⁴³, З.Ж. Глашевой и К.Ф. Дзамихова⁴⁴, И.А. Кушхова и И.Г. Кочесокова⁴⁵. Важные выводы содержатся в исследованиях А.Т. Урушадзе по развитию системы управления на Северном Кавказе⁴⁶.

В целом для историографии озаглавленной темы характерно рассмотрение широкого круга вопросов, связанных с развитием административной системы у народов Северного Кавказа в XIX – начале XX в. Однако за региональными обобщениями осталась не выявленной локальная специфика местного самоуправления у кабардинцев и балкарцев. Это обстоятельство определяет новизну исследования, которая заключается в выявлении структурных элементов местного самоуправления и анализе административно-религиозной автономности сельских обществ. На примере становления и регулярной деятельности съездов доверенных кабардинских и балкарских сельских обществ показана их роль в формировании и углублении интеграционных связей, обеспечивавших конструктивное взаимодействие соседних народов в едином административно-судебном пространстве.

Примечания

¹ *Кумыков Т.Х.* Экономическое и культурное развитие Кабарды и Балкарии в XIX в. Нальчик, 1965. С. 166.

² *Века совместной истории: народы Кабардино-Балкарии в российском цивилизационном процессе (1557–1917 гг.)*. Нальчик, 2017. С. 260–261.

³ *Муратова Е.Г.* Социально-политическая история Балкарии XVII – начала XX в. Нальчик, 2007. С. 180–197.

⁴ *Абазов А.Х.* Кабардинский временный суд в условиях интеграции Кабарды в состав Российской империи во второй четверти XIX в. // Кавказский сборник. М., 2015. № 9 (41). С. 150–170.

⁵ *Хубиев Э.Ю.* К вопросу о динамике шариатского движения в Кабарде в конце XVIII – первой половине XIX в. // Исторический вестник КБИГИ. Вып. VI. Нальчик, 2007. С. 121–128.

⁶ *Хлынина Т.П., Кринко Е.Ф., Урушадзе А.Т.* Российский Северный Кавказ: исторический опыт управления и формирования границ региона. Ростов н/Д, 2012. С. 53.

⁷ *Урушадзе А.Т.* История военно-народного управления на Кавказе: в поисках автора и истоков//Восток (Oriens). 2012. № 6. С. 137–142.

⁸ *Кобахидзе Е.И.* Центральный Кавказ в объединительной политике Российской империи... С. 168.

⁹ УЦГА АС КБР. Ф.6. Оп. 1. Д. 668. Л. 38.

¹⁰ *Кланрот Г.Ю.* Описание поездок по Кавказу и Грузии в 1807 и 1808 годах. Нальчик, 2008. С. 161–162; *Гаврилов П.А.* Устройство поземельного быта горских племен Северного Кавказа // Аграрные отношения у народов Северного Кавказа в российской политике XVIII – начала XX века. Архивные материалы и научные исследования в 2-х томах. Т. I. Нальчик, 2006. С. 71; *Лавров Л.И.* Карачай и Балкария до 30-х годов XIX века // Кавказский этнографический сборник. Вып. 4. М., 1969. С. 91; *Кожев З.А.* Иерархические связи кабардинцев с народами Северного Кавказа (XVI–XVIII вв.) // Исторический вестник. Вып. I. Нальчик, 2005. С. 134–135, 140–141; *Кузьминов П.А.* Аграрная и социальная политика российского правительства в Кабарде и Балкарии в 50–70-е годы XIX века // Аграрные отношения у народов Северного Кавказа в российской политике XVIII – начала XX века. Архивные материалы и научные исследования в 2-х томах. Т. II. Нальчик, 2008. С. 488–489.

¹¹ Архив КБИГИ. Ф. 10. Оп. 1.

¹² Крестьянская реформа в Кабарде. Документы по истории освобождения зависимых сословий в Кабарде в 1867 г. // История Кабардино-Балкарии в трудах Г.А. Кокиева. Нальчик, 2005. С. 609–837.

¹³ Территория и расселение кабардинцев и балкарцев в XVIII – нач. XX веков: Сборник документов / Сост. Х.М. Думанов. Нальчик, 1992.

¹⁴ Императорская Россия и мусульманский мир (конец XVIII – начало XX вв.). Сб. док. / сост. Д.Ю. Арапов. М., 2006.

¹⁵ Между централизмом и регионализмом: административные преобразования на Центральном Кавказе в 70-х гг. XIX – начале XX в.: сборник документов / Сост., вступ. ст., коммент. Е.И. Кобахидзе. Владикавказ, 2014.

¹⁶ Антология памятников права народов Кавказа. Т. 16. Завершение Кавказской войны и формирование юридического пространства Российской империи на Северном Кавказе. Ростов н/Д, 2014. С. 302–556; Хрестоматия по истории государства и права Кабардино-Балкарской Республики (последняя

треть XVIII – начало XXI вв.) / Сост. А.Х. Абазов, М.В. Дышеков. Нальчик, 2015. С. 29–144.

¹⁷ *Баев Г.* О введении земского самоуправления в Терской области // Кавказский вестник. Кн. XVI. 1901. № 4. С. 85–103; *Баев Г.* Присоединение Малой Кабарды к Большой. Общественные учреждения Кабарды. Народные сборы. Общественные земли. Кабардинская сумма // Пятигорский листок. 1905. № 336, 337, 342; *Баев Г.* Народный кредит в Терской области. Владикавказ, 1908.

¹⁸ ЦГА РСФСР-А. Ф. 224. Оп. 1. Д. 145. Л. 4 об.

¹⁹ Этюды о Балкарии: Урусбиевы, Мисост Абаев, Басиат Шаханов. Сост. Т.Ш. Биттирова. Нальчик, 2007. С. 136–170.

²⁰ *Прасолов Д.Н.* Съезды (сборы) доверенных в Терской области в оценках современников (вторая половина XIX – начало XX в.) // История науки и техники. 2016. № 10. С. 103–108.

²¹ *Прасолов Д.Н.* Съезды доверенных Кабарды и пяти горских обществ в советской историографии // История науки и техники. 2017. № 2. С. 75–79.

²² *Калмыков Ж.А.* К вопросу о сельском административном управлении в Кабарде и Балкарии в конце XIX – начале XX в. // Ученые записки КБНИИ. Нальчик, 1974. Т. XXVI. С. 42–59; *Он же.* Некоторые общественно-политические органы управления Кабарды и Балкарии в пореформенный период // Из истории феодальной Кабарды и Балкарии. Нальчик, 1980. С. 105–120; *Он же.* Установление русской администрации в Кабарде и Балкарии (конец XVIII – начало XX в.). Нальчик, 1995.

²³ *Думанов Х.М.* Обычное имущественное право кабардинцев (вторая половина XIX – начало XX вв.). Нальчик, 1976; *Думанов Х.М.* Социальная структура и обычное право кабардинцев в нормах адата (первая половина XIX в.). Нальчик, 1990.

²⁴ *Кажаров В.Х.* Адыгская хаса: из истории сословно-представительных учреждений феодальной Черкесии. Нальчик, 1992.

²⁵ *Кажаров В.Х.* Адыгская вотчина. К проблеме основной социальной единицы адыгского феодального общества. Нальчик, 1993.

²⁶ *Боров А.Х.* Северный Кавказ в российском цивилизационном процессе (Проблема социально-культурного синтеза). Нальчик, 2007; *Боров А.Х.* Общество и власть на Северном Кавказе: основные подходы и концепции в российском кавказоведении XIX века // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2009. № 12–2. С. 9–17; *Боров А.Х.* Северный Кавказ в историческом пространстве и времени // Кавказология. 2017. № 1. С. 12–40.

²⁷ *Бабич И.Л.* Народные традиции в общественном быту кабардинцев. М., 1995; *Бабич И.Л.* Эволюция правовой культуры адыгов (1860-е – 1990-е гг.). М., 1999.

²⁸ *Бейтуганов С.Н.* Кабарда: история и фамилии. Нальчик, 2007.

²⁹ *Анчабадзе Ю.Д.* Политическая культура адыгов: традиционные институты и их эволюция (вторая половина XIX – 1920-е годы). М., 2012. С. 20–106.

³⁰ *Битова Е.Г.* Социальная история Балкарии XIX века: (Сельская община). Нальчик, 1997. С. 106–134; *Муратова Е.Г.* Социально-политическая история Балкарии... С. 257–280.

³¹ *Кобахидзе Е.И.* Осетия в системе государственно-административного управления Российской Империи (последняя четверть XVIII – конец XIX в.): историко-этнологический анализ. Владикавказ, 2003. С. 204–212; *Кобахидзе Е.И.* «Не единою силою оружия...» Осетия конца XVIII – начала XX в.: опыт исторического взаимодействия традиционного и государственно-административного управления. Владикавказ, 2010. С. 299–333; *Кобахидзе Е.И.* От самоуправления к имперскому порядку: опыт создания низовых управленческих структур на Центральном Кавказе (вторая половина XIX – начало XX в.) // Известия СОИГСИ. № 8 (47). 2012. С. 13–28.

³² *Кобахидзе Е.И.* Центральный Кавказ в объединительной политике Российской империи второй половины XIX – начала XX в. Владикавказ, 2016.

³³ *Хромов Б.А.* «Съезд доверенных» как орган местного самоуправления кабардинцев и балкарцев во второй половине XIX – начале XX века // Вестник Кабардино-Балкарского государственного университета. Серия право. Вып. 2. Нальчик, 2007. С. 63–66; *Он же.* Особенности развития местного самоуправления в Кабарде и Балкарии в 1917 году // Муниципальная служба: правовые вопросы. М., 2010. № 3. С. 27–30.

³⁴ *Зумакулов Б.М.* Институт выборов в истории Кабардино-Балкарии. Нальчик, 2005.

³⁵ *Кушихов Х.С.* Социально-политическое и этнокультурное развитие Кабарды в пореформенное время. Нальчик, 2011. С. 71–78.

³⁶ *Кушихов Х.С.* Проблема преемственности Хасы и съезда доверенных Большой и Малой Кабарды и пяти Горских обществ // RES PUBLICA. Вып. 4. Нальчик, 2003. С. 22–30.

³⁷ *Абазов А.Х.* Нальчикский округ в судебной системе Терской области (последняя треть XIX – начало XX в.). Нальчик, 2014.

³⁸ *Абазов А.Х.* Народы Центрального Кавказа в судебной системе Российской империи в конце XVIII – начале XX в. Нальчик, 2016.

³⁹ *Карнов Ю.Ю.* Национальная политика советского государства на северокавказской периферии в 20 – 30-е гг. XX в.: эволюция проблем и решений. СПб., 2017. С. 10–27.

⁴⁰ *Кумыков Т.Х.* Экономическое и культурное развитие Кабарды и Балкарии в XIX в. Нальчик, 1965.

⁴¹ *Аккиева С.И.* Местное самоуправление горских народов Северного Кавказа во второй половине XIX в. (на основе «Положения об аульных обществах и горском населении Кубанской и Терской области и их общественном управлении») // Обычное право и правовой плюрализм на Кавказе в XIX – начале XX в.: материалы Всероссийской научной конференции. Карачаевск: КЧГУ, 2009. С. 22–28.

⁴² *Текуева И.П.* Система административного устройства и самоуправления балкарского селения Гунделен во второй половине XIX – начале XX в. // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2009. № 12–2. С. 124–129.

⁴³ *Кузьминов П.А., Тхабисимова Л.А.* Трансформация аульного управления в Кабарде и Балкарии в научном кавказоведении // Научная мысль Кавказа. 2014. № 3 (79). С. 116–125.

⁴⁴ *Глашева З.Ж.* Сельское самоуправление в пореформенном горском селе // Вестник Дагестанского научного центра РАН. 2015. № 57. С. 61–66; *Глашева З.Ж.* Сельское самоуправление в балкарском селе во второй половине XIX в. // Известия КБНЦ РАН. 2016. № 6 (74). С. 221–227; *Глашева З.Ж.* Административно-территориальные преобразования на Северном Кавказе в период наместничества А.И. Барятинского // Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Т. 9. № 4–1. С. 45–49; *Дзамихов К.Ф., Глашева З.Ж.* Особенности административно-территориальных преобразований у кабардинцев и балкарцев в 1858–1917 гг. // Всеобщая история. 2017. № 4. С. 66–75; *Глашева З.Ж.* Административно-территориальные преобразования в Кабарде и Балкарии в XVI – начале XX в. Часть 1. // Известия КБНЦ РАН. 2017. № 5 (79). С. 78–88; Часть 2 // № 6 (80). С. 188–195.

⁴⁵ *Кушхов И.А., Кочесоков И.Г.* Местное самоуправление в Нальчикском округе в пореформенный период // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 4–1 (66). С. 99–101.

⁴⁶ *Хлынина Т.П., Кринко Е.Ф., Урушадзе А.Т.* Российский Северный Кавказ: исторический опыт управления и формирования границ региона. Ростов н/Д, 2012. С. 7–71; *Урушадзе А.Т.* История военно-народного управления на Кавказе: в поисках автора и истоков // Восток (Oriens). 2012. № 6. С. 137–142; *Урушадзе А.Т.* Кавказ в конце XIX – начале XX в.: проблемы управления и модернизации на южной окраине Российской империи // Quaestio Rossica. 2015. № 2. С. 144–157.

---

1. СЕЛЬСКОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ

1.1. Старшина и сельское правление

Формирование новой системы сельского управления в Кабарде сопровождалось постепенным внедрением наряду с властью аульных владельцев выборных должностных лиц. Согласно концепции В.Х. Кажарова, до середины XIX в. в традиционной системе управления селом существовала лишь власть владельца-вотчинника при отсутствии общинного самоуправления. Утверждение царской власти в Кабарде привело к определенному ограничению власти аульных владельцев, наряду с которой стали вводиться должности выборных старшин, напрямую подведомственных военным властям¹. Переход от общины, подчиненной вотчиннику – аульному владельцу, к общине, организованной по общероссийским принципам, начался еще со второй четверти XIX в., когда, по мнению Х.С. Кушхова, стала складываться переходная модель управления кабардинской деревней².

Идеи о выборной сельской должности высказывались в проекте Я. Шарданова. В 1838 г. он предлагал наряду с сохранением в каждой из четырех фамилий «по одному старшему князю», возложив на него «точнейшее исполнение предписаний и приказаний местного Начальника, наблюдение за благосостоянием жителей и нравственным их поведением, и во всех могущих случиться переменах в народе», ...«в помощь князьям избрать из среды жителей в каждом ауле по одному хорошему поведению нарядчику, посредством чего некоторым образом сблизится управление с Российскими узаконениями»³.

Во второй четверти XIX в. нетипичное использование статуса старшины имело место в крестьянском самоуправлении Вольного Аула. Этот населенный пункт был образован вблизи крепости Нальчик из освобожденных крестьян тех владельцев, кто переселился за Кубань, отвергнув подчинение русским властям. Ввиду отсутствия здесь аульного владельца, управление осуществлялось лицами, называвшими себя «старшинами». Однако, как пояснялось в рапорте

начальника Центра Кавказской линии генерал-майора Голицына в ноябре 1845 г., такое понимание искажало подлинный смысл «титула старшины», одного «из почетнейших между горскими племенами; дела Вольного Аула решаются стариками, из среды жителей самими ими избираемыми, и избранные называются стариками, а не старшинами, теряя и это название с прекращением лежащей на них судейской обязанности». И если выборный терял доверие общества, о его удалении от управления общественными делами⁴.

По мнению Е.И. Кобахидзе, на Центральном Кавказе «к административному переустройству горского села правительство приступило после проведения в крае реформы по освобождению зависимых сословий, начавшейся в 1866 г.»⁵. Однако первые нововведения появились раньше. Поиск форм организации аульного управления начался еще в 1850-х гг. и предполагал использование структур традиционного управления, основанных на вотчинных традициях.

В кабардинских селениях 1852 г. властями Центра Кавказской линии были учреждены две должности старшин. Они избирались Кабардинским временным судом «с согласия владельцев и почетных жителей». Одновременно на аульных владельцев возлагались обязанности по обеспечению полицейского порядка. По мнению В.Х. Кажарова, это нововведение превратило кабардинский аул в «низовую единицу новой административно-политической системы, созданной царским правительством»⁶.

В инструкции для окружных начальников Левого крыла Кавказской линии, утвержденной Кавказским наместником кн. Барятинским в марте 1860 г., говорилось о новом порядке управления в аулах, где главным ответственным лицом становился старшина, выбираемый «для полицейского порядка», в помощь которому обществом назначались десятские, по одному на каждые 50 дворов⁷. Тем не менее, фактическую власть в аулах сохраняли их владельцы. О сохранении прежней власти таубиев в горских обществах писал М. Абаев, отмечая, что пристав «до смерти старых олиев почти не вмешивался во внутренние общественные порядки», а название «сельское (аульное) общество» аулы Балкарии получили в 1870 г.⁸

Параллельно разрабатывались административные регламенты, учитывавшие более локальную специфику. В июне 1860 г. начальник Кабардинского округа в переписке с командующим войсками левого крыла Кавказской линии упоминал о представленном на рассмотрение

и частично утвержденном «проекте положения для управления народами Кабардинского округа», «как правил, – по его заверению, – испытанных мною и найденных более удобными»⁹. Этот проект, поданный в декабре 1859 г., например, опирался на сложившуюся практику вознаграждения лиц выборного самоуправления: «В содержание аульных старшин на счет обществ по народному обычаю ничего не полагается, ибо они освобождаются от всякой общественной повинности, кроме платежа, наравне с другими жителями аула, аульному табунщику. Десятские, тоже будучи освобождены от общественной аульной повинности, должны получать по народному обычаю по 1 р. сер. за каждую невесту, выходящую замуж за жителя другого аула, а также кожи и часть скотины, зарезанной обществом на общественные работы, или богоугодные предприятия»¹⁰.

В административной организации округа проект 1859 г. предлагал разграничение участков с населением, подвластным «по старинному обыкновению» Атажукинской и Мисостовской фамилии (Баксанский участок), и Бекмурзинской и Кайтукинской фамилии (Черекский участок)¹¹. Пять горских обществ – «Балкар, Безенги, Хулам, Чегем и Уруспий» объединялись в Балкарский участок и его судебное устройство учитывало даже правовые особенности отдельных обществ¹². С.Н. Бейтуганов ошибочно принимает проект состава их судов за структуру управления участком. Также, характеризуя избрание первых старшин и участковых судей, автор допускает неточности, используя в перечисляемых обязанностях сельских выборных лиц выдержки из «Положения об аульных общественных управлениях» 1868 г.¹³, хотя до введения этого административного регламента модели организации аульного самоуправления еще неоднократно корректировались, но эффективность системы развивалась очень медленно.

Инструкцией главнокомандующего Кавказской армией 1860 г. избираемому «из почетных лиц аула» старшине предполагалось право наказания провинившихся жителей арестом до 5 дней, для чего в аулах должна была быть устроена «особая караульная»¹⁴. Однако строительство сельских правлений, а тем более, арестантских помещений до конца 1860-х гг. практически не осуществлялось. Не удивительно, что старшинам за неимением приспособленных помещений иногда приходилось запирать арестованных в собственной кунацкой¹⁵.

Развивая переходный административный дуализм, сочетавший адаптацию традиций аульной власти к новым распорядкам, в проекте «Правил по управлению аулами в Терской области», одобренный

командующим Кавказской армией в 1862 г., царские власти предполагали в каждом населенном пункте для «управления оными по полицейской части» должности главного старшины и десятских («почетных стариков», «выборных старшин») «для разбирательства мало-важных дел, возникающих между жителями аула». Главный старшина должен был «избираться» начальником округа «из людей, наиболее преданных правительству, известных своим умом и честностью и справедливостью»¹⁶. Здесь же предусматривалось в случае необходимости, смещение «главных старшин» только начальником округа¹⁷. Предполагая возможные риски сосуществования в аулах традиционной и новой властей, окружная администрация предполагала компромисс: «Обычай искать покровительства у людей сильных, с древних времен сохранившийся между кабардинцами, нередко замедляет и нарушает правильность в делопроизводстве, а потому назначение в каждом ауле, для управления оными по полицейской части, главного старшины и десятских, как представителей власти начальства, будет весьма полезно для управления краем. Хотя назначение это неизбежно навлечет неудовольствие аульных владельцев, оскорбленных отнятием у них прежней власти, но неудобство это легко может быть устранено назначением главными старшинами самих же аульных владельцев, если только сии последние будут направлять действия свои к точному выполнению правил»¹⁸. В итоге, как отмечает А.Х. Боров, «либеральные реформы 60-х гг. XIX в. окончательно уничтожили институт аульных владельцев»¹⁹. Однако неформальное влияние последних инерционно сохранялось еще некоторое время, создавая препятствия для усвоения принципов всесословного, выборного самоуправления, к которому предъявлялись еще и высокие требования бюрократической формализации.

Однако в то же время возникли трудности в усвоении коренным населением новаций в управлении аульными обществами. Первые результаты административных нововведений начальник Терской области М.Т. Лорис-Меликов оценивал сдержанно: в середине 1860-х гг. новые низовые органы власти «не имея никакой определенной организации... почти бездействуют и потеряли всякое значение в глазах народа, в особенности аульные суды; поэтому введение новых сельских управлений, составляя... первый шаг туземцев к некоторому самоуправлению, требует большого внимания и трудов со стороны местной администрации, под непосредственным и бдительным руководством которой эти учреждения должны вводиться»²⁰.

В 1867–68 гг. были учреждены сельские правления. Пристав каждого из участков Кабардинского округа приезжал в подведомственное ему общество и собирал сход, на котором главы домохозяйств избирали старшину, его помощника и трех судей. Единодушные общества в выборе определенного кандидата, при условии, что претендент не имел трений с законом и не исполнял параллельно другую должность, было достаточным основанием для утверждения его старшиной. Если же присутствующий полицейский чиновник имел информацию о каких-либо препятствиях к этому, то пользуясь своим правом, он предлагал избрать другого главу общества²¹. Специальными задачами старшины на период временнообязанных отношений, установленных после освобождения зависимых сословий в Кабардинском округе в 1866–1867 гг., заключались в том, что «пока холопы, вышедшие из зависимости, состоят в обязательных отношениях к владельцу, старшина должен взыскивать причитающиеся с первых вторым повинностей, сообразно требованиям сего последнего, основанным на правилах местного положения»²².

Интересно, что в Кубанской области при введении выборного общественного управления «лица высших сословий, относившиеся весьма враждебно ко всем реформам в быту горцев и неохотно выполнявшие распоряжения начальства, были признаны не удобными на должностях аульных начальников (которые они занимали по правам происхождения)», и поэтому «приказано было упразднить должности аульных начальников, заменив оныя выборными от обществ». Однако это не коснулось закубанских кабардинцев, «среди которых частью исключительные по своему значению влияния, частью фанатическая приверженность к обычаям удержали прежних влиятельных лиц во главе аульных управлений»²³.

Архивные материалы по выборам старшин, происходивших в 1870 г., свидетельствуют о наличии острых противоречий в общинной среде при рассмотрении кандидатур на пост главы правления. Амбиции влиятельных лидеров²⁴, расхождения интересов наиболее многочисленных фамилий²⁵, принципиальное противостояние богатых и бедных жителей²⁶, политические манипуляции «порочных лиц»²⁷ – каждый из этих факторов провоцировал конфликтные ситуации, способствуя общественному расколу. Во всей процедуре исследованных выборов отсутствовало одно обстоятельство: осознание единства и четкое представление об интересах общества в целом, что, впрочем, было характерно не только для административных отношений.

Ограниченность источников, относящихся к кратковременному опыту полностью выборного самоуправления, не позволяет оценить масштаб распространения выявленных процессов, в связи с чем возможно лишь зафиксировать их в качестве тенденции на рубеже 60–70-х гг. XIX в.

Рассмотренный выше порядок выборов старшин определенно носил временный характер и не предполагался в качестве долгосрочной практики. Несомненно, что упомянутые негативные явления лишь укрепляли убежденность российских властей в правильности избранной ими политики, подтверждая неготовность кабардинских сельских обществ бесконфликтно избирать себе главу.

Регулярно в отчетах участковой и окружной администрации отмечалась недостаточная компетентность выборных должностных лиц. Проблемы обнаружились сразу же после введения сельского общественного управления. В 1869 г. начальник Кабардинского округа в ходе проверки деятельности участковых и недавно созданных аульных правлений выявил множество нарушений. Сведения по отдельным сельским правлениям указывали прежде всего на несоблюдение старшинами правил оформления деятельности и учета расходования аульных сумм. Резолюция была следующей: «если и при вторичной ревизии окажутся подобные неисправности и незаконные расходы общественной суммы, то с виновных будет много строго взыскано и все незаконные расходы будут пополнены на счет допустивших их»²⁸.

Однако наибольшие проблемы для окружной администрации и значительный делопроизводственный объем создавали многочисленные обращения с критикой в адрес старшин, которые иногда оборачивались масштабными дознаниями с опросом односельчан, проверкой документации, составлением пространных протоколов и описей и т.п. В 1870 г. такое разбирательство произошло по делу старшины сел. Бабукowo А. Хаупшева. За злоупотребления, выявленные по результатам расследования штабс-капитана Грабовского, старшину заменили его помощником К. Дударуковым²⁹.

Можно предположить, что разбирательства проводились беспристрастно, потому что нередко завершались и оправданием главы общества с выяснением виновных в необоснованных обвинениях. В ходе расследования по жалобе общества аула Атажукина З о злоупотреблениях старшины М. Кармова было установлено, что «взведенные на Кармова обвинения ничем не подтвердились, а напротив того оказались клеветою, возбужденною аульными интригами, которыми руководил

майор Тяжгов», поэтому с инициаторов было рекомендовано взыскать «штраф в общественную кабардинскую сумму 25 руб. и издержки на поездку депутата и переводчика 7 р. 80 к.»³⁰.

С учетом вышеизложенных обстоятельств, думается, что изменившиеся вскоре правила администрирования отражали не столько стремление коронных властей установить тотальный контроль за кадровой политикой в сельских обществах, что в не меньшей степени реализовывалось предшествующей формой выборов, сколько необходимость предоставления населению традиционной кабардинской деревни времени для адаптации к принципиально иным механизмам формирования ее руководящего аппарата. Вошедшее в действие в 1871 г. новое «Положение» зафиксировало порядок назначения старшин главой области по представлению начальника округа, без привлечения общинных сходов. За последними было сохранено право избрания остальных должностных лиц правления.

Обычно в качестве претендента на пост главы правления рассматривались служащие, хорошо зарекомендовавшие себя по исполнению других общественных должностей, авторитетные жители селения, реже – лица, сами изъявившие желание возглавить один из населенных пунктов округа³¹. Иногда с такой просьбой мог обратиться отставной офицер из казачьей станицы соседнего округа³². Сталкиваясь с нехваткой соответствующих кадров, особенно в «сложных» селениях, окружная администрация нередко прибегала к перемещению старшин из одного населенного пункта в другой³³ или даже утверждению во главе кабардинских обществ представителей русскоязычного населения³⁴. Например, в 1894 г. в рапорте начальника 3-го участка главе Нальчикского округа сообщалось: «В таком большом селении, как Кайсын-Анзорово, где много влиятельных и беспокойных стариков, которые возбуждают общество и порождают в них интриги и зависть, всевозможные анонимные доносы, взяточничество и проч., по моему мнению, следовало бы назначить такого старшину, который сдерживал бы нежелательные страсти не столько энергией и деятельностью, сколько своим общественным положением и авторитетом и единственно такой в этом селении уздень Мисост Анзоров. Но если его нельзя назначить на эту должность, то я просил бы Ваше высокоблагородие разрешить мне допустить на должность старшины в сел. Кайсын-Анзорово казака или русского, который был бы самостоятельным при исполнении служебных обязанностей»³⁵.

Немногочисленность свидетельств второго рода и обстоятельства, сопутствовавшие подобным назначениям, не дают оснований рассматривать их в качестве одной из форм обычной практики подбора старшин. Поэтому правильнее интерпретировать известные факты как вынужденные меры, продиктованные особенностями внутренних отношений в конкретных обществах, в определенный и обычно непродолжительный период.

На протяжении последующих 35-ти лет практика избрания старшин ограничивала участие в нем собственно общины. Следует лишь отметить, что в этот период определилась совокупность критериев, согласно которым и в дальнейшем подбирались претенденты на должность главы правления. Представляя кандидатуру, начальник участка наводил справки о его моральных качествах, умственных и организаторских способностях, семейном положении, наличии собственного имущества и физическом состоянии. Далее кандидат проходил проверку в органах полицейского надзора на предмет состояния «под судом и следствием», по представлению начальника округа утверждался начальником Терской области и после принесения присяги в окружном управлении приступал к исполнению своих непосредственных обязанностей.

Особенная ситуация по выборам старшины сложилась в балкарском селении Гунделен, образованном в конце 1860-х гг. в предгорной зоне Баксанского ущелья из безземельных жителей других горских обществ. Ввиду отсутствия здесь представителей высшего сословия – таубиев, сельское общество приглашать к себе на пост главы правления таубиев из других обществ. И.П. Текуева приводит данные о длительном нахождении на этом посту З. Шакманова из Хулама, О. Суншева из Безенги и Н. Барасбиева из Чегема³⁶.

Обстоятельства, способствовавшие пересмотру в начале XX в. этой процедуры избрания глав правления остаются не вполне ясными. Действительно, на рубеже веков неоднократно проявлялось недовольство обществ своими старшинами, отраженное в различных жалобах и прошениях. Нет сомнений, что их количество стало одним из оснований для признания Кавказским главнокомандующим и ранее очевидного факта: «старшины, назначаемые в туземные селения по усмотрению местной администрации, не всегда соответствуют своему назначению»³⁷. Данного мнения было бы вполне достаточно для ускорения процесса передачи полномочий по избранию старшин сельскому сходу. Однако, обстоятельства целого ряда конфликтов

между сельской администрацией и подчиненными ей жителями, не дают никаких оснований для интерпретации их как проявлений борьбы населения «за право выбора старшины», на чем настаивает Ж.А. Калмыков³⁸. Это было связано с общими изменениями в административной системе на Кавказе вследствие восстановления Наместничества в 1905 г.³⁹

Борьба такого рода требовала прежде всего определенного уровня политической культуры, своеобразной политической зрелости и консолидации сельского общества в целом, признаков чего в источниках практически не наблюдается. Инициаторами выступлений против сельских властей был, преимущественно, узкий круг общинников, руководимый фамильными, сословными и, более всего, материальными соображениями. И наконец, подобные движения, направленные против отдельных, одиозных обществу (или его части) личностей, никогда не провозглашали своей целью достижение права выбора как такового, а ограничивались смещением неугодного старшины.

Однако многие замечания продолжались и повторялись впоследствии. В отчете за 1884 г. по 1 участку Нальчикского округа отмечалось: «замечаются неправильности и неумение сельских правителей и судей, причины этому малоразвитость и в большей степени неграмотность их, незнание законоположений. Учреждения эти особенного влияния на экономический быт населения не имеют, вообще же как сельские старшины, и судьи мало знакомы с судебными уставами»⁴⁰.

Вследствие этого, необходимо отметить сомнительность выводов Ж.А. Калмыкова относительно связи рассматриваемого преобразования с борьбой «за право выбора старшины» и «революционными событиями в России»⁴¹. Более правдоподобной причиной изменений избирательной процедуры представляется поиск региональной российской администрацией способа преодоления возникших трудностей в управлении сельскими обществами в начале XX в. К преобразованиям аналогичного порядка можно отнести и реорганизацию сельских сходов, проведенную годом ранее. Распоряжением Главнокомандующего Кавказского военного округа 4 октября 1906 г., незадолго до этого учрежденным сборам выборных лиц предоставляется право избирать сельских старшин посредством баллотировки (голосования с помощью шаров)⁴². Источники позволяют реконструировать многие обстоятельства выборов тех лет и выявить главные причины, побудившие начальника Нальчикского округа три

года спустя сожалеть о проведенном реформировании избирательной процедуры.

Сбор «десятидворных представителей», обсудив одну или несколько кандидатур, путем тайного голосования по каждой из них отдельно, производил выбор старшины. Им становился претендент, получивший 2/3 избирательных шаров. Его имя фиксировалось особым приговором, подтверждающим согласие общества на это избрание, а означенный документ представлялся на утверждение начальству⁴³.

Однако установленный порядок избрания во многих обществах немедленно столкнулся с непониманием и неисполнением его основных норм, что выражалось в нарушениях, выявлявшихся на стадии рассмотрения кандидатур или непосредственно в процессе голосования. Избрание старшины полным сельским сходом⁴⁴, отсутствие простейшей проверки моральных качеств претендента или, что более вероятно, сознательное игнорирование его порочной репутации⁴⁵, выбор кандидата, не спрашивая его согласия, без учета домашних обстоятельств и физического состояния⁴⁶ – вот далеко не полный перечень причин, по которым аннулировались результаты многих выборов. Впрочем, последнее происходило не всегда. В 1906 г. выборные общества Тамбиево 1-го, «не желая нарушить старых обычаев» и «унизить фамилии Тамбиевых», добились, поручившись перед начальством, утверждения старшиной привилегированного односельчанина, состоящего в числе «порочных лиц». Три года спустя он же был избран вновь, несмотря на многочисленные злоупотребления, также известные и окружным властям⁴⁷. В 1909 г. выборные селения Куденетово 1 из трех кандидатов избрало старшиной Х. Алтудокова, который ранее уже был удален с этой должности за растрату, пояснив в приговоре, что «нет у нас людей, которые бы могли вести должность старшины»⁴⁸. По словам доверенных селения, ситуация объяснялась «в силу сложившегося обычая у нашего некультурного народа – это так: скажи правду и погиб, вот чего боится наш бедный простой народ, он вечный раб в своих селах известных личностей, другими словами боится их и вот, в силу такого обстоятельства, и не желаешь да подписываешь приговор на избрание старшиною нежелательного человека»⁴⁹. В итоге старшиной был избран Т. Вороков⁵⁰.

Процесс баллотировки из-за противоречий в обществе нередко завершался безрезультатно, нарушался неоднократным голосованием одних и тех же выборных⁵¹, сопровождался давлением на них со стороны «порочных лиц»⁵² или, «в силу сложившегося обычая»,

непосредственным принуждением отдельных избирателей к нежелательному для них выбору.

Вновь проявившаяся неспособность некоторых обществ правильно и бесконфликтно избирать главу, вынуждала окружную администрацию проводить экстренные выборы в присутствии полицейских чиновников⁵³ или угрожать назначением старшин из других селений⁵⁴. Кроме того, неоднократные распоряжения об удалении глав правлений, как несоответствующих занимаемой должности⁵⁵, отчетливо указывают на некомпетентность многих избираемых обществами старшин, каковое качество проявляется уже в процессе их служебной деятельности. Нередкими являлись и конфликты между выборными служащими сельского общества. Ю.Д. Анчабадзе рассмотрел различные конфликты между старшиной и починенными ему должностными лицами сельского правления и пришел к выводу, что в основном коронные власти, разбиравшие такие ситуации, становились на сторону главы сельского общества⁵⁶.

Статус старшины предоставлял его обладателю большие возможности в реализации своих частных интересов. По впечатлениям А. Ардасенова, «громадное большинство кулаков выходит из среды сельской администрации, это бывшие и настоящие старшины аулов, их помощники, выборные, казначеи и проч. Поцарствовав несколько лет, они успевают сколотить, им одним известными способами, небольшой капиталец, завязать связи в правящих сферах, дабы в минуты жизни трудные было за что ухватиться и затем потихоньку да полегоньку принимаются за какие-либо практические предприятия, оставаясь в то же время на посту любителя порядка и общественной нравственности. Скупщиками хлеба, шпал и дров на железную дорогу, подрядчиками для разных работ, содержателями земских троек, паромов и проч. почти исключительно являются старшины, их помощники и соратники. Забравши силу старшина, вследствие двойного своего привилегированного значения экономического и юридического – становится лицом недосыгаемым, всеильным»⁵⁷. Однако реальность сельского самоуправления была значительно разнообразнее, и окружной администрации приходилось разрешать и совершенно обратные ситуации.

В 1911 г. представители Бабуковского сельского общества попытались добиться смещения старшины Х. Коцева, обвиняя его в защите интересов богатых односельчан и, в первую очередь, его дяди, коннозаводчика хаджи Тамаши Коцева⁵⁸. Однако по результатам дознания

начальник участка не нашел доказательств злоупотреблений, но установил, что только часть общества, 150 дворов из двух кварталов «питают ненависть к хаджи Коцеву и по существующей обычной сельской интриге стараются хорошее и полезное дело утопить». Причина этого представлялась в том, что Коцев, являясь «выборным уже шесть лет и за это время старался внушить советом прекратить воровство, пьянство, продажу водки, растрату общественных сумм и все дурное, но это ему, Коцеву не удавалось благодаря противной партии, из какой был старшиной Тавкешев [один из заявителей. – Д.П.]»⁵⁹. Настойчивость жалобщиков, в том числе и в форме «донесения заинтересованных жителей, ... не пожелавших выяснить фамилию»⁶⁰, была такой усердной, что и сам Т. Коцев обратился к начальнику округа с просьбой защитить его от клеветы «начальническим распоряжением»⁶¹. По итогам расследования начальник участка ходатайствовал: «За такую клевету на старшину и в назидание для будущих жалобщиков, которые часть селения взбунтовали настолько, что может кончиться беспорядком ... о наказании виновных ... властью начальника области»⁶². Однако дело просто оставили без последствий. Интересно, что в 1906 г. в Бабуковском обществе коллективное заявление о неподобающем проведении первых выборов старшины организовали «некоторые из стариков, не попавших в число выборных», а обвинения выдвигались против тех, кто «при решении каких-либо общественных дел являются более энергичными людьми на сходе выборных и своим мнением влияет на остальных выборных»⁶³.

В течение нескольких лет издержки новой системы стали настолько очевидны, что в 1909 г. начальник Нальчикского округа, в ответе на запрос из областного правления, выражал однозначную уверенность: «выборы сельскими обществами лиц в должность старшин не принесли желаемой пользы, в чем население вполне убедилось», признавая «крайне желательным установить во всех туземных селениях... прежний порядок назначения сельских старшин»⁶⁴. Последнее пожелание удовлетворено не было, однако впоследствии областная администрация назначала в некоторые наиболее неблагонадежные селения временных «правительственных старшин»⁶⁵, в основном из русского населения. Однако в некоторых случаях старшиной мог быть назначен и односельчанин⁶⁶. По данным Г. Баева, несколько примеров такой практики стали неудачным опытом⁶⁷.

Сельское правление, помимо главы – старшины, включало его помощников, в том числе квартальных, казначея, эфенди,

общественных доверенных и санитарных попечителей. Писарь, рассыльный, словесный переводчик, глашатай, сторож общественных строений и милиционеры составляли вспомогательный персонал. Должностные лица правления избирались сходом (с 1905 г. – сбором выборных лиц) на один год, а затем утверждались начальником округа. Порядок этот не изменялся и, судя по источникам, нарушался редко. Среди нарушений преобладали выбор в члены правления «порочных лиц»⁶⁸, возложение общественных обязанностей вопреки желанию избираемого⁶⁹ и совмещение одним человеком двух должностей⁷⁰. Последнее обстоятельство относилось к частичным ограничениям и, например, сельским судьям с разрешения начальства дозволялось исполнять обязанности помощников старшины⁷¹, а последним – доверенных и казначеев⁷².

Жители, однажды состоявшие на общественной должности, при вторичном избрании имели право отказаться от назначения⁷³, поэтому данные обязанности исполнялись в порядке определенной сходом очередности взрослыми мужчинами селения. Такая практика сформировалась вследствие того, что работа помощников старшин, казначеев, доверенных и санитарных попечителей не оплачивалась в денежном выражении⁷⁴. В качестве вознаграждения некоторых из указанных должностных лиц освобождали от уплаты повинностей по подворной раскладке⁷⁵, чтобы частично возместить убытки, неизбежно возникавшие при их отвлечении от ведения собственного хозяйства.

Среди качеств, принимавшихся во внимание при выборе претендентов, особое место занимал их возраст. Первоначально предполагалось привлечение на общественные должности «почетных стариков»⁷⁶. Однако российская администрация за несколько лет изменила свое отношение к этому вопросу и в «Положении» 1871 г. определила возрастные рамки для сельских служащих 25 и 60-ю годами⁷⁷. Впрочем, в течение всего изучаемого периода продолжался неконтролируемый выбор обществами более старых людей, что вынудило царские власти признать возможность их официального утверждения, если кандидаты преклонного возраста изъявляли на это свое согласие и их физическое состояние соответствовало предполагаемой должности⁷⁸.

Высшей административной властью в сельском обществе обладал старшина, который не только возглавлял аппарат правления, но и являлся главным связующим звеном в отношениях между общиной и царской администрацией. Его ведомству в течение трехлетнего

срока подлежали «все без исключения жители, в пределах сельского общества находящиеся»⁷⁹, в отношении которых он исполнял целый ряд полицейских и общественных функций.

Обязанности первого рода включали поддержание «общего порядка и спокойствия» на подвластной ему территории, осуществление контроля за исполнением предписаний начальства и «нераспространением между жителями подложных указов и вредных слухов», задержание неблагонадежных лиц и своевременное информирование вышестоящих властей об имеющихся местах беспорядков, преступлениях и заразных болезнях, претворение в жизнь приговоров сельского схода и суда. Старшина также контролировал передвижения жителей за пределами общества⁸⁰ и по сложившейся традиции исполнял функции сельского милиционера, получая за это дополнительное жалованье⁸¹. Еще с 50-х гг. XIX в. постоянной обязанностью старшин являлось информирование о неблагонадежных и подозрительных лицах⁸², и это неоднократно повторялось в последующих административных инструкциях⁸³. Если старшина не предпринимал мер по борьбе с эпидемиями в селении и даже не доносил об этом вышестоящему начальству, его могли удалить от должности⁸⁴.

Общественные обязанности старшины включали созыв и роспуск сельского схода, своевременное информирование населения о распоряжениях начальства, контроль за деятельностью лиц сельского правления, частичное регулирование поземельных отношений, наблюдение за исправным отбыванием жителями денежных и натуральных повинностей, распоряжение общественным хозяйством и общественной суммой⁸⁵. Старшина должен был надзирать и проводить дознания по случаям безнравственного поведения его односельчан⁸⁶. Также на старшину возлагались обязанности по обеспечению организации окружных органов самоуправления и поэтому могли налагаться взыскания за несвоевременное предоставление приговоров о сельских представителях на съезд доверенных⁸⁷.

Также на старшину возлагалось производство по исполнительному листу, выдаваемому Нальчикским горским словесным судом, для взыскания долгов в Кабардинскую общественную сумму. Эти действия производились при понятых и обязательно протоколировались в форме акта⁸⁸, сопровождаемого описью обнаруженного имущества⁸⁹. Интересно, что в большинстве случаев старшина сообщал о неплатежеспособности должников и поручителей и отсутствии какого-либо имущества, пригодного ко взысканию.

Для содействия старшине избирались помощники, количество которых зависело от численности жителей селения. В многолюдных обществах кроме одного-двух основных помощников избирались квартальные⁹⁰. Отдельные селения, по причине малолюдности подчинявшиеся правлениям близлежащих, более крупных населенных пунктов, возглавлялись именно помощниками, как это было в селении Хабаз, административно включенном в Кармовское общество⁹¹. Возможно, во избежание неоправданного разрастания аппарата правления, помощники старшин нередко исполняли обязанности судей, казначеев и доверенных для сбора денежных повинностей⁹². Исполнение функций помощника старшины было неоплачиваемой деятельностью и рассматривалось как общественная повинность. Поэтому многие либо отказывались, либо исполняли по очереди, либо стремились сократить срок исполнения обязанностей до одного года, вместо трех⁹³.

Основную работу по взиманию налогов исполнял сборщик податей (казначей), от которого, помимо упомянутых выше общих достоинств, требовалось знание русской или арабской грамоты, а также материальная состоятельность и независимость⁹⁴. В целях обеспечения служебной преемственности в помощь казначею избирали кандидата. После прохождения испытательного срока на следующий год он становился главным претендентом на должность сборщика налогов.

Надзор за поддержанием чистоты на улицах, во дворах, по берегам рек и канав возлагался на санитарных попечителей, избираемых для каждого квартала, обычно в количестве 3-х человек⁹⁵.

Отличительной особенностью служащих вспомогательного персонала сельского правления было то, что они все получали денежное жалованье, назначавшееся из общественных сумм⁹⁶, и вследствие этого не освобождались от уплаты повинностей по подворной раскладке⁹⁷. Еще одним преимуществом являлась возможность выезжать за пределы сельских обществ за счет общественных сумм. В начале XX в. окружные власти с беспокойством отмечали, что расходование командировочных средств зачастую осуществлялось без санкции приговора сельского схода и должного учета в денежных книгах⁹⁸.

Одной из ключевых фигур правления, получателем самого высокого жалованья был писарь. С 1868 г. эти обязанности поручались «старшему аульному эфендию». Ввиду привычности в общинном делопроизводстве арабского языка требовалось «для письменных приказаний участкового начальника и для исполнения других его поручений содержать при каждом участковом начальнике по одному

письмоводителю арабского языка, которому жалование должно быть от народа». С целью постепенного утверждения в делопроизводстве русской письменности требовалось «все распоряжения в ауле писать на русском языке с переводом на второй половине бумаги по-арабски и подписывать эти распоряжения»⁹⁹. С введением «Положения» 1870 г. писарей стали нанимать из русского или казачьего населения, чей родной язык являлся делопроизводственным. Однако наибольшее доверие общинники испытывали к редким пока еще писарям-односельчанам и крайне болезненно реагировало на их смещение. В 1893 г. И. Муллаев по распоряжению начальства был отстранен от должности писаря в Хуламском обществе и население всячески препятствовало старшине Т. Шакманову в принятии на эту должность жителя слободы Нальчик В. Вязьмитина¹⁰⁰.

Случалось, что общества, недовольные значительными расходами на писаря, вносило изменения в первоначальные условия договора. В 1894 г. от имени общества «12 выборных стариков» постановили уменьшить месячное жалование писарю сел. Тыжево Д. Козыренко с 20 до 15 рублей, чтобы успокоить часть односельчан, возмущенных стоимостью его услуг. Однако такие действия были возможны только по распоряжению начальника участка, который рекомендовал установить жалование в 17 руб.¹⁰¹ В том же году другой писарь отказывался работать за 200 руб. в год¹⁰² и для таких случаев сельские правления прибегали к услугам «запасных» писарей, чтобы не лишиться делопроизводителя¹⁰³. Право аульных обществ самим избирать себе писаря решением сборов выборных было предоставлено в Терской области с восстановлением в 1905 г. Кавказского наместничества¹⁰⁴. После этого некоторые общества могли настаивать на продлении договора с писарем, который даже имел судимость, но «пишет то, что ему укажут»¹⁰⁵.

Высокая стоимость услуг писаря была связана с необходимостью вести обширную и разнообразную переписку с участковым и окружным правлениями, и неграмотностью большинства старшин. Учитывая, что в начале XX в. в их ведении находилось порядка 20-ти разного рода журналов, счетов и книг¹⁰⁶, которые нуждались в своевременном и правильном заполнении, зависимость населения от писаря и его помощника – словесного переводчика, представляется весьма значительной. Это нередко отрицательно сказывалось на общественных делах, при отсутствии профессионализма или низких моральных качествах вышесказанных должностных лиц¹⁰⁷.

В обязанности сельских милиционеров входил «самый бдительный надзор за селением, охраняя имущество, скот, овец и лошадей от краж», задержание «злоумышленников, проведение расследований по преступлениям, совершенным в пределах общества». Причем, если милиционеры не обнаруживали, например, воров, то стоимость утраченного имущества они возмещали из личных средств. Милиционеры находились в распоряжении старшины и должностных лиц сельского правления и были обязаны выполнять все их требования и поручения¹⁰⁸.

Порядок избрания общинной администрации, учреждённый российскими властями в 1860-х гг., на практике значительно зависел от взаимоотношений внутриобщинных группировок. Также в нем нередко проявлялось неприятие кабардинцами некоторых распоряжений, противоречивших традиционным представлениям о составе и принципах деятельности сельской власти. Одной из главных причин неустойчивости функционирования избирательной системы оказалось инерционное следование кабардинцев воспроизводить в рамках административных новаций общинного самоуправления элементы традиционной организации власти, и отсюда пренебрежение отдельными принципами нового сельского администрирования, нарушения должностной дисциплины и частое вовлечение чиновников внеобщинных инстанций в разрешение внутриобщинных противоречий в административной и других смежных сферах, доступных компетенции сельского правления.

Пореформенные сельские общества в силу устойчивости в народном представлении установок традиционных социальных отношений, медленно воспринимало и усваивало нововведения административной реорганизации. Это затрудняло процесс адаптации коренного населения к принципиально иным порядкам формирования и функционирования сельской власти. Негативные тенденции, проявившиеся в переходный период становления новых административных отношений, вплоть до начала XX в. сохраняли дестабилизирующее влияние на общину в целом, а социальная среда, являвшаяся их источником, нередко приспособлялась к своим, прежде всего экономическим потребностям, управленческие функции сельских правлений.

1.2. Сельские сходы

Первичным коллегиальным институтом общественного самоуправления являлись собрания домохозяев – сельские сходы. По вопросу функционирования сельских сходов в дореформенный период в литературе существует определенное расхождение. Х.М. Думанов на примере нескольких источников иллюстрировал деятельность в дореформенной кабардинской деревне сельских сходов. Обращая внимание, что не следует преувеличивать значение общинного самоуправления, автор отмечал, что оно находилось под контролем аульного владельца и царской администрации¹⁰⁹. В.Х. Кажаров оспаривал это мнение, утверждая, что в условиях полного сосредоточения власти в руках аульного владельца в кабардинской деревне не могло существовать и сходов, как органов самоуправления¹¹⁰.

Установить точное время учреждения царскими властями сельских сходов как органов аульного управления пока не представляется возможным. Предположительно, регулярный созыв собраний домохозяев, которые на равных были наделены правом избрания, начинается с учреждением выборных должностей, как в аульном управлении, так и членов окружного и участковых судов. В апреле 1860 г. начальник Кабардинского округа распорядился об «избрании народом», т.е. сельским сходом, двух или трех доверенных от каждого аула и особо отметил, что «этому же порядку следует держаться при избрании аульных старшин и десятских»¹¹¹. В марте 1861 г., при назначении очередных выборов приводится ссылка на инструкции для окружных начальников войск Терской области и прямо указывается, что «выбор доверенных лиц должен быть произведён непременно с согласия целого общества, но отнюдь не по исключительном желанию сильных и влиятельных людей, а для этого необходимо, чтобы все аульное общество было в сборе и знало настоящее требование начальства»¹¹². Принимая во внимание, что такие выборы становятся регулярными, можно говорить о постепенном вытеснении решениями схода распорядительной власти аульных владельцев. Хотя они и сохраняли на тот момент номинальное верховенство в сельском управлении, но не получили право руководить собранием домохозяев.

Как ключевой орган аульного самоуправления сход упоминается в проекте правил для управления аулами в Терской области, составленным в 1862 г., предусматривалось: «для обсуждения дел, касающихся целого аульного общества, устанавливается в каждом

ауле мировой сход, на который по вызову главного старшины и под его председательством собираются с каждого двора старшие члены семейств...»¹¹³.

В 1865–1868 гг. с укрупнением селений, освобождением зависимых сословий и учреждением сельского общественного управления власть аульных владельцев была упразднена, а часть их функций официально передана сельскому сходу.

Общий регламент нового административного института определялся временным «Положением об аульных общественных управлениях» 1868 г. и в окончательной редакции «Положением» 1871 г. Согласно последнему документу, в работе схода принимали участие домохозяева, приписанные к обществу. Главы семейств, которые не владели отдельным земельным паем, временнопроживающие, иногородние наемные работники, а также «лица, опороченные по суду за кражу и бывшие в административной ссылке за неисправно-порочное поведение»¹¹⁴, лишались права голоса на сельском собрании. Еще Положением 1868 г. предполагалась возможность сельским сходам принимать «приговоры о временном устранении некоторых жителей от участия в сходах, не более как на 3 года»¹¹⁵. По подсчетам Ж.А. Калмыкова, в первые годы XX в. в кабардинских селениях до 28% домохозяев не допускались на сходы, что не препятствовало работе мирского схода, поскольку требуемый законом минимум участников, необходимый для принятия решений, составлял 2/3 от общего количества домохозяев в общине. В столь высоком проценте отстраненных от участия в сельском самоуправлении автор видит убедительное свидетельство «полицейско-административной репрессии», которая приняла в те годы «массовый характер»¹¹⁶. К сожалению, в этой оценке не уточняется, что подобные санкции изначально являлись прерогативой сельской администрации, согласуемой с сельским сходом¹¹⁷.

Порядок отсева участников сельского схода был установлен российским административным регламентом. Лишение, либо не предоставление земельных прав и причисление к категории «порочных лиц» происходило на сельском сходе или по решению «почетных стариков»¹¹⁸. В отдельных случаях попытки отстранения от участия в общинных собраниях предпринимались сельской властью в отношении тех домохозяев, чье поведение деструктивно влияло на процесс функционирования коллективного самоуправления¹¹⁹. Впрочем, необходимо признать, что данные обстоятельства лишь формально выступали непреодолимым препятствием для доступа на

сельский сход. Известен случай, когда неоднократно судимый человек обладал весомым влиянием на собрание домохозяев¹²⁰. А прецеденты избрания на административные должности «порочных лиц» позволяют предположить, что названная категория односельчан являлась нередким участником и общинных сходов. Наряду с этим сходы могли проявлять и отвергнуть возвращение на жительство лиц, сосланных по решению суда, даже по предложению старшины¹²¹.

Созыв и роспуск сельского собрания, поддержание на нем порядка и предложение на рассмотрение домохозяев дел, касающихся «нужд и польз сельского общества» являлись прерогативой старшины¹²². Решения по вопросам, обсуждаемым сходом, принимались путем тайного или открытого голосования и затем оформлялись в виде приговоров, заносимых в специальную книгу. Однако законную силу они приобретали только после утверждения приговоров окружной администрацией. Последняя таким образом осуществляла контроль за основными процессами внутренней жизни кабардинских сельских обществ.

Круг полномочий сельского схода включал исполнение некоторых основных функций:

1. **Кадровая.** Избрание должностных лиц общинного правления, аульных судей, мусульманских священнослужителей и доверенных, а также обсуждение и принятие самоотводов и отставок служащих;

2. **Поземельная.** Регламентация и контроль за осуществлением переделов юртовой земли, распоряжение свободными угодьями, в том числе сдача в аренду иногородним жителям пастбищных участков и территорий для добычи полезных ископаемых¹²³;

3. **Финансовая.** Раскладка денежных повинностей¹²⁴, рассмотрение вопроса о частичном или полном освобождении от налоговых выплат¹²⁵ и надзор за правильностью пользования общественной суммой. Для проверки финансовой деятельности, сельского правления из числа наиболее авторитетных участников схода создавались специальные комиссии¹²⁶;

4. **Хозяйственная.** Регламентация и координирование общесельского производственного процесса, принятие решений о мобилизации трудовых и материальных ресурсов для выполнения работ общинного значения: возведения общественных зданий, строительства изгородей вокруг полевых участков, сооружения каналов, прокладки дорог, укрепления речных берегов и тому подобное;

5. **Судебная.** Разбор и урегулирование конфликтных ситуаций как в рамках сельского общества, так и во взаимоотношениях с другими населенными пунктами¹²⁷;

6. **Семейная.** Санкционирование разделов больших семей¹²⁸, улаживание внутрисемейных противоречий¹²⁹, назначение опекунов сиротам¹³⁰;

7. **Морально-воспитательная.** Собрание домохозяев являлось главным выразителем общественного мнения по вопросам, касающимся различных аспектов нравственного состояния общинной среды. Сельский сход давал публичную оценку поступкам односельчан¹³¹, оказывал влияние на последних силой коллективного поощрения или порицания¹³², разделял моральную и материальную ответственность за правонарушения, совершенные жителями селения¹³³.

Помимо этого сельский сход был призван рассматривать прочие текущие вопросы общественной жизни, являлся местом обсуждения всевозможных событий за пределами общины и одной из форм организации массового общения односельчан.

При выработке решений по вышеперечисленным вопросам домохозяева руководствовались кабардинским обычным правом и российскими административными инструкциями. Однако сложившаяся в пореформенные годы практика функционирования сельских собраний не вполне соответствовала правовым распоряжкам, установленным царскими властями. Кроме того, на принципах работы коллективного самоуправления отразились ряд обстоятельств, порожденных общественной ситуацией первых пореформенных лет.

Укрупнение селений в 1865 г. повлекло за собой сохранение квартальной обособленности бывших аулов в новых сельских обществах. На сходах при обсуждении важнейших проблем случались столкновения интересов домохозяев, проживающих в разных кварталах-джамаатах¹³⁴, что нередко приводило к фактическому расколу в сельском самоуправлении. В качестве одного из способов предупреждения такого рода конфликтных ситуаций сложилась практика, не предусмотренная «Положением» 1871 г.: вынесение вопросов, касающихся жителей малых территориальных общностей на квартальные сходы¹³⁵. Во временном положении 1868 г. сложносоставной характер сельских обществ предполагал возможность автономного и поэтапного принятия решений: «Малолюдным аулам, входящим в состав одного аульного общества, предоставляется независимо от общего аульного схода собираться особо, на частных сходах для

обсуждения предметов исключительно их касающихся, а именно: о распределении земли, отдельно им принадлежащей, о внутренней раскладке между ними податей и повинностей и предварительное совещание по делам, которые должны обсуждаться на общем аульном сходе»¹³⁶. Вместе с тем, небольшим аулам, поселкам или хуторам, территориально включенным в сельские общества более крупных населенных пунктов и административно подчиненным их правлению, официально разрешалось внутренние дела решать на собраниях своих домохозяев¹³⁷. Похожую ситуацию современники наблюдали в дагестанских сельских обществах, где аульный джамаат играл роль высшей инстанции по отношению к квартальным джамаатам¹³⁸.

В дореформенной кабардинской деревне все крестьянские сословия были отстранены от участия в управлении селением¹³⁹. Отмена крепостного права в 1866–1867 гг. и учреждение в 1868 г. институтов общинной власти сделали возможным привлечение к исполнению управленческих функций более широких слоев населения. Со второй половины 60-х гг. XIX в. аульные сходы представляли весь спектр многосословной общинной организации: от князей и урков до бывших крепостных, и от беднейшего крестьянства до сельских предпринимателей.

Социальная разнородность, сохранение в обыденном сознании рядовых кабардинцев принципов межсословной субординации и отсутствие у крестьян практических навыков коллективного самоуправления были препятствием к тому, чтобы сельские сходы стали собранием действительно равноправных домохозяев, как этот возводилось в принцип административными инструкциями.

Одними из ключевых фигур схода являлись неформальные лидеры. Их влияние основывалось на личном авторитете (в основном, определявшимся высоким сословным и имущественным статусом) и обеспечивалось поддержкой ближайшего окружения, в своей совокупности составлявших своеобразные общинные корпорации. Фактором, определяющим идеологическое единство их членов, выступали родственные и соседские связи (прежде всего, проживание в одном квартале). На рубеже XIX–XX вв. на первый план выступает общность экономических интересов. И хотя она по-прежнему в основном объединяла родственников и соседей, первые факторы утратили свое определяющее значение. Как правило, противоречия возникали между группировками, специализирующимися на различных занятиях (земледельцы-скотоводы¹⁴⁰), либо конкурирующими в одной отрасли¹⁴¹.

Корпоративные интересы проецировались на базовые вопросы общинного быта, – регламентацию землепользования и выборы должностных лиц, – усложняя процесс их решения. Сельский сход, где рассматривались данные проблемы, становился ареной борьбы за наиболее выгодные условия экономической деятельности.

Для достижения своих целей влиятельные группировки весьма эффективно манипулировали общинным собранием. Убеждение односельчан осуществлялось с помощью арсенала разнообразных средств: от уговоров с применением демагогических приемов¹⁴², до прямых угроз¹⁴³. В первом случае, если сам неформальный лидер не блистал красноречием, главная роль отводилась наиболее талантливым ораторам, которых в народе называли «говорунами»¹⁴⁴. Во втором полагались на сохранявшиеся в крестьянской среде «привычки подчиняться» и страх перед «сильными людьми»¹⁴⁵.

Собрание домохозяев вполне могло выступать и оппозиционной силой по отношению к выборным общинным властям. Однако реализовать интересы общества в силу сосредоточения руководства работой сельского схода в руках старшины не всегда удавалось. В 1883 г. в ходе земельного спора во Владикавказском окружном суде Урусбиевского общества против таубиев Урусбиевых возникли сложности, обусловленные необходимостью получения санкций сельского общества. Для подтверждения позиции общественного доверенного О. Джаппуева суд затребовал показания общества, заверенные приговором сельского схода. Однако, согласно заявлению доверенного начальнику Нальчикского округа, «так как в обществе Урусбиевском должность сельского старшины занимает г-н таубий Науруз Урусбиев, один из истцов и заинтересованных в сказанном деле лиц, то старшина Урусбиев не только что бы лично от себя собрал бы общественный сход для обсуждения вопроса по ведению дела о земле Баксанского ущелья, но даже по моей просьбе как доверенного и по просьбе других членов никогда не собирает схода и даже под видом ответственности воспрещает всем собирать для этой надобности сход, а если хотя когда либо и бывает общественный сход по другим вопросам, где между прочим кем либо если и бывает заявлено обществу об обсуждении вопроса о земле, то г-н Урусбиев воспрещает это». Просьба о смещении старшины была оставлена без последствий ввиду отсутствия у заявителя доверенности от общества, оформлявшейся опять же приговором сельского схода¹⁴⁶. Таким образом, владельческая фамилия, руководствуясь частными интересами, эффективно препятствовала

осуществлению сельским сходом функций по делегированию полномочий общественному доверенному. Рассмотренный случай был характерен в для ситуации в Урусбиевском обществе, где таубии долгое время находились в конфронтации с односельчанами, что отражалось и в разнообразных конфликтах в практиках общинного самоуправления.

Наиболее острые межкорпоративные конфликты в отдельных случаях выливались в акции неповиновения общинным властям: созыв схода по инициативе одного или нескольких неформальных лидеров, но без надлежащего распоряжения старшины¹⁴⁷, солидарное осуждение домохозяевами проступков главы правления¹⁴⁸. Наконец, часть собрания могла вовсе покинуть пределы сельского общества в знак протеста против действий должностных лиц¹⁴⁹.

Подобные прецеденты и прочие издержки административной практики наглядно показывали необходимость реорганизации института коллективного самоуправления и упорядочения его деятельности. Вследствие чего Кавказским наместничеством для «устранения беспорядка при рассмотрении и решении общественных дел»¹⁵⁰ была частично изменена структура сельского правления. С 1905 г. полные общинные сходы стали собираться только для избрания «выборных лиц» – депутатов, в течение 3-х лет представлявших на своих собраниях интересы десяти дворов. Круг полномочий сбора выборных лиц включал вопросы, прежде относившиеся к компетенции схода всех домохозяев, кроме одного существенного нововведения: с 1906 г. десятидворные представители получили право избирать сельского старшину. Хотя бы поэтому нет оснований рассматривать преобразование общинных собраний как ликвидацию «ничтожных прав сельских сходов», о чем пишет Ж.А. Калмыков¹⁵¹. Как представляется, был создан более мобильный административный институт, собрания которого было проще организовать, не отрывая от хозяйственных дел большую часть экономически активного населения.

Десятикратное уменьшение числа участников сельских собраний потенциально упрощало процесс выработки и принятия решений. Вместе с тем, выборные лица столкнулись с серьезным давлением внешней, по отношению к ним, общинной среды. Влиятельные группировки разными способами утверждали «своих» десятидворных представителей; дискредитировали их наиболее авторитетных коллег-оппонентов¹⁵², стремясь удалить последних из состава участников сбора; оказывали моральное воздействие на выборных, принуждая их подписывать приговоры вопреки собственным убеждениям¹⁵³.

Впрочем, роль неформальных лидеров в общинной жизни и на сельских собраниях, в частности, не подлежит однозначно негативной оценке. Именно они возглавляли силы, противоборствовавшие злоупотреблениям должностных лиц правления, и этим вносили, несомненно, позитивный вклад в поддержание упорядоченности административных отношений в сельском обществе.

В целом, пример сельских сходов и сложившаяся в пореформенные годы практика их функционирования наглядно демонстрировали болезненность, непоследовательность и противоречивость процесса восприятия традиционным общественным бытом кабардинской деревни несвойственных ему механизмов администрирования.

1.3. Сельские суды

До 1860-х гг. в кабардинских селениях отсутствовали постоянные суды и традиционное правосудие осуществлялось медиаторами¹⁵⁴. С начала 60-х гг. XIX в. усилился административный контроль за сельским судопроизводством. 9 апреля 1860 г. начальником штаба войск левого крыла Кавказской линии было поручено начальнику Кабардинского округа «для устранения фанатического влияния магометанского духовенства на народ, действующего во вред видам Правительства нашего... наблюдать, чтобы разбирательство по шарияту отнюдь не вводилось в тех местах, где оно не существует, и чтобы аульные эфенди и муллы без определения народных судов или приказания местного начальства не производили такового разбирательства даже по самым маловажным делам, под опасением взыскания штрафа и даже удаления от должности»¹⁵⁵.

Проект правил по управлению аулами в Терской области от 1862 г. предусматривал сохранение третейских разбирательств в качестве основной формы сельского судопроизводства, но официально включенной в иерархическую структуру региональных судебных учреждений. Порядок их деятельности регламентировался административной инструкцией; компетенцию предполагалось ограничить суммой имущества в 15 руб., а более дорогие тяжбы передавались на рассмотрение участковых судов¹⁵⁶. Однако даже после их учреждения не всегда удавалось начать их регулярную деятельность. В январе 1864 г. к начальнику Черекского участка поступило обращение жителей Чегемского общества о том, что в рассмотрении

дел возникли промедления, так как «из таубиев не выбран еще судья в сельский суд, потому что каждый таубий желает быть судьей поэтому и спорят между собою»¹⁵⁷.

С учреждением в 1868 г. системы общественного управления в Кабардинском округе были упразднены участковые суды, кроме Малокабардинского, а в сельских обществах учреждены аульные суды¹⁵⁸. Они включали не менее трех судей и одного-трех кандидатов к ним¹⁵⁹, избираемых на трехлетний срок сходом домохозяев среди 25–60-ти летних общинников. Однако случалось, что сельское общество, «по случаю малочисленности народа» не избирало кандидатов¹⁶⁰. Для ограничения сутяжничества и повышения ответственности обращавшихся в суд вводили дополнительные материальные санкции: в апреле 1869 г. по Кабардинскому округу был издан приказ, согласно которому «жалобы на неправильное решение аульных судов, шариатских решений и других учреждений с виновных в неправильной жалобе или с неправильно решивших дело взыскивать в вознаграждение всем вызванным для расследования этого дела от десяти копеек до одного рубля»¹⁶¹.

«Положение» 1871 г. устанавливало определённый порядок деятельности сельских судов, однако на практике он нередко применялся в изменениями, иногда обоснованными распоряжениями и инструкциями коронной администрации. В частности, допускался выбор судей из числа должностных лиц сельского правления, преимущественно, помощников старшин¹⁶². Не удивительно, что существовала практика исполнения судьями функций отсутствующего главы правления¹⁶³. Старшина и его помощники не имели права вмешиваться в деятельность суда, если «они не состоят с тем вместе и в звании сельских судей»¹⁶⁴. В 1893 г. Терское областное правление предлагало определить «состав суда из сельских судей под председательством сельского старшины, а за отсутствием последнего под председательством помощника»¹⁶⁵. Избираемость судей сходом и возможность совмещения судейских функций служащими сельского правления закрепляли фактическую неразделенность судебной и административной власти сельского самоуправления.

Судебные заседания проводились в праздничные и выходные дни в помещении сельского правления. Поводом для начала судопроизводства являлись жалоба потерпевшего, требование старшины или его помощников, либо заявление свидетеля какого-либо нарушения законности. Судьи обладали равными полномочиями, поэтому для

вынесения коллегиального решения требовалось согласие всех или большинства членов суда. Разбирательство осуществлялось устно и гласно, его результат оформлялся письменно. Тяжущиеся стороны за определенную плату имели право получить копию судебного постановления для представления ее в течение месяца в апелляционную инстанцию – Нальчикский Горский словесный суд. Обжалованию не подлежали дела, которые особой подпиской спорящих предоставлялись третейскому разбирательству – легальной альтернативе аульных судов. Однако, как установил А.Х. Абазов, в ряде ситуаций апелляции на решения медиаторского суда все же осуществлялись¹⁶⁶.

К компетенции аульного суда относились «маловажные проступки», совершенные в пределах сельского общества. В частности, посягательства на личные безопасность и имущество: публичные оскорбления словом или действием, нанесение незначительного физического ущерба, порча сельскохозяйственных угодий, скота и недвижимости, мелкое мошенничество и воровство¹⁶⁷.

Основным предметом разбирательств в общинных судебных учреждениях являлись споры и тяжбы, связанные с движимым и недвижимым имуществом, нарушение договорных условий и возмещение нанесенного ущерба по искам, соответствующим определенной стоимости. В 1869–1870 гг. она не должна была превышать ста рублей¹⁶⁸. Однако «по согласию тяжущихся сторон» могли рассматриваться дела и на большую сумму¹⁶⁹. «Положением» 1871 г. ограничения устанавливались пределом в 30 рублей, с условием, что по усмотрению окружного руководства допустимая исковая сумма может быть увеличена до 50-ти рублей¹⁷⁰. Тем не менее потребность в более широких компетенция аульных судов возникла в ближайшее время.

На уровне окружного самоуправления кабардинцев и балкарцев согласовывались ходатайства о расширении компетенции сельских судов. В приговоре от 18 декабря 1877 г. доверенные от сельских обществ ходатайствовали: «Имея в виду, что в Нальчикском словесном суде накапливается много дел по искам гражданским и вследствие не окончания таковых истцы терпят убытки, то в облегчение Нальчикского горского словесного суда и в предоставление возможности успешнее оканчивать гражданские жалобы постановили: просить через начальника округа начальника Терской области о дозволении решать иски гражданские ... в аульных судах до ста руб.»¹⁷¹. Однако начальник Терской области распорядился «ходатайство кабардинцев отложить до более благоприятных обстоятельств... ввиду того, что ни от кого из

прочих округов не получено заявление о расширении пределов власти сельских судов и, при этом, принимая во внимание, что подобное ходатайство может быть разрешено не иначе, как в законодательном порядке»¹⁷².

В конце 80-х гг. XIX в. увеличение исковых сумм реализовали в сельских обществах Малой Кабарды¹⁷³. В начале 1890-х гг. в аульных судах Терской области по усмотрению начальников округов разрешалось увеличивать сумму иска до 50 рублей¹⁷⁴. В 1893 г. глава Терской области предписал начальнику Нальчикского округа наделить аульные суды полномочиями рассматривать имущественные споры ценой до 100 рублей¹⁷⁵. По-видимому, это распоряжение не было реализовано. В начале XX в. гражданские иски ограничивались суммой до 50 руб., а уголовные – до 10 руб. В приговоре от 5 января 1907 г. Съезд доверенных ходатайствовал об увеличении компетенции по гражданским делам до 200 руб., а по уголовным до 50 руб.¹⁷⁶ Этим способом предлагалось перераспределить значительный объем дел из Горского словесного суда на уровень сельских судов под предлогом возросшего благосостояния, накопленного опыта и экономии средств на поездки в Нальчик. Однако такое решение «как преждевременное» также было отклонено начальником области¹⁷⁷.

Формы наказания, разрешенные для применения сельским судом, включали направление на общественные работы (по «Положению» 1871 г. до 6-ти дней, с 1893 г. до 10-ти дней), наложение денежного взыскания (соответственно, 3 и 15 рублей), либо арест (7 и 14 дней)¹⁷⁸. Наряду с этим, ущерб, нанесенный чужим собственности и здоровью, обязательно возмещался потерпевшему сообразно бытующим обычноправовым нормам¹⁷⁹. В качестве дополнительной меры, обеспечивающей действенность судебных решений, сельские судьи и старшина, контролирующей исполнение приговора, прибегали к барантованию – аресту движимого имущества ответчика на время выполнения им условий постановления или в счет погашения его материальной ответственности¹⁸⁰.

В поселке Хабаз, административно включенном в общество селения Кармово, числилось 35 домохозяйств балкарцев. Их обычное право имело расхождения с кабардинским и не было хорошо известно кармовским аульным судьям. С 1883 г. по просьбе балкарских жителей поселка из их числа стали избирать общинного помощника старшины, наделенного судебными полномочиями¹⁸¹.

А.Х. Абазов подробно рассматривает особенности сельского судопроизводства в Нальчикском округе¹⁸². Как можно убедиться, кабардинцы и балкарцы обладали реальной возможностью комбинированного удовлетворения исков, выбора нормативной основы судопроизводства и форм обычноправового разбирательства: в медиаторском или сельском суде. Включенность последнего в иерархию судебных учреждений позволяла апеллировать в вышестоящие профильные инстанции.

Оценивая значение сельских судов в пореформенной Кабарде, И.Л. Бабич отмечает их непопулярность¹⁸³, оставляя без объяснений причины такого положения. Думается, что второстепенная роль в общинном судопроизводстве стала результатом плюралистичности региональной системы правосудия и неприятия кабардинцами распоряжков, установленных для аульных судов.

Спервых лет функционирования общественного управления царские чиновники столкнулись с необходимостью надзора за соблюдением сельскими судьями и их односельчанами административных и процессуальных норм. Немало замечаемых упущений было связано с нарушением положений, не соответствующих принципам адатного судопроизводства. Например, избрание сельскими судьями людей старше 60-ти лет мотивировалось тем, что «достойней и сведущей их более не могли найти никого»¹⁸⁴. Причиной такого предпочтения являлось то, что с незапамятных времен в селениях Кабарды судебные функции осуществлялись «почетными стариками»¹⁸⁵. В изучаемую эпоху кабардинцы и балкарцы не представляли за собой морального права отказаться от этой традиции. По видимому, столь же непонятным казалось им ограничение компетенции сельских судов незначительными исковыми суммами, не свойственное традиционному правосудию. Согласно наблюдениям начальника Кабардинского округа на рубеже 1860–1870-х гг. в некоторых аульных судах по желанию одной из тяжущихся сторон рассматривали споры на суммы, превышающие 100 рублей¹⁸⁶. Ограничение «Положением» 1871 г. этого показателя 30-ю рублями могло лишь укрепить приверженность местных жителей третейским разбирательствам имущественных споров.

Существенным препятствием становлению сельского судопроизводства нового формата являлась малограмотность большинства аульных судей и, соответственно, плохое знание инструкций, которыми им следовало руководствоваться. По этой причине основным способом их приобщения к российским административно-судебным распоряжкам стало не самостоятельное

ознакомление с русскоязычным первоисточником, а мелочная опека вышестоящих инстанций¹⁸⁷. Очевидно, успех был незначителен; на протяжении пореформенного периода царские власти неоднократно указывали на пренебрежение или превышение сельскими судьями должностных обязанностей и беспорядок в делопроизводстве, объясняемые незнанием «судебных уставов»¹⁸⁸. Подобное отношение к профессиональной деятельности влекло за собой разнообразные процессуальные нарушения. Нежелание делить по шариату наследство, отказ в рассмотрении заявления, необоснованная отсрочка или умышленное запутывание разбирательств, приверженность сельских судей мнению должностных лиц и влиятельных односельчан, неподобающее должности поведение, необоснованные или спорные судебные решения побуждали неудовлетворенную сторону обращаться во внеобщинные инстанции¹⁸⁹. Подтверждение подобных фактов грозило сельским служащим Фемиды наложением штрафа¹⁹⁰, либо увольнением с должности¹⁹¹, а для старшины, вовремя не предпринявшего меры – арестом¹⁹².

Вместе с тем, наличие апелляционных инстанций породило привычки, не свойственные традиционному правосознанию. Еще в 1865 г. Терская сословно-поземельная комиссия предостерегала, что внешние изменения в процессуальном порядке традиционного судопроизводства, предоставление возможности обжалования решений аульских судов и ограничение возможности последним выносить окончательные постановления, ведут к «развитию сутяжничества в народе»¹⁹³. Однако это мнение должным образом не было учтено в реформаторской практике и уже в ближайшие годы среди окружных чиновников стало расхожим предубеждение о кабардинцах, как об «исправных жалобщиках»¹⁹⁴, а для противодействия этому явлению понадобились специальные меры. В частности, учреждение денежных взысканий в пользу пострадавших от ложных обвинений¹⁹⁵, возвращение апелляций на повторное рассмотрение в сельский суд¹⁹⁶, а также направление тяжущихся к медиаторам для окончательного решения дела¹⁹⁷.

Перечисленными обстоятельствами определялась ограниченная эффективность сельских судов и неустойчивость их авторитета в общинной среде. Наглядными подтверждениями этому были многочисленные затруднения на стадии реализации постановлений¹⁹⁸, что являлось в представлении кабардинцев, да и царских чиновников, дополнительным аргументом в пользу третейских судов и внеобщинных

судебных учреждений. В особых случаях для принятия показательных мер окружные власти изымали из рассмотрения аульного суда дела скандального характера¹⁹⁹.

Следует заметить, что односельчане негативно реагировали на обращения в Нальчикский Горский словесный суд²⁰⁰. Однако не всегда были в состоянии предотвратить их. Идеологическая подоплека данного явления обуславливалась трансформацией правопонимания кабардинцев. В ситуации сложившегося полиюридизма произошла, по определению И.Л. Бабич, утрата «монолитности» традиционного правосознания²⁰¹. В то время, как общественное мнение последовательно декларировало необходимость исключительно обычноправовых разбирательств, не выносимых за пределы сельского общества, отдельные общинники пренебрегали этими стереотипами. Кабардинцы активно использовали возможность выбора в плюралистическом судопроизводстве и предоставляли свои дела напрямую в окружной Нальчикский горский словесный суд, минуя сельский. Помимо объясняющих такое правовое поведение вышеупомянутых причин, сказывалось сформировавшееся у них предпочтение российского гражданского или уголовного законодательства, характерное для общинных должностных лиц, офицеров царской армии²⁰² и тех, кто сталкивался с недействительностью обычного права²⁰³.

Переходный характер системы правосудия²⁰⁴, сочетание в ней разнородных правовых традиций, неустоявшийся авторитет российского законодательства и объективное снижение значимости обычного права ограничивали эффективность судебных институтов, учрежденных царскими властями. Эти условия сделали возможным правовое поведение, которое Ф.И. Леонтович характеризовал как «самоуправство вольнолюбивого и мало знакомого с требованиями новой юстиции горца, не сдерживаемого более ни старым своим адатом, ни новым русским «уставом»²⁰⁵.

Что же касается сельских судов, то за пореформенные годы они не приобрели доминирующего значения в общинном судопроизводстве, поскольку обладали узкой социорегулятивной компетенцией, не выработали действенных механизмов реализации своих решений и в правовой практике кабардинцев уступали по востребованности медиаторскому и Окружному судам.

Трудно согласился с мнением Ж.А. Калмыкова, что сельские судебные учреждения на рубеже XIX–XX вв. «уже не отвечали требованиям времени», а «правительство умышленно задерживало

введение более прогрессивных судебных институтов»²⁰⁶. В работах И.Л. Бабич и А.Х. Абазова отмечается, что в начале XX в. со стороны местного населения и администрации поднимался вопрос о необходимости упразднения традиционного судопроизводства в Горских словесных судах и их замены мировыми судами²⁰⁷. Этот так и не реализованный замысел напрямую не затрагивал сельских судов. Их основная проблема была заложена принципами организации общероссийского общинного правосудия, предусматривающими сохранение в рамках сельского общества альтернативной формы судопроизводства. Ее вполне понятное предпочтение коренным населением предопределило для новационных судебных учреждений второстепенную роль. Изменить положение мог лишь отказ от медиаторского судопроизводства: реформирование первичной инстанции судебной системы в масштабах всей страны. Аульные суды кабардинцев и балкарцев функционировали на тех же основаниях, что и аналогичные им волостные суды в Центральной России²⁰⁸, с той лишь разницей, что здесь не применялись телесные наказания, несвойственные традиционному правосудию. В этой связи злой умысел царской администрации в консервации регионального плюралистического судопроизводства, в том числе, на уровне сельских обществ, представляется сомнительным.

1.4. Традиционные механизмы местного самоуправления

Значительную роль в жизнедеятельности сельских обществ и их взаимодействии с окружным самоуправлением и коронными властями играли традиционные институты самоорганизации. Они содействовали адаптации кабардинцев и балкарцев к изменяющимся социально-политическим условиям и отчасти компенсировали недостатки российской административно-судебной системы.

Одной из ключевых традиций самоуправления являлось посредничество, которое в традиционной культуре адыгов принадлежало к глубинным пластам этнического менталитета²⁰⁹. Как социорегулятивный механизм, в широком контексте социальных отношений посредничество имело разностороннее применение. В социальной практике оно обеспечивало функционирование правовых, административных, хозяйственных, поземельных, политических, семейных и многих др. отношений. Оно являлось одним из факторов, обеспечивавших инте-

традиционные связи как внутри общества, так и во взаимоотношениях с другими этническими социумами Северного Кавказа. Трудности достижения взаимопонимания, синтеза, обусловили появление общественных деятелей, которые, в силу индивидуальных навыков (знания русского языка, опыта российской армейской или административной службы, предприимчивости и т.п.) стали связующими элементами во взаимоотношениях «туземных» сообществ с коронными властями.

В 1860-х гг. традиции посредничества сыграли важную роль при освобождении зависимых сословий²¹⁰. В первые годы после отмены крепостного права крестьяне, прибегая к покровительству князей, стремились оградить себя от чрезмерных притязаний со стороны своих бывших владельцев-дворян²¹¹. Принимая под покровительство своих односельчан, сельские общества выступали своеобразными «медиаторами», предотвращая их выдачу коронным властям за различные, иногда весьма серьезные преступления²¹². Традиционной формой покровительства-посредничества оставалось регулирование конфликтных ситуаций²¹³, в том числе, возникших на почве кровной мести²¹⁴.

«Посредники» в новом административно-правовом контексте оформлялись как **общественные доверенные**, на которых были возложены разнообразные представительские функции в рамках и за пределами сельских обществ. Их количество не было строго определенным и варьировалось в зависимости от необходимости. Обязанности доверенных совмещали некоторые должностные лица общинного правления²¹⁵.

По длительности исполнения полномочий доверенных можно условно разделить на постоянных, избравшихся сроком на один год, и временных, чей статус сохранялся до завершения конкретной миссии. От доверенных, исполнявших внутрисельские обязанности, отличались представители сельского общества, участвовавшие в работе Съезда доверенных Большой и Малой Кабарды и пяти Горских обществ. Принцип подбора не исключал возможность избрания доверенными различных уровней одних и тех же влиятельных людей. Необходимыми для этого личными качествами считались общественный авторитет, деловые способности и отсутствие трений с законом. Доверенные, которые принимали участие в решении основных общинных вопросов, были знакомы с главными проблемами сельской жизни и являлись лучшими кандидатами для выражения интересов односельчан на Съезде. Различие наблюдалось в их возрасте: представители сельских

обществ на «высоком» уровне преимущественно принадлежали к более старшему поколению (50–60-ти летних)²¹⁶.

Круг полномочий сельских доверенных включал разнообразные функции:

1. **поземельная** – надзор за процессом распределения и использования сельских наделов и заключение договоров об аренде общественной земли²¹⁷;

2. **кадровая** – наем на работу от имени общества вспомогательного персонала сельского правления и других служащих²¹⁸;

3. **судебная** – ведение в интересах общества тяжб, как с односельчанами, так и с посторонними лицами²¹⁹;

4. **податная** – содействие властям в сборе денежных повинностей или специальных налогов, осуществление регулярных финансовых ревизий²²⁰;

5. установление обоснованности предполагаемых семейных разделов²²¹ и содействие в возвращении в семью жен, ушедших от мужей²²²;

6. обращение от имени сельского общества или группы односельчан во внеобщинные административные инстанции²²³.

Случались ограничения со стороны администрации на избрание доверенными определенных лиц. Так, старшина чегемского общества, получил от прежнего начальника округа П. Тизенгаузена словесный запрет выдвигать доверенными Х. Кучукова и Б. Этеева, которых избирали преимущественно безземельные жители. В феврале 1911 г. новый начальник округа С. Клишбиев распорядился об отмене этого ограничения²²⁴.

Доверенные имели ключевое опосредующее значение при осуществлении общественного контроля над важнейшими процессами общинной жизни. Однако в административной практике они играли вспомогательную роль и обладали ограниченными полномочиями. Единичные примеры их решающего влияния на подведомственные вопросы являлись показателем слабости основных должностных лиц. В подобных случаях со стороны доверенных были нередки злоупотребления или нарушения субординации для пресечения которых требовалось вмешательство чиновников участковой и окружной администраций²²⁵.

Согласно требованиям действующих административных распоряжений, избрание доверенных оформлялось специальным приговором, или, если посредничество осуществлялось в частном порядке, дове-

ренностью, где указывался круг вопросов, которые они были уполномочены решать. Таким образом, обычная для кабардинцев практика посредничества, начала осуществляться в соответствии с требованиями общероссийского административного и юридического регламента. Не случайно, в делопроизводственной документации за кабардинцами-посредниками закрепляется понятие «поверенный»²²⁶. Причем, некоторые исполняли такие функции на вполне профессиональной основе и не только в интересах односельчан, но и жителей других населенных пунктов²²⁷. Например, поверенным 9-ти сельских обществ «по делу о присоединении Малой Кабарды в административном отношении к Нальчикскому округу» выступил осетинский общественный деятель Г. Баев²²⁸. Для обоснования исторической необходимости восстановления административного единства Большой и Малой Кабарды он составил обстоятельную аналитическую записку, которая является ценным источником по развитию местного самоуправления в Кабарде и балкарских обществах в XIX – начале XX в.

Через посредничество влиятельных кабардинцев формировалось своеобразное покровительство царских чиновников при решении общенародных проблем. Обстоятельства одной из таких посреднических миссий К. Хетагуров описал в статье «Горские штрафные суммы»: «беспощадное хищническое истребление леса, беспорядочное распределение и сдача покосов и пастбищ в аренду, оставление «за неимением средств» без последствия многих общественных приговоров с ходатайствами об открытии в кабардинских аулах школ и других настоятельно необходимых учреждений и рядом с этим отсутствие какого бы то ни было заметного и целесообразного расхода на народные нужды – не могли не породить в лучшей части кабардинского общества стремления выяснить истинное положение народного хозяйства и принять все меры к его наиболее правильному ведению... Только весной прошлого года кабардинское общество обратилось к своим членам, трем генералам – Шипшеву, Алтудокову и Джамбекову – с просьбой взять на себя труд по ходатайству от его имени...»²²⁹. В результате 4 декабря 1897 г. командующим Кавказского военного округа на имя начальника Терской области было дано предписание, согласно которому «заведывание кабардинскими лесами было установлено во всех отношениях на началах, принятых в казенных лесничествах... для упорядочения дела по эксплуатации запасных кабардинских земель, с целью увеличения их доходности, предписано приступить к пересмотру правил об этих землях»²³⁰.

Но кроме позитивных результатов посреднической деятельности, нельзя не отметить и негативные стороны этого явления, отмечавшиеся современниками. Для отдельных предприимчивых лиц посредничество превратилось в источник материального обогащения, зачастую неразборчивого в средствах. Это не только дискредитировало позитивный потенциал этого традиционного института, но и создавало предпосылки для развития коррупционных традиций в крае. В публицистической статье «Неурядицы Северного Кавказа» К. Хетагуров чрезвычайно критически оценивает некоторые примеры частного посредничества: «Посредничество этих «благонадежных» и «влиятельных» лиц систематически вводило последнюю [коронную власть. – Д.П.] в более или менее крупные ошибки, которыми недобросовестные из этих посредников пользовались для своих честолюбивых и корыстолюбивых целей... Втираясь посредником во всех сношениях туземцев со всеми государственными судебно-административными учреждениями, эти «отщепенцы» развили в крае мздоимство в свою пользу до таких невероятных размеров, что никакой туземец и слышать теперь не хочет, чтобы по русским законам можно было решить правильно даже самое пустое дело. Взятки получают ими (якобы для передачи русским властям) и с правых, и с виноватых, а при недовольстве туземцев исходом вверенного им дела вся вина сваливается, конечно, на русское должностное лицо...»²³¹.

На наш взгляд, эта утрированная характеристика не отражает объективной картины роли посредничества в регулировании общественной жизни. В целом, эта традиция имела важное значение в организации различных форм межкультурного диалога. Показательным примером использования традиций посредничества во взаимоотношениях царских властей и коренного населения являлась деятельность Съезда доверенных Кабарды и пяти горских (балкарских) обществ.

Медиаторские (третейские, посреднические) суды в сельских обществах создавались в каждом конкретном случае: тяжущиеся стороны по обоюдной договоренности приглашали не менее трех наиболее авторитетных односельчан, либо жителей других селений, известных своей объективностью, честностью и хорошим знанием обычного права. Нередкими посредниками в медиаторских разбирательствах выступали эфенди, приглашаемые в качестве знатоков не только мусульманского, но и обычного права²³². Не удивительно, что третейские тяжбы по имущественным вопросам, подлежащим компетенции исламских норм, завершались компромиссным адатно-

шариатским решением²³³. Полномочия медиаторов сохранялись в течение всего разбирательства и прекращались после оглашения решения. Их юрисдикция формально не ограничивалась, включая на практике широкий диапазон конфликтных ситуаций: от земельных споров²³⁴ и несоблюдения мусульманских канонов²³⁵, до убийств²³⁶ или кровной мести²³⁷. Предварительная подписка, заверенная сторонами, признавала медиаторское решение окончательным и не подлежащим апелляции²³⁸. Нарушение этого условия осуждалось общественным мнением²³⁹.

Третейское судопроизводство являлось легальной альтернативой сельско-общинным и окружным судебным инстанциям²⁴⁰. Однако на практике, как считает И.Л. Бабич, прочно удерживало лидирующие позиции в системе правосудия пореформенной Кабарды²⁴¹. По оценке А.Х. Абазова, «в последней трети XIX – начале XX в. роль посреднических судов в судебной системе Нальчикского округа Терской области постоянно возрастала»²⁴². Х.С. Кушхов отмечает, что посреднические суды восполняли «недостатки новой административной и судебной системы»²⁴³. В рассматриваемый период в силу объективных социально-политических причин медиаторские суды фактически прекратили урегулирование конфликтных ситуаций в масштабах этнического социума. Вместе с тем, для коренного населения этот юридический институт оставался наиболее авторитетным и эффективным правовым механизмом для поддержания устойчивости человеческих отношений на иных уровнях общественного быта: от межличностного до межквартального и даже межобщинного, сохранив за собой значимую роль в сельских обществах. В правовой практике тех лет известны прецеденты, когда формальная плюралистичность судопроизводства позволяла манипулировать правосудием и становилась причиной существенных затруднений в разбирательстве уголовных или имущественных конфликтов²⁴⁴. Наиболее приемлемым выходом из подобной ситуации оставалось третейское разбирательство, действенность которого признавалась и царскими чиновниками. Они не только поощряли работу медиаторов, при условии оформления их решений по установленным делопроизводственным канонам²⁴⁵, но и в определенной мере взяли на себя «роль исполнительных органов»²⁴⁶. Если же и в этой инстанции уголовного судопроизводства не достигался положительный результат, то неудовлетворенная сторона обращалась к патриархальному обычаю кровомщения²⁴⁷, которое, вопреки запретам царских властей, сохранялось в правовой практике, составляя

значительную долю латентной преступности у всех северокавказских народов.

Проект правил по управлению аулами в Терской области 1862 г. предусматривал избрание в помощь сельскому старшине «нескольких человек почетных стариков» «для разбирательства маловажных дел» и осуществления разнообразных общественных функций²⁴⁸. Выборные старшины должны были избираться на один год «целым обществом аула» и утверждаться окружным начальником. Такое видение местного самоуправления было адаптировано к традиционному укладу кабардинцев и балкарцев, потому что учитывало свойственную населению сакрализацию возрастных преимуществ пожилого человека, связанную с его жизненным опытом. В документе отмечалось, что «такие старики есть и теперь в каждом ауле, они избираются народом и круг действия их подходит к тем, которые обозначены для них проектом в столь определенных формах, но при неусыпном наблюдении начальства за точным исполнением возложенных на них обязанностей, старшины эти со временем поймут свое назначение и будут вполне соответствовать оному»²⁴⁹.

Институализированным воплощением этих представлений стали коллегии из 10–12-ти «почетных стариков», действовавшие в каждом сельском обществе. Этот институт не был официально легализован «Положением» 1871 г., однако в административной практике играл особую роль, функционируя параллельно с официальными учреждениями. Как правило, в режиме тесного сотрудничества с сельскими и окружными властями.

Биологические показатели не являлись главным основанием при наделении званием «почетного старика» и не всегда соответствовали действующей среди кабардинцев возрастной стратификации, где «стариком» считался мужчина старше 60-ти лет²⁵⁰. Очевидно, первый статус определялся комплексом факторов – лидерством или старшинством (не всегда тождественными понятиями) в родственном объединении, авторитетом среди односельчан, выдающимися личными достоинствами. Они символизировали достижение человеком социального возраста и общественного значения, достаточных для исполнения почетных и ответственных обязанностей, возлагавшихся на коллегию. Это предположение основано на единственных в своем роде полных возрастных данных 12-ти «почетных стариков» селения Иналово (1869 г.), из которых следует, что им было от 32-х до 65-ти, а в среднем – 52 года²⁵¹.

Обычными функциями «почетных стариков» являлись исполнение обязанностей общественных доверенных и третейских судей, надзор за нравственностью и публичная оценка поведения общинников, выявление «порочных лиц» и участие в качестве свидетелей при проведении расследований в сельском обществе²⁵², оформлении обществом займов из Кабардинской общественной суммы²⁵³, урегулировании внутриобщинных конфликтов и убеждение односельчан выполнять требования начальства²⁵⁴. Также их привлекали к участию в различных депутациях при встрече высокопоставленных представителей царской администрации²⁵⁵. В 1863 г. доверенными для выбора судей окружного и народного суда наряду с аульными владельцами избирали «стариков» от каждых пятидесяти дворов, по видимому, как представителей от непривилегированного населения²⁵⁶. Конструктивна была их роль в чрезвычайных ситуациях, когда им поручалось избрание должностных лиц, если сход домохозяев не мог достичь согласия, или установление мер по обеспечению мобилизации жителей для борьбы с последствиями стихийных бедствий²⁵⁷.

Традиция уважительного отношения к людям преклонного возраста и к их мнению сохраняла императивное значение для более молодых односельчан. Этим в определенной мере ограничивалась служебная самостоятельность должностных лиц, поскольку на бессознательном уровне почтение к старшим оказывалось непреодолимым препятствием применению административных санкций в отношении тех стариков, кто пренебрегал исполнением распоряжений общинной власти²⁵⁸. Даже царские чиновники считались со значимостью «влиятельных и беспокойных стариков»²⁵⁹ – олицетворения патриархальной власти, хранителей обычаев и традиций, и весомой внутриобщинной силы.

Иногда, добиваясь внимания властей, влиятельные представители преклонного возраста, пытались привлечь к себе внимание даже областных инстанций. В декабре 1905 г. Терской областное правление оформило запрос начальнику Нальчикского округа по поводу обращения отставного генерала Т. Шипшева, в котором, в частности выражалось сожаление о том, что на съезды доверенных перестали «допускать почетных стариков, как это делалось раньше»²⁶⁰. По этому поводу начальник округа писал: «Относительно вопроса о допущении решения каких-то «всех вопросов» почетными стариками, то здесь кажется не более как недоразумение. Кабардинский народ, ежегодно присылая для решения хозяйственных вопросов своих доверенных, для этого и выбирает из среды своей почетных лиц, почетных стариков. О каких

еще почетных стариках говорит в жалобе своей отставной генерал Шипшев – непонятно.

Почетными лицами у туземцев называются старики, обратившие на себя внимание правильной и честной жизнью своею, заслужившие доверие общества, за что и облечены званием почетных стариков и уполномоченных»²⁶¹.

Симптоматичен случай, произошедший в 1908 г. в кабардинском селении Баташево. Участковое управление выступило в защиту «почетных стариков», ставших жертвой дерзкого обращения со стороны одного из односельчан. Начальник 4-го участка Нальчикского округа осудил «проявление подобного свободомыслия», поскольку оно «дурно влияет на молодежь», и применил полицейские меры для того, чтобы поставить виновного «на должную степень почтительности к старшим»²⁶².

Устойчивость представлений о значимости «почетных стариков», как административного ресурса, демонстрирует распоряжение начальника Нальчикского округа С. Клишбиева от 6 февраля 1916 г. Его инструкция стала последней в рассматриваемый период попыткой формальной легитимации этого традиционного института. В документе предписывалось сельским старшинам «объявить во всеобщее сведение жителям вверенного Вам селения, что по приказанию высшего Начальства в каждом селении избраны по два почетных лица, на которых возложена обязанность своим влиянием в обществе способствовать административным лицам в деле прекращения преступности в округе, в раскрытии нарушителей закона». Определяя формы использования сельскими властями традиции местного самоуправления, С. Клишбиев формализовал их, регламентируя принципы и правила их официального функционирования. Приведем наиболее важные из них: «Ограничивать права и обязанности этих лиц в порученном им деле и устанавливать отношения их к сельской администрации я не считаю возможным, но для руководства считаю нужным преподать следующие указания для почетных и сельской администрации.

1) Старшины должны во всех случаях заявления им почетными о том или другом случае, предполагаемого и совершенного преступления принять их указания и внимательно к ним отнестись; в деле пресечения преступлений или открытий совершившегося преступления старшина должен использовать опыт и влияние этих лиц, а также во всех случаях жизни населения стараться поддержать авторитет этих лиц, облеченных особым доверием высшей административной власти.

2) Избранные лица в свою очередь обязаны оправдать высокое доверие, возложенное на них высшим Начальством, в интересах жителей своего селения, благополучие которых всецело зависит от степени их деятельности в области прекращения преступности. Для этого избранные лица обязаны следить внимательно за поведением, образом жизни, занятием, за отлучками молодежи своего селения, с целью своевременно предупредить все что принесет вред населению, должны оказывать нравственное воздействие на тех лиц, которые в этом нуждаются, должны быть первыми и главными помощниками чинов администрации в деле раскрытия совершившихся преступлений, направляя их действия на настоящие следы преступников.

В этой деятельности избранные лица подчас встретят некоторые противодействие и даже неприятности для себя лично со стороны преступного элемента, но я полагаю, что действительная поддержка всей массы благоразумного и честного населения и властей сделает положение их неуязвимым.

3) Население должно понять, что высшая власть на Кавказе, назначением из их среды особых уполномоченных по борьбе с преступностью, обращается к населению с призывом самому принять меры к прекращению воровства и тем самым оказывает ему высокое доверие, оправдать которое обязан всякий благоразумный и честный сын своей Родины»²⁶³.

В содержании приведенного документа показательным является то, что новая легитимация института почетных стариков осуществлялась во взаимодействии с идеями сотрудничества официальных властей и лучших представителей общества, в сочетании с пафосом, вероятно, навеянным общероссийской риторикой мобилизации патриотических ресурсов в период Первой мировой войны.

Важнейшим из механизмов организации местного самоуправления по-прежнему оставалось **обычное право (адаг)**. Особенностью правового пространства, в рамках которого существовали кабардинцы и балкарцы в пореформенный период, являлось то, что компетенция различных нормативных комплексов четко разграничивалась только в сфере правосудия. Очевидно, что правовую культуру не следует рассматривать, ограничиваясь данным пространством, как это реализовано в монографии И.Л. Бабич²⁶⁴. В пореформенный период в широком контексте общественных отношений можно выявить несколько уровней функционирования обычного права. При этом необходимо учитывать, что во второй половине XIX в. оно практически не сохранилось в

традиционном состоянии, и представляло собой динамичную систему, способную к разнообразным формам адаптации к сложившейся правовой ситуации.

Пожалуй, в наиболее отдифференцированном от других правовых систем виде и с наименьшими изменениями обычное право сохраняло свое регламентирующее значение в празднично-обрядовой культуре, генетически не связанной с мусульманскими ритуалами, и морально-этическом регулировании поведения кабардинцев. Несмотря на формальные разграничения в судопроизводстве, в судебной практике получило широкое распространение вынесение постановлений, основанных на разнородных правовых традициях. Поэтому в судебной практике, также как в общинном администрировании и организации налоговых сборов, где применение определенных положений или общинноправовых традиций санкционировалось царскими властями, их реальная роль не вполне соответствовала установленным распорядам. Преимущественно она проявлялась в тесном взаимодействии и даже применении в смешанных формах с российскими или, значительно реже, мусульманскими нормами. Особенно широкое распространение такая практика поучила в тех сферах общинной жизнедеятельности, где обычное право не санкционировалось, а значит, в понимании местного населения, никак не ограничивалось законодательством Империи. В организации поземельных отношений, хозяйственного процесса и остаточных явлениях традиционной межсословной субординации его применение не встречало сопротивления царской администрации. Вместе с тем, в пастбищном землепользовании и регламентации деятельности мусульманского духовенства явно прослеживается стремление регионального начальства вытеснить адатные нормы из правовой практики. Однако предпринимавшиеся меры либо имели незначительный эффект и гораздо большие негативные последствия (достаточно вспомнить историю пастбищного вопроса на рубеже XIX–XX вв.), либо оказывались бессильны против приверженности кабардинцев устоявшимся в их обществе традициями религиозной культуры.

Наконец, еще одной формой существования обычного права стали новые нормы, появившиеся в ответ на потребности пореформенного, прежде всего экономического развития. Главным образом они регулировали договорные отношения, связанные с арендой земли и других средств производства, артельными формами организации сельского хозяйства, а также с вольнонаемным трудом. Как представляется,

их источниками в одинаковой степени являлись заимствования из опыта правового регулирования аналогичных отношений в русских и немецких сельских обществах, и собственное правотворчество кабардинцев. Более определенно говорить о происхождении этих норм, без специального исследования данного вопроса, пока преждевременно. Тем более, что в пореформенные годы процесс их формирования не получил завершения. Впрочем то, что уже в рассматриваемое время даже в этом, не вполне упорядоченном виде, они рассматривались местным населением как составная часть обычного права, сомневаться нет оснований.

В контексте настоящего раздела целесообразно подробнее остановиться на проблеме общинноправовых традиций в общинном управлении. Первыми регламентами сельского и окружного самоуправления в 50-х гг. XIX в. были инструкции и распоряжения военных властей, которые определяли выборные принципы формирования и круг полномочий аульных старшин, судей, сборов для выбора окружных судов и т.п. В 1868–1870 гг. нормативным руководством его деятельности являлось «Положение об аульных общественных управлениях», составленное по примеру аналогичного документа для Бакинской губернии и, по словам начальника Кабардинского округа, «измененное в некоторых отношениях соображаясь с обычаями Кабарды»²⁶⁵. В 1870 г. первоначальный регламент был пересмотрен, детализирован и приближен к административным порядкам, действовавшим в Центральной России²⁶⁶. Новое «Положение» вступило в действие 1 января 1871 г. и с некоторыми изменениями оставалось в силе до 1910-х гг.

Распорядки, установленные вышеназванными документами, предусматривали устройство в сельских обществах коллективного самоуправления, координируемого должностными лицами, которых избирали односельчане. В этом взаимодействии заключалось принципиальное отличие общинного административного уклада от вотчинного. К началу пореформенных преобразований у большинства жителей кабардинских селений отсутствовал опыт коллегиального принятия административных решений и, разумеется, в местном обычном праве не имелось каких-либо норм, регламентирующих деятельность любой другой системы управления, кроме вотчинной.

Не менее важной представляется разница между сословной и служебной иерархией. Первая, регламентируемая общинноправовыми установками, определяла порядок взаимоотношений между субъектами

вотчинной администрации и органично вписывалась в традиционный общественный уклад, свойственный феодальной Кабарде на протяжении многих столетий. В 1867–1868 гг. ее заменила чужеродная служебная субординация, которая регулировалась российскими административными нормами, формально не соизмерялась с сословным статусом, и в таком значении представляла собой правовую основу должностной иерархии – структуры общинного правления.

Царские власти весьма упрощенно понимали принципиальность этих различий и приверженность кабардинцев традиционным представлениям о форме организации и способах управления селением. За несколько лет до административного реформирования кабардинской деревни, в комментариях к Проекту правил по управлению аулами в Терской области одним из чиновников высказывалось пожелание видеть сельским старшинами «самих же аульных владельцев»²⁶⁷.

Так предполагалось предупредить проявление недовольства со стороны последних и, очевидно, обеспечить основу для преемственности между вотчинными и общинными властями, при условии, что переквалифицировавшиеся феодалы «будут направлять действия свои к точному выполнению правил»²⁶⁸. Однако административная практика первых лет функционирования общественного управления не оправдала этих ожиданий. В 1870 г., оценивая ее результаты, начальник Кабардинского округа отмечал: «В некоторых только аулах управление на выборных началах было посредственно, в остальных же аулах шло весьма слабо от непонимания как вести дела и от желания правителей давать ход делам по прежде существовавшему в Кабарде правилу во всем руководствоваться мнениями почетных сословий»²⁶⁹.

Иными словами, на практике формирующееся сельское самоуправление было ориентировано не на последовательное исполнение малознакомых административных норм, а на воспроизводство элементов традиционного управления селом, приспособляемых к распорядкам нового общественного быта. Этот обычай, несомненно, являлся пережитком вотчинной управленческой традиции. Он возводил степень знатности человека в основной критерий, определявший его полномочия на исполнение административных функций. Таким обычно-правовым представлением вполне легально ограничивалась категория общинников, обладавших реальной возможностью участвовать в управлении селом, либо влиять на этот процесс. Подобное не предусматривалось административными инструкциями и, в принципе, противоречило привносимой идее общинного

самоуправления. Тем не менее, механизм принятия административных решений в узком кругу «почетных сословий», «сильных людей», мнение которых затем подтверждалось сельским большинством²⁷⁰, занял прочное место в арсенале общественного управления. Данная практика, ввиду замкнутости общинной организации, сохраняла латентный характер и ее действительные масштабы трудно представить на основе немногочисленных источников. Нет сомнения лишь в том, что она имела место в начале XX в., когда и была фактически легализована царскими властями в форме сборов выборных лиц.

Основной тенденцией, которая доминировала в практике сельского самоуправления до начала XX в. являлось то, что вопреки регулярным требованиям царских чиновников строго соблюдать предписываемый порядок, общинные правления и управляемое ими население неоднократно выходили за рамки административного законодательства. Несмотря на радикальное преобразование сельской власти и фактическую организацию ее деятельности в соответствии с российскими правовыми стандартами, внутренний уклад кабардинской деревни сохранил многие патриархальные черты, а функции его соционормативной основы по-прежнему выполняло обычное право.

Это обстоятельство предопределило двойственность правового положения общинных властей и вынуждало их соизмерять свою служебную деятельность как с административным регламентом, так и с общеправовыми установками и стереотипами поведения. Той же причиной объяснялась практическая необходимость сохранения в общинном управлении тех атрибутов традиционного общественного быта, что оставались значимыми и продуктивными в социальном пространстве пореформенной кабардинской деревни. Восприняв обновленную структуру сельской власти, кабардинцы привнесли в административные отношения традиции, не предусмотренные правовой базой общественного управления. Смещение «старого» и «нового» сопровождалось аналогичным взаимодействием их нормативных основ.

Среди других примеров сосуществования российских норм и обычного права отметим наиболее показательные традиции, сложившиеся в общинной административной практике.

В обыденном представлении кабардинцев и балкарцев право занимать руководящие должности в сельском правлении рассматривалось как естественная привилегия членов наиболее знатных фамилий. Конечно, индивидуальные качества претендентов также

принимались в расчет и, тем не менее, их сословный статус сохранял значение приоритетного критерия. Уверенность в необходимости соблюдения этого обычая была присуща и рядовым общинникам, и их привилегированным односельчанам. Причем, приверженность данной традиции была столь велика, что в отдельных случаях порождала нормативную инверсию, поскольку для ее реализации использовались откровенно неправовые методы, противоречащие официальному административному регламенту и едва ли одобряемые народным обычаем.

Впрочем, такого рода прецеденты являлись исключениями из общей административной практики. Выбор старшинами представителей сельской знати стал примером позитивного взаимодействия народной традиции и российского законодательства, поскольку имел вполне ощутимую практическую пользу. Она заключалась в том, что в лице знатного главы правления органично сочетались высокий служебный и сословный статус. Этим в глазах подведомственного ему населения во многом обеспечивался общественный авторитет сельской власти.

Понимая важность этого фактора, царские чиновники старались следовать сословным приоритетам и в 1871–1906 гг., когда сельские старшины не избирались односельчанами, а назначались начальником Терской области²⁷¹. Однако, полагаясь на влияние знатных должностных лиц, российская администрация не вполне представляла себе действенные механизмы правового регулирования взаимоотношений сельской власти и отдельных жителей кабардинских селений.

Не достаточно осознавая, что общественные преобразования 1860-х гг. существенно подорвали социально-экономические основы сословного статуса князей и дворян, царские власти возлагали большие надежды на их авторитет и отождествляемую с ним общественную значимость привилегированных старшин; однако почти сразу обнаруживали свою неготовность адекватно оценивать их управленческие методы, граничащие с самоуправством, и эффективно урегулировать внутриобщинные конфликты, где потерпевшей стороной выступал знатный глава общества. Комментируя один из таких случаев, начальник Кабардинского округа в 1870 г. писал: «подобного рода поступки весьма вредно влияют на неразвитой народ и таким образом подрывают в нем уважение к власти, не менее преступно, в частности, и нарушение народного обычая, который обязывает оказывать должное уважение своим князьям и считает в высшей степени преступлением не только обиду их действием, но даже и словом»²⁷².

Несмотря на обеспокоенность царского чиновника «нарушением народного обычая», обстоятельства дела ясно указывают на то, что произошедшее оценивалось им негативно постольку, поскольку дискредитировало князя как олицетворение традиционной власти и, главное, не способствовало утверждению авторитета возглавляемого им общинного управления. Окружная администрация выступала арбитром подобного рода конфликтов, ограничиваясь использованием доступных ей средств наказания. Моральное или физическое оскорбление представителей сельской власти попадали под определение «против порядка управления» и относились к юрисдикции Нальчикского Горского словесного суда²⁷³. Согласно действовавшим в пореформенные годы правилам, их разбирал один председатель окружной судебной инстанции, функции которого официально исполнял начальник округа, а фактически – его младший помощник²⁷⁴. Таким образом полномочия по судебной защите общинных властей от разного рода посягательств со стороны односельчан принадлежали чиновникам царской администрации, которые руководствовались российским законодательством. Виновного могли арестовать, посадить в тюрьму или даже выслать за пределы Северного Кавказа²⁷⁵.

Однако перечисленные меры в представлении кабардинцев практически не ликвидировали конфликта, поскольку при их исполнении игнорировалась необходимость компенсации ущерба, нанесенного сословному достоинству привилегированного старшины. Решение этой проблемы относилось к компетенции обычного права. Не используя его потенциал, царские чиновники лишь отсрочивали действительное урегулирование конфликта. В связи с этим, приведенное выше свидетельство обеспокоенности начальника округа несоблюдением одним из кабардинцев сословной субординации, выглядит не более чем демагогическим приемом, не подкрепленным достаточными практическими мерами. Улаживая такие столкновения методами, предусмотренными российскими законами, и понимая их как единственно возможную поддержку сельского старшины, окружные власти лишь расшатывали сословную составляющую его авторитета. Вместе с тем, подобные обращения к защите царской администрации были возможны только для действующих старшин. Бывшим главам правления, даже если нападки в их адрес вытекали из прежней общественной деятельности, в содействии такого рода отказывали²⁷⁶.

«Положение» 1871 г. наделяло главу общинной власти самостоятельными карательными полномочиями. Их применение предусматривалось, в том числе, при «непочтении, грубости и дерзости... против лиц, облеченных правительственной властью»²⁷⁷. Среди способов наказания числились взимание штрафа, направление на общественные работы либо арест до трех суток. Исключения касались лиц из привилегированных сословий и офицеров. Применение к ним вышеназванных санкций допускалось «только по разрешению окружного начальника»²⁷⁸. По существу, старшина, принадлежащий к княжескому или одному из дворянских сословий, даже за маловажные проступки не имел права привлекать к ответственности односельчанина, равного или даже уступающего ему по положению в традиционной иерархии сословий. Этим неизбежно девальвировалась социальная значимость главы сельского общества, дискредитировался его должностной авторитет и усугублялась зависимость общинной власти от внеобщинных административных инстанций. Последние и без того оказались вынуждены постоянно вмешиваться во внутриобщинные дела в кабардинских селениях. Обычным поводом для этого стали нарушения распорядков, предписываемых российским административным законодательством.

Несмотря на формальную унификацию выборных процессов в сельской общине в соответствии с законодательством Империи, определяющее значение в избирательной практике сохраняла приверженность кабардинцев критериям обычного права. Они стали составной частью практики общественного управления и действовали параллельно, а в отдельных случаях – вопреки российским административно-правовым стандартам.

Избрание на общественные должности представителей социальной верхушки и наиболее почетных стариков являлось воспроизводством элементов патриархального быта и вполне закономерным воплощением обычноправовых установок, которые доминировали в традиционном правопонимании кабардинцев. Данная тенденция отражала одно из направлений, в котором происходила адаптация кабардинцев к распорядкам общественного быта, измененного в соответствии с общероссийскими стандартами. Правовое содержание этого процесса заключалось во взаимодействии обычно-правовых представлений о характере сельского управления с нормами привнесенного административного права, которые усваивались кабардинцами избирательно. В результате авторитет российского законодательства

не стал безусловным ни для должностных лиц, ни, тем более, для остальных жителей сельских обществ Кабарды.

В этом заключалась одна из главных причин разнообразных нарушений правовых основ административной деятельности. Примеры служебной недисциплинированности и многочисленных злоупотреблений общинных служащих широко представлены в официальной делопроизводственной переписке²⁷⁹. С другой стороны, далеко не все члены общественного управления были в состоянии эффективно использовать полномочия, предоставленные им административным регламентом.

Неисполняемость и недейственность российского законодательства во многом обусловили содержание правовой политики царских властей. Одно из ее направлений заключалось в осуществлении контрольно-регуляционных мер. Они включали бюрократический надзор за повседневной правовой практикой общественных правлений, требование подробной отчетности об основных административных мероприятиях, расследование участковыми и окружными полицейскими чиновниками должностных преступлений сельских служащих, а также содействие последним в урегулировании серьезных внутриобщинных конфликтов и наказании тех, кто выказывал им неповиновение.

Однако внешний надзор мало способствовал изживанию злоупотреблений общинных служащих. Существенные нарушения административного законодательства пресекались лишь в тех случаях, когда становились известны внеобщинным инстанциям. Жалобы односельчан, в основном и доставлявшие подобную информацию, часто не подтверждались или не содержали в себе сведений о действительно серьезных преступлениях. Между тем, мелкие должностные проступки и вовсе оставались без внимания царских чиновников и стали неотъемлемой частью повседневной административной практики. Методами насаждения новых правовых распорядков царские власти не достигли утверждения должного авторитета российского законодательства. Они лишь закрепили за собой роль едва ли не единственного гаранта действенности административных инструкций и координатора внутриобщинных отношений, которые регламентировались их нормами.

В среде кабардинских сельских обществ наибольшей приверженностью российскому праву отличались члены сельских правлений. Административные нормы не только предоставляли им служебные полномочия, но и являлись одним из основных средств

юридической защиты их должностного реноме. Эффективность такого способа урегулирования конфликтов «против порядка управления» имела известные пределы. Тем не менее, существовала вполне устойчивая практика обращений сельских служащих за содействием во внеобщинные административно-судебные институты. Даже в ситуациях, подлежащих их собственной должностной юрисдикции.

Все это демонстрировало недостаточную эффективность методов, избранных для правового реформирования общественного быта кабардинцев, а также подчеркивало установившийся дисбаланс между навязанной извне формальной правовой системой и правовой практикой, осуществлявшейся в сельских обществах Кабарды. Попытками нивелировать отмеченное несоответствие стали примеры частичного пересмотра исходных нормативных распоряжков общественного управления. Данное направление административного реформирования основывалось на результатах опыта восприятия кабардинской деревней общероссийских административных стандартов и заключалось в формальном или негласном признании тех механизмов управления сельским обществом, которые сложились в процессе взаимодействия традиционного и привнесенного уклада, органично вписавшись в систему общинного самоуправления.

Итак, сфера управления сельских обществ кабардинцев и балкарцев в пореформенное время представляла собой синтез искусственно учрежденных административных институтов и элементов традиционного общественного быта, в той или иной мере сохранявших свою значимость. Организуя в кабардинской деревне сельские общества, царские власти формировали первичные ячейки унифицированной общероссийской административной системы. Поэтому общинное управление в Кабарде по основным параметрам соответствовало аналогичным структурам в центральнорусских селах, узаконенным крестьянской реформой 1861 г. Важным и оправданным отличием являлась возможность активного использования местного обычного права и некоторых административных традиций, ограничивая функцию российского законодательства регламентацией общего порядка деятельности общинного правления. Такое сосуществование обусловило противоречивость и болезненность адаптационного периода, первоначально выраженные неустойчивым авторитетом официальных общинных властей; неприятие кабардинцами новых, чуждых им распоряжков, упорное обращение их к традициям

прошлого при ограниченной возможности их реализации в рамках трансформирующейся общественной организации.

В целом разделяя мнение Е.Г. Битовой, что «сохранение многообразных форм традиционного местного самоуправления при достаточно жесткой унифицированной общероссийской структуре было главным достоинством государственно-административной системы гражданского управления» на Северном Кавказе²⁸⁰, считаем важным уточнить следующее. Отмеченное многообразие представляется не только, и даже не столько свидетельством «прагматизма» и продуманной административной политики Кавказской администрации, сколько результатом самого процесса сложного взаимодействия традиционных и новационных распоряжков местного самоуправления, а также активной адаптации коренного населения к изменившимся объективным условиям. Вместе с тем, при наличии общих тенденций, этот процесс у каждого этноса и субэтнических подразделений отличался своеобразием, обусловленным стадиальными различиями между ними и особенностями дореформенного общественно-политического уклада, элементы которого сохранялись в рамках пореформенных сельских обществ.

Воспроизводство традиционных механизмов традиционной управления селом, насколько это позволяли навязанные извне распоряжки, а то и вопреки им, являлось одним из ключевых условий социокультурного самосохранения кабардинцев и балкарцев и их адаптации к новому социальному, политическому и правовому статусу в Российской империи.

Учреждение в Кабарде и Балкарии сельского самоуправления, основанного на принципах выборности, всесословности и коллегиальности, стало одним из важнейших нововведений пореформенного периода. Несмотря на то что для него были характерны существенная зависимость от окружной администрации, бюрократизация и формализация повседневной деятельности, а также частая сменяемость должностных лиц, прежде всего старшин, – это был значительный шаг вперед в развитии начал местного самоуправления. Община становится элементом государственной системы, обладающим налоговыми и полицейскими функциями, субъектом общероссийского права.

1.5. Статус мусульманского духовенства в сельском самоуправлении

В административной политике царской администрации в Кабарде со второй четверти XIX в. важное место занимала проблема обеспечения контроля за религиозной жизнью мусульманского населения. В 1822 г. с учреждением Кабардинского временного суда Главнокомандующий на Кавказе генерал А.П. Ермолов ограничивал административно-судебные функции мулл в Кабарде, установив их зависимость от органов военной администрации, а народному кадию при суде определялось «достойное содержание» 300 руб. в год²⁸¹. В условиях продолжавшейся Кавказской войны учреждение Суда было направлено на подрыв власти духовенства и прекращение связей кабардинцев с «отуреченным Закубаньем»²⁸². В то же время, осознавая прочность позиций ислама в Кабарде, российские власти пытались максимально использовать мусульманских священнослужителей в своих целях, привлекая их к имперским административным практикам²⁸³. Например, «молитва за Царя», составленная в 1820 г. А.П. Ермоловым²⁸⁴, положила начало регулярным директивным молениям, которые должны были «обосновывать незыблемость авторитета русской имперской власти среди мусульман Кавказа»²⁸⁵. Закреплению подданнических политических ориентаций способствовало проникновение в общественный быт мероприятий общегосударственной праздничной культуры, за организацию которых также отвечали аульные владельцы и мусульманские священнослужители.

По данным А.Х. Абазова, с конца 40-х гг. XIX в. Кабардинский временный суд начал выдавать аульным муллам свидетельства, разрешающие им деятельность, заверенные начальником Центра Кавказской линии и главным эфендием²⁸⁶.

Дальнейшее наделение мусульманского духовенства в Кабарде административными обязанностями было продолжено начальником Центра Кавказской линии генерал-майором кн. Г. Эрстовым. В его предписании от 16 января 1851 г. устанавливался следующий порядок: «Замечая, что весь народ кабардинский с малым исключением имеет весьма темное и часто превратное понятие о своей религии, предлагаю народному эфендию из каждой фамилии избрать по одному мулле, преданному нашему правительству, которому и подчинить всех прочих мулл фамилии и возложить на них ответственность, чтобы аульные муллы

каждую пятницу поучали народ, толковали им обязанности их к Богу, царю, правительству и ближним; наставляли бы их в правилах чести и трудовой жизни, в случае же неисполнения этого, выбранные эфендии (о назначении коих суд имеет мне донести) обязаны сообщить народному эфендию, который вместе с судьями должен подвергнуть виновного наказанию»²⁸⁷. Наряду с этим на сельских священнослужителей возлагались обязанности по доведению до прихожан новых правил военной администрации. Например, запрещающих «всем магометанским народам, калмыкам и другим иноверцам внутри области в аулах и кочевьях обитающих, ездить по степям или обширным полям целиком с оружием». Их основные положения предписывалось «перевести на народный язык и для лучшего народу внушения поручить аульным муллам, дабы читали оные им каждую неделю в мечетях»²⁸⁸.

Также была ликвидирована еще одна часть религиозной автономии, связанная с правом феодальных владельцев самим назначать мулл в своих селениях. Как заключал В.Х. Кажаров, это право теперь полностью переходило к российской администрации, равно как и регламентация основных видов деятельности мусульманского духовенства²⁸⁹.

На кадия (или, по некоторым документам, Главного эфендия, Народного эфендия) возлагалась задача «духовного управления» Кабардой для обеспечения в ней общественного спокойствия. Помимо заседания в Кабардинском временном суде и сменившем его в 1858 г. Окружном, он осуществлял надзор за состоянием умов в религиозных общинах, аттестовал сельских мулл не только на знание Корана, но и на предмет политической благонадежности. За выполнение своих обязанностей народный кадий получал от правительства 350 руб., а также по 50 коп. ежегодно с каждого двора с кабардинских селений и балкарских обществ²⁹⁰.

С назначением в 1856 г. Кавказским наместником А.И. Барятинского «меры властей сосредоточились на уменьшении политического влияния духовенства в крае»²⁹¹. Политическая благонадежность становится одним из главных критериев выдвижения сельских священнослужителей. Прежде всего был ужесточен контроль за отбором мусульманских священнослужителей. Основными средствами проверки требуемых качеств кандидатов в «аульные эфенди» стала аттестация их народным эфендием (кадием), утвержденная окружным начальством. 30 декабря 1857 г. начальник штаба войск левого крыла Кавказской линии предписывал начальнику Кабардинского округа: «... потребовать от кабардинского народного эфендия подробные сведения обо

всех эфендиях и муллах, находящихся в Кабарде, с означением: 1. Кто из них по каким свидетельствам, с чьего разрешения и в каких аулах занимает должности? В какой степени они по знаниям, преданности правительству и нравственности могут быть полезны на занимаемых ими местах?». Там же предписывалось: если в результате проверки благонадежности аульных эфендиев будут выявлены духовные лица, «не получившие разрешения от начальства, то по вернейшем дознании о них, – оказавшихся полезными и имеющими право на занятие этих должностей по представлению народного эфендия выдать от себя свидетельство; оказавшихся же бесполезными удалить, заменив другими; затем вменить в обязанность с обращением ответственности за неисполнение Народному эфендию: чтобы ни один эфендий или мулла не имел права без ручательства его и без выданного от местного начальства свидетельства занимать вышеозначенные должности»²⁹².

Также контроль предполагался над перемещениями мусульманских священнослужителей. В инструкции для окружных начальников Левого крыла Кавказской линии командующий Кавказской армией предписывал: «прибывающих в участок из других мест Кавказа мулл и эфендиев допускать к исполнению религиозных обязанностей в аулах только в таких случаях, когда эти лица имеют одобрительные аттестаты от своего местного начальства; в противном же случае о подобных людях доносить мне, немедленно для отправления их к прежним местам жительства»²⁹³.

Административный надзор способствовал снижению политической активности мусульманского духовенства и превращению его в демонстративно лояльную часть социальной элиты. Мусульманское духовенство – серьезная политическая и духовная сила северокавказских обществ, с которой надо считаться и которую надо уметь использовать – таково мнение А.-Г. Кешева, которое он в редакторской колонке «Терских ведомостей» в 1869 г. хотел донести до правительственных органов. «Нам кажется, что ввиду невозможности устранить совершенно влияние духовенства на народ ... благоразумие требует употребить это влияние в пользу власти и народа» – «лучше иметь дело с разумною силой, чем с диким предубеждением и фанатизмом»²⁹⁴. А. Кешев выражал надежду, что с окончанием Кавказской войны обязательно начнется обновление умонастроений в среде исламского духовного сословия. «Горское духовенство, в настоящем его виде, – писал он, – есть продукт прошлого смутного времени, которое не могло, конечно, не наложить на него своей печати; ...с изменившимися, обстоятельствами должны

сгладиться сами собою и те чуждые религии элементы, которые обуславливались ожесточенной борьбою. Доказательство тому можно видеть даже теперь на лучших представителях горского духовенства, а через несколько еще лет крутой поворот в образе мыслей этого сословия не будет уже подлежать сомнению»²⁹⁵.

В 1864 г. К. Атажукин, подчеркивая лояльность кабардинского духовенства, отмечал: «Они не отличаются тем мрачным фанатизмом, которым ознаменовали себя чеченцы и дагестанцы... Они на деле не питают особенного пренебрежения к гяурам, не осуждают служащих, и сами они не отказались бы служить правительству, принимать от него подарки, деньги и носить его знаки отличия. Я знаю нескольких мулл, которые носят медали, пожалованные им за усердие, с особенным тщеславием и при всяком удобном случае выставляя их напоказ. Ни один мулла не только не избегает поручений начальств, но особенно рад, если ему начальство что-нибудь поручит, и особенно ревностно старается оправдать доверенность начальства, которой при удобном случае не преминет похвастаться пред служащими кабардинцами»²⁹⁶.

Однако, несмотря на оптимизм первых представителей адыгской интеллигенции, административный надзор за политической благонадежностью мусульманских священнослужителей в глазах царской администрации не утрачивал актуальности и в дальнейшем.

В сентябре 1911 г. Терское областное правление, апеллируя к статьям «Устава духовных дел иностранных исповеданий», предлагало администрации Нальчикского округа обязательно устанавливать характер образования духовных лиц, подданство, благонадежность «в политическом отношении», а также «не наблюдается ли за ними склонность к мусульманскому движению и религиозно-племенной агитации»²⁹⁷.

Утверждение окружной администрацией оставалось неременным условием назначения сельских священнослужителей. Однако оно не всегда соблюдалось и поэтому в делопроизводственной документации пореформенных лет появлялись административные предписания, подтверждающие, что это требование остается в силе, хотя, очевидно, плохо соблюдается. 8 января 1893 г. начальник Терской области издал распоряжение, «чтобы сельские муллы в магометанских селениях на будущее время назначались не иначе как по выбору окружного кадия и мною утверждались»²⁹⁸. Разумеется, это не означало, что до тех пор норма утверждения отсутствовала. Появление документа было вызвано неисполнением этого требования в Малой Кабарде. Четыре года спустя уже всем сельским правлениям вновь напомнили, что «все эфенди и

муллы утверждаются и увольняются от должности по распоряжению начальника округа; общество же не имеет права увольнять и назначать эфендиев и мулл»²⁹⁹.

Однако подобные требования нисколько не меняли обычную практику формирования штата сельских священнослужителей. Материалы 1912–1913 гг. по составу мусульманского духовенства Кабарды не оставляют сомнений в том, что при решении этих кадровых вопросов сельские общества очень часто игнорировали необходимость не только утверждения начальством, но даже и наличия у мулл удостоверений о профессиональной подготовке от Народного Кадия.

Получение этого свидетельства не было пустой формальностью. В зависимости от знаний, которые показывал экзаменуемый, ему присуждалась определенная квалификация. В источниках начала XX в. встречается информация о свидетельствах на право отправления должностей сельского и квартальных эфендиев 1–3-й степеней³⁰⁰. Известны случаи отстранения сельского эфендия от должности решением Народного кадия на основании жалобы односельчан³⁰¹ или по ходатайству старшины³⁰². Случалось, что жители жаловались на попытки Народного Кадия добиться назначения квартальным муллой своего родственника, вопреки желанию прихожан. В такой ситуации коронная администрация выступала в роли посредника, контролируя избрание третьего лица³⁰³.

Е.Г. Муратова приводит данные по балкарским обществам, согласно которым жители иногда проявляли удивительное упорство, добиваясь отстранения неугодного старшины, даже если он занимал эту должность более 20 лет³⁰⁴. Таким образом, заключение народного кадия не только определяло уровень подготовки, но и устанавливало некоторую дифференциацию среди мусульманского духовенства, зависящую от профессиональной компетенции. Также необходимо учитывать, что с конца 1850-х гг. религиозный надзор над пятью горскими обществами был предписан кадию Балкарского участкового суда³⁰⁵, а с учреждением в 1885 г. Временного отделения Нальчикского горского словесного суда – кадию от балкарских обществ³⁰⁶.

Особый порядок устанавливался для сельских эфенди, которых непременно требовалось утверждать не только в окружной, но и в Терской областной администрации. Однако и в их отношении в 1912 г. во многих общинных правлениях свидетельств об утверждении не имелось. В некоторых селениях такая должность даже отсутствовала как отдельная штатная единица: сельским эфенди считался квартальный

мулла, присутствовавший в заседаниях аульного суда³⁰⁷. Старшина селения Кучмазукино уточнял, что квартальные эфендии «заседают в суде попеременно ежегодно»³⁰⁸. В некоторых селениях сельский эфендий не вел службы в мечети, а только заседал в суде и выполнял соответствующие административные функции³⁰⁹. Т.е. являлся главным образом административным лицом.

Административный регламент и архивные источники второй половины XIX – начала XX в. четко не разграничивают термины «мулла» и «эфенди». В практике управления царские чиновники, равно как и должностные лица в сельских обществах, не видели разницу между ними. В служебной переписке сельских мусульманских священнослужителей называли либо эфенди, либо муллами, что, разумеется, не всегда буквально соответствовало их функциям и субординации между ними в сельской общине. Более укоренившееся в лексиконе прихожан и должностных лиц звание эфенди, в том числе и для квартальных священнослужителей, по существу, правильно отражали их статус религиозного лидерства не в сельской общине, а в общине религиозной.

В период становления системы сельского общественного управления, обязанности сельских мулл и эфенди дополнились целым рядом фискальных функций. В отличие от квартального муллы сельский эфенди являлся прежде всего должностным лицом в административно-судебной системе общины. Его обязанности включали: ведение метрических книг с отметками о родившихся, умерших, бракосочетаниях и разводах; контроль над сбором и распределением закята, соблюдением правил религиозной обрядности в сельском обществе. Кроме этого, он приводил к присяге должностных лиц аульного правления и свидетелей в аульном суде (клятва произносилась на Коране), скреплял своей подписью общественные приговоры и решения медиаторских судов³¹⁰. Оформленные присяги на русском языке с печатями и подписями на арабском поступали в окружное правление³¹¹.

В проекте правил по управлению аулами в Терской области от 1862 г. статус «аульного муллы» в первую очередь определялся его административными функциями. Помимо «исполнения разных треб по духовной части» ему предполагалось исполнять при старшине (в случае его неграмотности) функции «мирзы», прочитывая и составляя для него делопроизводственную документацию. Согласно проекту, сельского муллу должен был назначать начальник округа из «людей, наиболее преданных правительству, известных своим умом, честностью и справедливостью», и обязательно обнаруживших «достаточное знание

правил шариата»³¹². Окончательное же их утверждение предоставлялось начальнику отдела Кавказской линии.

В «Положении об аульном общественном управлении», введенном в действие в Кабардинском округе с 1868 г., устанавливалось, что «аульным эфендием может быть только имеющий от народного кадия свидетельство в том, что он по познаниям своим и по образу жизни может быть эфендием; утверждается аульный эфендий окружным народным судом; содержание эфендию назначается по усмотрению аульного схода с согласия эфендия»³¹³.

Мусульманское духовенство принадлежало к числу наиболее высокооплачиваемых должностей в общине. Помимо основного денежного вознаграждения, традиционно составляющего 1 руб. с каждого двора в год, эфенди и квартальные муллы получали от своих прихожан натуральные продукты. Другим источником их дохода являлись фиксированная доля с благотворительных сборов, а также плата за исполнение религиозных треб при похоронах и заключении брачных договоров³¹⁴. Однако нелишне заметить, что некоторые с трудом получали причитающуюся им плату, и нередко оказывались вынуждены в индивидуальном порядке обращаться в суд³¹⁵. Подавляющее большинство служителей культа существовало исключительно за счет ритуальных доходов, и лишь единицы из них вели собственное хозяйство³¹⁶. Возможно поэтому многие стремились, как можно дольше сохранять за собой занимаемую должность (до нескольких десятков лет), а каждые новые выборы сопровождались конфликтами претендентов³¹⁷.

Несмотря на строгость многочисленных административных распоряжений должностной, правовой и финансовый статус многих священнослужителей соответствовал положению, описанному старшиной селения Коново: «все эфенди служат по частному найму от своего квартала, в должностях не утверждались, из них сельский эфендий заседает в суде и получает за это жалованье из общественных сумм»³¹⁸. Циркуляр МВД от 22 декабря 1911 г. в очередной раз предписывал более строго соблюдать порядок аттестации, избрания и утверждения «приходских мулл», руководствуясь статьями 1431–1436 устава Духовных дел иностранного исповедания³¹⁹. Окружная проверка в 1912 г. установила, что в селении Ашабово из 12 сельских и квартальных мусульманских священнослужителей не имели документов об утверждении 11³²⁰, в селении Атажукино 2-е все 3³²¹, в Атажукинов 3-м – 1 из 2-х³²², в Кучмазукино 1 из 3-х³²³, в Докшоково 1 из 4-х³²⁴, в Жанхотовском 1 из 4-х³²⁵. Не утвержденным по форме оставался полный состав духовенства в

Кармово (5 человек)³²⁶, в Касаево (3)³²⁷, Аргудан (7)³²⁸, Кайсын-Анзорово (6)³²⁹, Тамбиево 2-ом (5)³³⁰, Куденетово 1-м (5)³³¹, Астемирово (4)³³², Хапцево (4)³³³ и др. В Наурузово 4 квартальных эфенди «в должности раньше не утверждались, т.к. жители кварталов без ведома правления договаривали и не заявляли о составлении приговоров»³³⁴. Причем все они отправляли религиозные требы по многу лет, а некоторые принимали участие в заседаниях аульного суда.

Рассматривая аналогичные явления на материалах горских обществ Нальчикского округа, Е.Г. Муратова приходит к выводу о децентрализованном характере управления духовной жизнью, подчеркивая, что «традиции выборности мусульманских священников у балкарцев не позволяли духовенству превращаться в замкнутое сословие»³³⁵.

Сельские общества прибегали к санкциям по отношению к нежелательным для них священнослужителям. В частности, это могли быть недопущение в мечеть или отказ в выплате жалованья. Зачастую они применялись вопреки официальным указаниям участковых или окружных властей, что также подтверждало определенную автономию взаимоотношений религиозной общины и мусульманских священнослужителей. Архивные документы свидетельствуют, что если духовное лицо поддерживало непопулярные в народе решения властей, то оно могло потерять поддержку среди прихожан.

Во второй половине 80-х гг. XIX в. таубии Урусбиевы добились передачи им в собственность лесных и пастбищных угодий Баксанского ущелья, что крайне ущемило интересы рядовых членов сельского общества. После отклонения их прошений о восстановлении общинного порядка пользования лесом, одной из форм социального протеста стало бойкотирование сельского эфендия Зулкарнея Эфендиева, поддержавшего Урусбиевых. В феврале 1897 г. недовольство выразилось в том, что часть общества демонстративно отказывалась молиться под его руководством и подменило Эфендиева «сохтом», т.е. учеником. Согласно заявлению отстраненного мусульманского священнослужителя, нанятый обществом житель чегемского общества Бапинаев «по настоящее время исполняет обязанности эфендия, без какого-либо на то разрешения начальства, который служит в мечети, хоронит людей своей партии и вообще берет на себя все обязанности эфендия в обществе... Все сторонники ведения дела Урусбиевых выдумали противникам своим клички «кепти», что означает язычник, безверный, что крайне раздражает народ, и если этого не пресечь, то можно ожидать драк, поранений и убийств»³³⁶. Таким образом, конфликт из-за распре-

деления религиозной власти, оказался следствием острых земельных противоречий в Урусбиевском обществе³³⁷.

Одной из проблем координации деятельности мусульманских священнослужителей стала поквартальная организация религиозной жизни сельских обществ. При формально существующем соподчинении сельским эфенди квартальных мулл, в повседневной практике иерархичность их служебных взаимоотношений зачастую оказывалась довольно условной.

В середине 1860-х гг., определяя задачи и перспективы начинаемых в Кабардинском округе общественных преобразований, Терская сословно-поземельная комиссия рекомендовала: «Необходимой мерой по осуществлению расселения аулов комиссия находит строгое приказание народному кабардинскому эфендию наблюсти под его ответственностью, чтобы в новых аулах было бы по одной прилично выстроенной мечети, расположенной на удобной просторной местности и обнесенной прочной изгородью с запирающимися воротами. Выбранных для мечетей мулл должен народный эфендий обязать заниматься с учениками Кораном и народною грамотою и блюсти за порядком и чистотою мечети и двора, ведением метрики, которая во всех мусульманских селениях существует»³³⁸. Такой представлялась наиболее приемлемая религиозная организация сельских обществ российским чиновникам. Вместе с тем отмечалось, «что соединяемые ныне мелкие аулы помышляют удержать свою отдельность сохранением отдельных для каждого аула мечетей, старшин, пастухов и всех других принадлежностей аульного быта»³³⁹. Нельзя не отметить прозорливость Комиссии, поскольку тенденции обособления, замеченные ими, только начинали сказываться на жизнедеятельности сельских обществ.

В 1865 г. в Кабарде началось т.н. «укрупнение селений». Небольшие населенные пункты были сгруппированы в более крупные и некогда самостоятельные аулы стали кварталами образовавшихся сельских обществ. Их внутренний уклад отличался своеобразной автономией в рамках общинной организации селения, в том числе и в религиозной жизни. Впоследствии стало очевидно, что стремление властей унифицировать религиозную жизнь сельских общин не привело к ликвидации некоторой обособленности квартальных джамаатов. Ошибкой, а впоследствии и проблемой царской администрации стало то, что они изначально пытались бороться с тем, чему сами были причиной. Очевидно, что еще чиновники Терской сословно-поземельной комиссии предполагали «подогнать» сложившуюся за многие десятилетия форму

организации религиозных общин, совпадавших с вотчинами-общинами, под укрупненные селения. При этом кабардинцам предписывался регламент, который во многом не учитывал ни особенности их традиционной религиозности, ни готовность народа сохранять приверженность этим традициям, в том числе и в пространственной организации религиозных общин.

В источниках, наряду с официальным обозначением «квартал» и его кабардинским синонимом «хьэблэ», вошло в употребление понятие «джамаат». Оно в кабардинской транскрипции пишется как «жэмыхьэт» и переводится в двух значениях: «квартал» и «часть населенного пункта, объединяемая одной мечетью». В кабардино-русском словаре по принципу аналогии дается пояснение, что последнее «соответствует церковному приходу»³⁴⁰.

В мусульманском лексиконе «джамаат» является определением религиозной общины. Весьма показательно, что его употребление как обозначения квартальной социальной общности особенно характерно для этнографических материалов, собранных сотрудниками КБНИИ в ходе опросов кабардинских старожилов в 1970-х гг.

Возможно, совмещение этих двух понятий произошло вследствие административно-территориальные преобразования середины 60-х гг. XIX в. Именно с этого времени в результате структурного переустройства традиционной кабардинской деревни «джамаат» становится обозначением социальной общности сельского квартала, которая одновременно являлась религиозной общиной, группирующейся вокруг квартальной мечети. Таким образом, в пореформенную эпоху организационная структура сельского общества включала несколько вполне автономных мусульманских общин.

В начале XX в. в кабардинских сельских обществах редко было менее 3, а в отдельных случаях (например, в селении Ашабово в 1912 г.) насчитывалось до 12 эфенди и квартальных мулл³⁴¹. Таким образом, пространственной унификации религиозной жизни так и не сложилось. Местное население, невзирая на усиление контроля над религиозной сферой, последовательно игнорировало административно установленные формы организации религиозной общины – джамаата, осуществляли свои религиозные практики в формате, сложившемся до укрупнения селений, то есть в рамках приходов квартальных мечетей.

В балкарских обществах мечети имелись в каждом отдельном поселке. Определенные отличия сложились в населенных пунктах, образованных в предгорьях их безземельных переселенцев из горных

обществ. По данным И.П. Текуевой, крупные аулы обзаводились несколькими квартальными мечетями при наличии главной соборной³⁴². Например, в селении Гунделен в 1896 г. значилось 4 мечети³⁴³. Интересно, что территориальная принадлежность аульного эфенди предполагала дифференциацию вознаграждения за его ритуальные услуги. Так, в 1893 г. по условиям договора Чегемского общества с А. Энеевым за оформление мусульманского брачного договора ему полагалось 2 рубля с чегемцев, по 5 рублей с жителей других балкарских обществ, а с кабардинцев – по 10 рублей³⁴⁴.

Сложившаяся религиозно-общинная структура противоречила религиозной политике царской администрации, которая в рамках общеимперской политики стремилась установить единообразное совпадение религиозных общин с сельскими обществами³⁴⁵. Другие примеры расхождения норм и практики наглядно демонстрировали, насколько формально религиозная жизнь кабардинской деревни контролировалась надобщинными институтами. На практике элементарная координация административной и духовной деятельности квартальных священнослужителей в сельских обществах нередко оказывалась затрудненной.

В рапорте от 3 февраля 1893 г. атаман Сунженского отдела Терской области сообщал: «в бытность мою в Малой Кабарде я дознал, что в тамошних селениях по издавна существующему порядку имеется по несколько так называемых квартальных мулл и отдельных у каждого мечетей, которые самостоятельно исправляют свои обязанности, и старшего между ними, которому бы подчинялись остальные, нет; так что и в ведении метрических книг происходит беспорядок»³⁴⁶.

С назначением в 1910 г. начальником Нальчикского округа С. Клишбиева были предприняты действия по нормативной унификации административной организации религиозной жизни сельских обществ. В 1912 г. был проведен окружной съезд мусульманских священнослужителей духовенства, который составил «правила для руководства сельских эфендиев и мулл», закрепившие строгое верховенство «старшего эфендия», которому должны были подчиняться старшие муллы. Рассылая новый регламент для исполнения сельским старшинам, начальник округа писал: «В тех селениях, где имеется несколько кварталов, весьма часто происходят недоразумения между муллами и нередко бывают случаи различного толкования чисто религиозных вопросов, отчего в глазах темной массы народа падает значение самих мулл как духовных наставников, а также и значение религии, и по причине не-

урядиц между муллами страдают также все разрешаемые на местах в селениях мелкие шариатские дела»³⁴⁷. В феврале 1913 г. под председательством С. Клишбиева начала работу экзаменационная комиссия для проверки всех мулл в знании ими учения магометанской веры, а равно законов Корана и шариата», состоявшая из Народного Кадия и нескольких сельских эфенди»³⁴⁸.

Таким образом, несмотря на инструкции царских властей, сельские общества в значительной степени самостоятельно формировали штат приходского мусульманского духовенства. Более того, вопросы эти чаще всего решались не на уровне всего сельского общества, а в рамках религиозной общины-джамаата, социальные пространства которых часто не совпадали. Несмотря на строгие требования царской администрации соблюдать порядок утверждения и аттестации мусульманских священнослужителей, на протяжении всего рассматриваемого периода большинство эфенди и квартальных мулл в сельских обществах по многу лет осуществляли свою деятельность без соблюдения этих формальностей, но по договоренности с обществом. Очевидно, что сельские общества рассматривали этот вопрос, как сугубо внутренний, не требующий обязательного согласования с надобщинными структурами власти. В этой связи не достаточно обоснованной представляется точка зрения Ж.А. Калмыкова о том, что «мусульманское духовенство в Нальчикском округе полностью зависело от администрации»³⁴⁹. При рассмотрении религиозной практики сельских обществ не остается сомнений, что на протяжении многих лет обладая широкими возможностями по регламентации и надзору за религиозной жизнью сельских обществ, царские власти не сумели реализовать их в полной мере.

Примечания

¹ *Кажаров В.Х.* Адыгская вотчина. С. 124–125.

² *Кушков Х.С.* Социально-политическое и этнокультурное развитие Кабарды в пореформенное время. Нальчик, 2011. С. 72.

³ УЦГА АС КБР. Ф.Р-1209. Оп. 13. Д. 28. Л. 67.

⁴ Там же. Ф. 16. Оп. 1. Д. 435. Л. 7–7 об.

⁵ *Кобахидзе Е.И.* Центральный Кавказ в объединительной политике Российской империи второй половины XIX – начала XX в. С. 115.

⁶ *Кажаров В.Х.* Адыгская вотчина. С. 118.

⁷ АКАК. Т. XII. С. 1197.

- ⁸ *Абаев М.* Балкария // Этюды о Балкарии... С. 154.
- ⁹ УЦГА АС КБР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 461. Л. 5–5 об.
- ¹⁰ Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 26. Л. 9.
- ¹¹ Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 26. Л. 8.
- ¹² УЦГА АС КБР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 26. Л. 8 об.
- ¹³ *Бейтуганов С.Н.* Кабарда: история и фамилии. С. 179–181.
- ¹⁴ УЦГА АС КБР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 467. Л. 9 об.
- ¹⁵ УЦГА АС КБР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1766. Л. 64 об.
- ¹⁶ УЦГА АС КБР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 656. Л. 2–2 об.
- ¹⁷ УЦГА АС КБР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 656. Л. 2 об. – 3.
- ¹⁸ Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 656. Л. 26.
- ¹⁹ *Боров А.Х.* Северный Кавказ в российском цивилизационном процессе (Проблема социально-культурного синтеза). Нальчик, 2007. С. 74.
- ²⁰ Цит. по: *Кобахидзе Е.И.* Центральный Кавказ в объединительной политике Российской империи... С. 116–117.
- ²¹ УЦГА АС КБР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1766. Л. 44–47.
- ²² Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 888. Л. 3об.–4.
- ²³ Архивные материалы о Кавказской войне и выселении черкесов (адыгов) в Турцию. Нальчик, 2003. С. 365.
- ²⁴ УЦГА АС КБР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1766. Л. 25, 59 об.
- ²⁵ Там же. Л. 44 об.
- ²⁶ Там же. Л. 45–45 об., 65 об.
- ²⁷ Там же. Л. 59 об., 60.
- ²⁸ Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 888. Л. 21–23.
- ²⁹ Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1766. Л. 30–69.
- ³⁰ Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1766. Л. 25.
- ³¹ Там же. Ф. 6. Оп. 2. Д. 9. Т. 1. Л. 10; Ф. 6. Оп. 1. Д. 572. Т. 2. Л. 170; Т. 3. Л. 46, 98.
- ³² Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 314. Т. 12. Л. 409–409 об.
- ³³ Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 572. Т. 2. Л. 139–139 об., 199–199 об., 192.
- ³⁴ Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 572. Т. 3. Л. 50; Д. 772. Т. 3. Л. 17–17 об.
- ³⁵ Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 314. Л. 345.
- ³⁶ *Текуева И.П.* Указ. соч. С. 127.
- ³⁷ Цит. по кн.: *Калмыков Ж.А.* Установление русской администрации в Кабарде и Балкарии в конце XVIII – начале XX вв. С. 71.
- ³⁸ *Калмыков Ж.А.* Установление русской... С. 71.
- ³⁹ ЦГА РСО-А. Ф. 224. Оп. 1. Д. 30. Л. 15.
- ⁴⁰ УЦГА АС КБР. Ф. 6. Оп. 1. Д. 86. Л. 15об.–16.
- ⁴¹ *Калмыков Ж.А.* Установление русской администрации. С. 71–72.
- ⁴² УЦГА АС КБР. Ф. 6. Оп. 1. Д. 772. Т. 2. Л. 36–36 об.
- ⁴³ Там же. Л. 240–240 об., 242.
- ⁴⁴ Там же. Л. 36.

- ⁴⁵ Там же. Л. 46, 242–242 об.
- ⁴⁶ Там же. Т. 3. Л. 91.
- ⁴⁷ Там же. Т. 2. Л. 46–47.
- ⁴⁸ Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 772. Т. 2. Л. 238–242.
- ⁴⁹ Там же. Т. 3. Л. 153 об.
- ⁵⁰ Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 772. Т. 3. Л. 176.
- ⁵¹ Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 772. Т. 2. Л. 12 об.
- ⁵² Там же. Т. 1. Л. 173–173 об.
- ⁵³ Там же. Л. 58 об.; Т. 2. Л. 12 об.
- ⁵⁴ Там же. Т. 3. Л. 85.
- ⁵⁵ Там же. Т. 2. Л. 81; Т. 3. Л. 14.
- ⁵⁶ *Анчабадзе Ю.Д.* Политическая культура адыгов... С. 68–70.
- ⁵⁷ *Ардасенов А.* Проделки несменяемого // Избранные труды. Владикавказ, 1997. С. 59.
- ⁵⁸ УЦГА АС КБР. Ф. 6. Оп. 1. Д. 833. Т. 3. Л. 88–90 об.
- ⁵⁹ Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 833. Т. 3. Л. 92–93.
- ⁶⁰ Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 833. Т. 3. Л. 100–101 об.
- ⁶¹ Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 833. Т. 3. Л. 98–99 об.
- ⁶² Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 833. Т. 3. Л. 93.
- ⁶³ Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1. Д. 674. Л. 102 об. – 103 об.
- ⁶⁴ Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 772. Т. 3. Л. 90–90 об.
- ⁶⁵ *Калмыков Ж.А.* Установление русской администрации в Кабарде и Балкарии. С. 73.
- ⁶⁶ УЦГА АС КБР. Ф. 27. Оп. 1. Д. 10. Л. 13.
- ⁶⁷ ЦГА РСО Алания. Ф. 224. Оп. 1. Д. 145. Л. 35 об., 60, 64.
- ⁶⁸ УЦГА АС КБР. Ф. 6. Оп. 1. Д. 572. Т. 2. Л. 154.
- ⁶⁹ Там же. Ф. 6. Оп. 2. Д. 9. Т. 1. Л. 140; Ф. 6. Оп. 1. Д. 772. Т. 2. Л. 131–131 об.; Т. 3. Л. 155; Д. 674. Т. 2. Л. 34–35.
- ⁷⁰ Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 25. Т. 1. Л. 12; Т. 2. Л. 254.
- ⁷¹ Там же. Ф. 3. Оп. 1. Д. 52. Л. 14; Ф. 6. Оп. 1. Д. 772. Т. 2. Л. 73, 87.
- ⁷² Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 572. Т. 1. Л. 60, 106, 153; Д. 674. Т. 2. Л. 12.
- ⁷³ Там же. Д. 674. Т. 2. Л. 31.
- ⁷⁴ Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 772. Т. 3. Л. 42; Д. 674. Т. 3. Л. 2; Д. 519. Л. 10; Д. 719. Л. 108, 115.
- ⁷⁵ Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 519. Л. 11; Д. 719. Л. 115, 217.
- ⁷⁶ Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 656. Л. 2.
- ⁷⁷ Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 314. Т. 1. Л. 1 об.; Д. 674. Т. 3. Л. 10.
- ⁷⁸ Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 314. Т. 1. Л. 2; Д. 572. Т. 1. Л. 52 об.; Ф. 6. Оп. 2. Д. 9. Л. 203.
- ⁷⁹ Цит. по кн.: *Калмыков Ж.А.* Установление русской администрации в Кабарде и Балкарии. С. 117.
- ⁸⁰ Там же. С. 118.

- ⁸¹ УЦГА АС КБР. Ф. 22. Оп. 1. Д. 2299. Л. 3.
- ⁸² *Кажаров В.Х.* Адыгская вотчина. С. 118–120.
- ⁸³ УЦГА АС КБР. Ф. 27. Оп. 1. Д. 53. Л. 1–1 об.
- ⁸⁴ Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 271. Л. 35.
- ⁸⁵ См.: *Калмыков Ж.А.* Установление русской администрации в Кабарде и Балкарии. С. 118–119.
- ⁸⁶ УЦГА АС КБР. Ф. 6. Оп. 1. Д. 833. Т. 2. Л. 16–17.
- ⁸⁷ Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 891. Л. 37.
- ⁸⁸ Там же. Ф. 26. Оп. 1. Д. 20. Л. 13, 20а, 21, 28, 29, 33, 36–36 об., 38, 40 об., 41, 47, 49, 52.
- ⁸⁹ Там же. Ф. 26. Оп. 1. Д. 20. Л. 17, 18.
- ⁹⁰ Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 674. Т. 2. Л. 6.
- ⁹¹ Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 271. Л. 19.
- ⁹² Там же. Ф. 3. Оп. 1. Д. 52. Л. 14; Ф. 6. Оп. 1. Д. 572. Т. 1. Л. 60, 106, 153; Д. 674. Т. 2. Л. 12; Д. 772. Т. 2. Л. 73, 87.
- ⁹³ Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 674. Т. 1. Л. 34, 105.
- ⁹⁴ Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 572. Т. 2. Л. 131.
- ⁹⁵ Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 572. Т. 1. Л. 12.
- ⁹⁶ Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 519. Л. 10; Д. 520. Л. 10; Д. 719. Л. 108.
- ⁹⁷ Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 519. Л. 11; Д. 520. Л. 11; Д. 719. Л. 115, 217.
- ⁹⁸ Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 484. Л. 2–3.
- ⁹⁹ Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 888. Л. 38 об.
- ¹⁰⁰ Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 45. Л. 152.
- ¹⁰¹ Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 298. Т. 1. Л. 41–41 об.
- ¹⁰² Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 298. Т. 1. Л. 97.
- ¹⁰³ Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 298. Т. 1. Л. 101.
- ¹⁰⁴ ЦГА РСО-А. Ф. 224. Оп. 1. Д. 30. Л. 15.
- ¹⁰⁵ УЦГА АС КБР. Ф. 6. Оп. 1. Д. 674. Л. 69–70.
- ¹⁰⁶ Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 772. Т. 2. Л. 161–162.
- ¹⁰⁷ Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 6. Т. 1. Л. 34; Ф. 6. Оп. 2. Д. 25. Т. 2. Л. 252–252 об.; Ф. 6. Оп. 1. Д. 674. Т. 3. Л. 69–70.
- ¹⁰⁸ Там же. Ф. 34. Оп. 1. Л. 26 об. – 27.
- ¹⁰⁹ *Думанов Х.М.* Социальная структура кабардинцев в нормах адата. С. 225–228.
- ¹¹⁰ *Кажаров В.Х.* Адыгская вотчина. С. 121.
- ¹¹¹ УЦГА АС КБР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 467. Л. 4 об. – 5.
- ¹¹² Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 467. Л. 19 об.
- ¹¹³ Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 656. Л. 3 об.
- ¹¹⁴ Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 204. Л. 3.
- ¹¹⁵ Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 888. Л. 2.
- ¹¹⁶ *Калмыков Ж.А.* Установление русской администрации в Кабарде и Балкарии. С. 66–67.

- ¹¹⁷ УЦГА АС КБР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 888. Л. 3.
- ¹¹⁸ Там же. Ф. 22. Оп. 1. Д. 1913. Л. 2–2 об.; Ф. 6. Оп. 1. Д. 759. Т. 1. Л. 79–79 об.; *Крикунов В.П.* Указ. соч. С. 21, 29.
- ¹¹⁹ УЦГА АС КБР. Ф. 22. Оп. 1. Д. 562. Л. 2.
- ¹²⁰ Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 25. Т. 2. Л. 251–251 об.
- ¹²¹ Там же. Ф. 3. Оп. 1. Д. 48. Л. 88.
- ¹²² *Калмыков Ж.А.* Установление русской администрации в Кабарде и Балкарии. С. 118.
- ¹²³ УЦГА АС КБР. Ф. 6. Оп. 1. Д. 611. Л. 11.
- ¹²⁴ Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 719. Л. 115.
- ¹²⁵ Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 719. Л. 217; Ф. 6. Оп. 1. Д. 411. Т. 1. Л. 23 об., 25.
- ¹²⁶ Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1074. Л. 2–2об.; Ф. 6. Оп. 1. Д. 866. Л. 161–161 об.; Д. 422. Т. 2. Л. 225 об.
- ¹²⁷ Там же. Ф. 22. Оп. 1. Д. 2014. Л. 2.
- ¹²⁸ Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 411. Т. 2. Л. 151.
- ¹²⁹ Там же. Ф. 22. Оп. 1. Д. 3311. Л. 6–6 об.; Ф. 6. Оп. 1. Д. 498. Т. 2. Л. 231 об.
- ¹³⁰ *Бабич И.Л.* Эволюция правовой культуры адыгов... С. 76.
- ¹³¹ УЦГА АС КБР. Ф. 3. Оп. 1. Д. 282. Л. 4–4 об.; Ф. 6. Оп. 2. Д. 54. Л. 3, 11 об. – 12; Ф. 9. Оп. 1. Д. 62. Л. 458–459 об.
- ¹³² Там же. Ф. 22. Оп. 1. Д. 2705. Л. 1–1 об., 3–3 об.
- ¹³³ Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 25. Т. 2. Л. 252; Ф. 6. Оп. 1. Д. 719. Л. 114–114 об.
- ¹³⁴ Там же. Ф. 3. Оп. 1. Д. 1789. Л. 150–151 об.
- ¹³⁵ Там же. Ф. 22. Оп. 1. Д. 3479. Л. 3–3 об.; Д. 2705. Л. 3–3 об.; Д. 2789. Л. 3–3 об.; Ф. 24. Оп. 1. Д. 363. Л. 16–16 об.
- ¹³⁶ Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 888. Л. 2 об.
- ¹³⁷ Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 674. Т. 1. Л. 41–41 об.; Д. 271. Л. 17–19.
- ¹³⁸ *Щербина Ф.А.* Общинный быт и землевладение у кавказских горцев // Аграрные отношения у народов Северного Кавказа в российской политике XVIII – начала XX века. Архивные материалы и научные исследования. В 2-х тт. Сост. П.А. Кузьминов. Т. 1. Нальчик, 2006. С. 212–213.
- ¹³⁹ *Кажаров В.Х.* Адыгская вотчина. С. 31.
- ¹⁴⁰ *Месяц С.И.* Указ. соч. С. 75.
- ¹⁴¹ УЦГА АС КБР. Ф. 6. Оп. 1. Д. 759. Т. 1. Л. 124–125, 131; Д. 428. Т. 1. Л. 108–111 об.
- ¹⁴² Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 25. Т. 2. Д. 252 об.
- ¹⁴³ Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 674. Т. 2. Л. 153 об.
- ¹⁴⁴ Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 428. Т. 2. Л. 110 об. – 111.
- ¹⁴⁵ Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 428. Т. 2. Л. 110 об.
- ¹⁴⁶ Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 271. Л. 36 об.
- ¹⁴⁷ Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 25. Т. 2. Л. 252 об.
- ¹⁴⁸ Там же. Ф. 22. Оп. 1. Д. 1766. Л. 36–37 об.; Ф. 3. Оп. 1. Д. 52. Л. 28–30 об.
- ¹⁴⁹ Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 428. Т. 1. Л. 111.

¹⁵⁰ Цит. по кн.: *Калмыков Ж.А.* Установление русской администрации в Кабарде и Балкарии. С. 67.

¹⁵¹ *Калмыков Ж.А.* Установление русской администрации... С. 70.

¹⁵² УЦГА АС КБР. Ф. 6. Оп. 1. Д. 674. Т. 2. Л. 101–101 об., 102 об., 103 об.

¹⁵³ Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 772. Т. 3. Л. 153 об.

¹⁵⁴ Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 656. Л. 2, 8 об.

¹⁵⁵ Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 467. Л. 1–1 об.

¹⁵⁶ Там же. Л. 13–14 об., 21 об.–24.

¹⁵⁷ Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 592. Л. 22 об.

¹⁵⁸ Хрестоматия по истории государства и права Кабардино-Балкарской Республики (последняя треть XVIII – начало XXI вв.) / Сост. А.Х. Абазов, М.В. Дышеков. Нальчик, 2015. С. 78.

¹⁵⁹ УЦГА АС КБР. Ф. 6. Оп. 1. Д. 572. Т. 2. Л. 24.

¹⁶⁰ Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 271. Л. 52.

¹⁶¹ Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1719. Л. 68 об.

¹⁶² Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 772. Т. 2. Л. 7, 86–86 об.; Д. 572. Т. 3. Л. 106.

¹⁶³ Там же. Ф. 3. Оп. 1. Д. 52. Л. 21 об.; Д. 205. Л. 24.

¹⁶⁴ Терский календарь на 1895 г. Владикавказ, 1894. С. 147.

¹⁶⁵ УЦГА АС КБР. Ф. 6. Оп. 1. Д. 204. Л. 3 об.

¹⁶⁶ *Абазов А.Х.* Нальчикский округ в судебной системе... С. 31, 65–67.

¹⁶⁷ Там же. С. 110.

¹⁶⁸ УЦГА АС КБР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1769. Л. 69.

¹⁶⁹ Хрестоматия по истории государства и права Кабардино-Балкарской Республики... С. 78.

¹⁷⁰ *Калмыков Ж.А.* Установление русской администрации в Кабарде и Балкарии. С. 109.

¹⁷¹ УЦГА АС КБР. Ф. 51. Оп. 1. Д. 7. Л. 3.

¹⁷² ЦГА РСО-А. Ф. 12. Оп. 3. Д. 1265. Л. 7 об.

¹⁷³ *Калмыков Ж.А.* Установление русской администрации в Кабарде и Балкарии. С. 76.

¹⁷⁴ Терский календарь на 1895 г. Владикавказ, 1894. С. 145.

¹⁷⁵ УЦГА АС КБР. Ф. 6. Оп. 1. Д. 204. Л. 3 об.

¹⁷⁶ Там же. Ф. 6. Оп. 723. Т. 1. Л. 10.

¹⁷⁷ Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 725. Т. 1. Л. 179–180.

¹⁷⁸ Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 204. Л. 4; *Калмыков Ж.А.* Установление русской администрации в Кабарде и Балкарии. С. 110.

¹⁷⁹ *Калмыков Ж.А.* Установление русской администрации... С. 110.

¹⁸⁰ УЦГА АС КБР. Ф. 22. Оп. 1. Д. 769. Л. 2.

¹⁸¹ Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 271. Л. 17–19.

¹⁸² *Абазов А.Х.* Нальчикский округ в судебной системе Терской области. С. 30–32, 54–62.

¹⁸³ *Бабич И.Л.* Правовая культура адыгов... С. 25.

- ¹⁸⁴ УЦГА АС КБР. Ф. 6. Оп. 1. Д. 314. Т. 1. Л. 2; Д. 772. Л. 86–86 об.; Ф. 3. Оп. 1. Д. 52. Л. 21 об.
- ¹⁸⁵ Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 656. Л. 26 об.
- ¹⁸⁶ Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1769. Л. 69.
- ¹⁸⁷ Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 888. Л. 36 об.
- ¹⁸⁸ Там же. Ф. 3. Оп. 1. Д. 52. Л. 38–39 об.; Ф. 6. Оп. 1. Д. 86. Л. 15 об., 16.
- ¹⁸⁹ Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 888. Л. 36 об.; Д. 1074. Л. 1–1 об.; Д. 1769. Л. 69; Ф. 3. Оп. 1. Д. 52. Л. 30–30 об.; Д. 200. Л. 33–34; Ф. 6. Оп. 1. Д. 64. Т. 1. Л. 14, 32 об.; Ф. 22. Оп. 1. Д. 391. Л. 1–1 об.; Д. 769. Л. 2–4; Д. 2993. Л. 2 об.; Д. 3197. Л. 1–1 об.; Д. 4856. Л. 6; Д. 2014. Л. 13; Архив КБИГИ. Ф. 10. Оп. 1. Л. 43, 46.
- ¹⁹⁰ УЦГА АС КБР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1268. Л. 2; Оп. 3. Д. 33. Л. 56.
- ¹⁹¹ Там же. Ф. 3. Оп. 1. Д. 52. Л. 39 об., 53 об.
- ¹⁹² Там же. Ф. 3. Оп. 1. Д. 200. Л. 33.
- ¹⁹³ Там же. Ф. 40. Оп. 1. Д. 4. Л. 210 об.
- ¹⁹⁴ Там же. Ф. 3. Оп. 1. Д. 52. Л. 30 об.
- ¹⁹⁵ Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1719. Л. 68 об.
- ¹⁹⁶ Там же. Ф. 22. Оп. 1. Д. 3045. Л. 1.
- ¹⁹⁷ Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 64. Т. 1. Л. 226.
- ¹⁹⁸ Там же. Л. 222; Ф. 22. Оп. 1. Д. 391. Л. 1–2; Д. 2397. Л. 1–1 об.; Д. 3421. Л. 1–1 об.; Д. 4216. Л. 1.
- ¹⁹⁹ Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 64. Л. 13.
- ²⁰⁰ Архив КБИГИ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 14. Л. 43, 46; *Бабич И.Л.* Правовая культура адыгов... С. 26.
- ²⁰¹ *Бабич И.Л.* Эволюция правовой культуры адыгов... С. 119.
- ²⁰² *Бабич И.Л.* Эволюция правовой культуры адыгов... С. 119.
- ²⁰³ УЦГА АС КБР. Ф. 22. Оп. 1. Д. 4216. Л. 1; Д. 4622. Л. 1; Д. 3197. Л. 1 об.
- ²⁰⁴ *Бабич И.Л.* Эволюция правовой культуры адыгов... С. 116–117.
- ²⁰⁵ *Леонтович Ф.И.* Адамы кавказских горцев. Вып. 1. Одесса, 1882. С. 40.
- ²⁰⁶ *Калмыков Ж.А.* Установление русской администрации... С. 78–79.
- ²⁰⁷ *Бабич И.Л.* Эволюция правовой культуры адыгов... С. 120; *Абазов А.Х.* Народы Центрального Кавказа в судебной системе Российской империи. С. 224–225.
- ²⁰⁸ *Безгин В.Б.* Крестьянская повседневность (традиции конца XIX – начала XX века). М.–Тамбов: Изд-во Тамб. гос. тех. ун-та, 2004. С. 91–93.
- ²⁰⁹ *Дмитриев В.А.* Насильственные действия и их проявления в традиционном и современном социоре адыгов // Антропология насилия. Сб. статей. СПб., 2001. С. 367.
- ²¹⁰ *Тамазов М.С.* Деятельность посреднических судов по освобождению зависимых сословий в Кабарде и Балкарии в конце 60-х гг. XIX в. // Вестник КБГУ. Серия гуманитарные науки. Вып. 6. Нальчик, 2001. С. 14–16.
- ²¹¹ УЦГА АС КБР. Ф. 22. Оп. 1. Д. 28. Л. 1.

- ²¹² Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1208. Л. 30; Ф. 22. Оп. 1. Д. 1909. Л. 1–1 об., 3; Ф. 6. Оп. 1. Д. 25. Т. 3. Л. 252; Д. 190. Л. 17, 34;
- ²¹³ Там же. Ф. 3. Оп. 1. Д. 200. Л. 33–34.
- ²¹⁴ Архив КБИГИ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 14. Л. 141, 103.
- ²¹⁵ УЦГА АС КБР. Ф. 6. Оп. 1. Д. 572. Т. 1. Л. 60, 106, 153; Т. 3. Л. 106.
- ²¹⁶ *Бабич И.Л.* Народные традиции... С. 40–41.
- ²¹⁷ УЦГА АС КБР. Ф. 6. Оп. 1. Д. 833. Т. 2. Л. 117, 131–132; Ф. 34. Оп. 1. Д. 4. Л. 24 об.; Ф. 40. Оп. 1. Д. 4. Л. 165 об. – 166.
- ²¹⁸ Там же. Ф. 34. Оп. 1. Д. 4. Л. 1 об., 5, 6, 26, 27.
- ²¹⁹ Там же. Ф. 22. Оп. 1. Д. 1754. Л. 8; Ф. 6. Оп. 1. Д. 572. Т. 1. Л. 60.
- ²²⁰ Там же. Ф. 22. Оп. 1. Д. 768. Л. 2–2 об.; Ф. 6. Оп. 1. Д. 572. Т. 1. Л. 60, 132; Д. 866. Л. 193 об.
- ²²¹ См.: *Калмыков Ж.А.* Установление русской администрации... С. 74.
- ²²² УЦГА АС КБР. Ф. 6. Оп. 1. Д. 833. Т. 2. Л. 153.
- ²²³ Там же. Ф. 3. Оп. 1. Д. 1789. Л. 150; Д. 52. Л. 28, 30 об.; Ф. 6. Оп. 1. Д. 139. Л. 1.
- ²²⁴ Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 833. Т. 2. Л. 89, 90.
- ²²⁵ Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 866. Л. 193 об.; Д. 498. Д. 215–215 об.; Ф. 22. Оп. 1. Д. 762. Л. 2 об.
- ²²⁶ Там же. Ф. 9. Оп. 1. Д. 62. Т. 2. Л. 241.
- ²²⁷ Там же. Ф. 22. Оп. 1. Д. 3526. Л. 3.
- ²²⁸ ЦГА РСО-А. Ф. 224. Оп. 1. Д. 145. Л. 14–19, 23–26.
- ²²⁹ *Хетагуров К.* Горские штрафные суммы // Полное собрание сочинений в 5-ти томах. Владикавказ, 2000. С. 128–129.
- ²³⁰ Там же. С. 129.
- ²³¹ *Хетагуров К.* Неурядицы Северного Кавказа // Полное собрание сочинений. Т. 4. Владикавказ, 2000. С. 138–139.
- ²³² УЦГА АС КБР. Ф. 6. Оп. 1. Д. 64. Л. 18; Ф. 22. Оп. 1. Д. 6269. Л. 2; *Бабич И.Л.* Эволюция правовой культуры адыгов... С. 81.
- ²³³ *Думанов Х.М.* Обычное имущественное право кабардинцев... С. 120, 122; *Бабич И.Л.* Эволюция правовой культуры адыгов... С. 101.
- ²³⁴ УЦГА АС КБР. Ф. 6. Оп. 1. Д. 64. Т. 4. Л. 527; Ф. 40. Оп. 1. Д. 4. Л. 167.
- ²³⁵ Там же. Ф. 22. Оп. 1. Д. 2705. Л. 3–3 об.
- ²³⁶ Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 64. Л. 252, 354, 370; Ф. 22. Оп. 1. Д. 6269. Л. 2.
- ²³⁷ Архив КБИГИ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 14. Л. 43, 46.
- ²³⁸ УЦГА АС КБР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 656. Л. 23; *Калмыков Ж.А.* Установление русской администрации... С. 110.
- ²³⁹ Архив КБИГИ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 14. Л. 46.
- ²⁴⁰ УЦГА АС КБР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 65. Л. 23 об. – 24; *Калмыков Ж.А.* Установление русской администрации... С. 105, 109.
- ²⁴¹ *Бабич И.Л.* Эволюция правовой культуры адыгов... С. 117.

²⁴² *Абазов А.Х.* Нальчикский округ в судебной системе Терской области. С. 72.

²⁴³ *Кушхов Х.С.* Социально-политическое и этнокультурное развитие Кабарды в пореформенное время. Нальчик, 2011. С. 111.

²⁴⁴ УЦГА АС КБР. Ф. 3. Оп. 1. Д. 200. Л. 33–34; Ф. 6. Оп. 1. Д. 64. Л. 225; Ф. 22. Оп. 1. Д. 391. Л. 1–2.

²⁴⁵ Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 64. Т. 1. Л. 252 об.; Ф. 22. Оп. 1. Д. 4304. Л. 1 об.

²⁴⁶ *Бабич И.Л.* Эволюция правовой культуры адыгов. С. 118–119.

²⁴⁷ УЦГА АС КБР. Ф. 6. Оп. 1. Д. 64. Л. 223–226.

²⁴⁸ Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 656. Л. 2, 8 об., 26.

²⁴⁹ Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 656. Л. 26 об. – 27.

²⁵⁰ *Бабич И.Л.* Народные традиции... С. 34.

²⁵¹ УЦГА АС КБР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1237. Л. 16–16 об.

²⁵² Там же. Л. 16–17; Ф. 22. Оп. 1. Д. 1754. Л. 8; Д. 2014. Л. 2; Д. 3045. Л. 1–2.

²⁵³ Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 45. Т. 1. Л. 12.

²⁵⁴ Там же. Ф. 2. Оп. 3. Д. 11. Т. 1. Л. 69.

²⁵⁵ Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 34. Л. 38.

²⁵⁶ Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 592. Л. 1.

²⁵⁷ Там же. Ф. 6. Оп. 2. Д. 9. Л. 65; Ф. 22. Оп. 1. Д. 927. Л. 2–2 об.

²⁵⁸ Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 314. Л. 421–421 об.; Ф. 22. Оп. 1. Д. 562. Л. 2.

²⁵⁹ Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 314. Л. 421 об.

²⁶⁰ ЦГА РСО-А. Ф. 11. Оп. 13. Д. 804. Л. 1 об.

²⁶¹ Там же. Л. 5 об.

²⁶² УЦГА АС КБР. Ф. 9. Оп. 1. Д. 62. Л. 458–459 об.

²⁶³ Там же. Ф. 27. Оп. 1. Д. 53.

²⁶⁴ *Бабич И.Л.* Эволюция правовой культуры адыгов... С. 31–121.

²⁶⁵ УЦГА АС КБР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 888. Л. 36.

²⁶⁶ *Калмыков Ж.А.* Установление русской администрации... С. 24.

²⁶⁷ УЦГА АС КБР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 656. Л. 26 об.

²⁶⁸ Там же.

²⁶⁹ Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 888. Л. 36–36 об.

²⁷⁰ Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 428. Т. 1. Л. 110–110 об.; Д. 772. Т. 3. Л. 153 об.

²⁷¹ Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 314. Л. 422; *Калмыков Ж.А.* Установление русской администрации... С. 70.

²⁷² УЦГА АС КБР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1263. Л. 2.

²⁷³ *Калмыков Ж.А.* Установление русской администрации... С. 101.

²⁷⁴ Там же. С. 52.

²⁷⁵ УЦГА АС КБР. Ф. 6. Оп. 1. Д. 25. Л. 252, 277; Ф. 2. Оп. 1. Д. 1268. Л. 2–2 об.; Ф. 22. Оп. 1. Д. 3619. Л. 2.

²⁷⁶ Там же. Ф. 22. Оп. 1. Д. 4304. Л. 4.

²⁷⁷ *Калмыков Ж.А.* Установление русской администрации... С. 119.

- ²⁷⁸ Там же.
- ²⁷⁹ УЦГА АС КБР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1766. Л. 36–37 об.; Ф. 3. Оп. 1. Д. 52. Л. 21, 28, 38–38 об.; Ф. 6. Оп. 1. Д. 25. Л. 251–251 об., 252–253, 359–359 об.; Д. 572. Т. 2. Л. 15, 138, 154, 158–158 об., 159–159 об., 193; Д. 722. Т. 3. Л. 164–165; Оп. 1. Д. 9. Л. 63, 72, 119, 179.
- ²⁸⁰ *Битова Е.Г.* Модернизирующие реформы на Северном Кавказе и местная политическая традиция: отторжение или адаптация. // RES PUBLIKA. Вып. 1. 2000. С. 117.
- ²⁸¹ *Леонтович Ф.И.* Адагы кавказских горцев. Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. Вып. I. Одесса, 1882. С. 262–268.
- ²⁸² См.: *Потто В.А.* Кавказская война. Т. 2. Ставрополь, 1994. С. 376–378.
- ²⁸³ *Мукожеев А.Х.* Народный эфендий Умар Шеретлоков // Исторический вестник КБИГИ. Вып. I. Нальчик, 2005. С. 349.
- ²⁸⁴ Записки А.П. Ермолова. 1798–1826 гг. М., 1991. С. 339.
- ²⁸⁵ *Арапов Д.Ю.* Система государственного регулирования ислама в Российской империи (последняя треть XVIII – начало XX вв.). М., 2004. С. 71–72.
- ²⁸⁶ *Абазов А.Х.* Народы Центрального Кавказа... С. 93.
- ²⁸⁷ УЦГА АС КБР. Ф. 23. Оп. 1. Д. 28. Т. 2. Л. 6.
- ²⁸⁸ Там же. Ф. 23. Оп. 1. Д. 48. Т. 1. Л. 41 об. – 42.
- ²⁸⁹ *Кажаров В.Х.* Адыгская вотчина. Нальчик, 1993. С. 122–123.
- ²⁹⁰ УЦГА АС КБР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 438. Л. 10–12.
- ²⁹¹ *Мачукаева Л.Ш.* Система управления Северным Кавказом в конце XIX – начале XX века (На материалах Терской области). Дис. ... канд. ист. наук. Москва, 2004. С. 152–153.
- ²⁹² УЦГА АС КБР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 908. Л. 1–3.
- ²⁹³ Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 467. Л. 8.
- ²⁹⁴ [Кешев А.-Г.]. Библиография // Терские ведомости. 1869. № 46.
- ²⁹⁵ [Кешев А.-Г.]. Библиография // Терские ведомости. 1869. № 46.
- ²⁹⁶ *Атажукин К.* Мнение о ведении письменности в Кабарде // *Кумыков Т.Х.* Кази Атажукин. Нальчик, 1969. С. 134.
- ²⁹⁷ УЦГА АС КБР. Ф. 6. Оп. 1. Д. 841. Л. 22 об.
- ²⁹⁸ Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 271. Л. 45–45 об.
- ²⁹⁹ Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 419. Л. 13.
- ³⁰⁰ Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 841. Л. 44–44 об.
- ³⁰¹ Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 841. Л. 38.
- ³⁰² Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 419. Л. 41.
- ³⁰³ Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 419. Л. 37.
- ³⁰⁴ *Муратова Е.Г.* Социально-политическая история Балкарии... С. 277–278.
- ³⁰⁵ УЦГА АС КБР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 26. Л. 8 об.
- ³⁰⁶ Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 841. Л. 9–9 об.

³⁰⁷ Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 841. Л. 52, 58, 58 об., 69, 75, 78 об., 98, 106, 115–115 об., 121, 126, 128, 136 об. – 137, 140.

³⁰⁸ Там же. Л. 58 об.

³⁰⁹ Там же. Л. 60, 63, 50, 54, 47, 102, 104, 94–95.

³¹⁰ *Битова Е.Г.* Модернизирующие реформы на Северном Кавказе и местная политическая традиция: отторжение или адаптация // RES PUBLICA. Вып. 1. 2000. С. 176.

³¹¹ УЦГА АС КБР. Ф. 6. Оп. 1. Д. 271. Л. 56, 58, 59, 60.

³¹² УЦГА АС КБР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 656. Л. 2–3.

³¹³ Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 888. Л. 7 об.

³¹⁴ Там же. Ф. 24. Оп. 1. Д. 363. Л. 57.

³¹⁵ Там же. Ф. 22. Оп. 1. Д. 477. Л. 1.

³¹⁶ Там же. Ф. 22. Оп. 1. Д. 1913. Л. 2; Д. 391. Л. 1–1 об.

³¹⁷ *Калмыков Ж.А.* Установление русской администрации в Кабарде и Балкарии в конце XVIII – начале XX вв. Нальчик, 1995. С. 89.

³¹⁸ УЦГА АС КБР. Ф. 6. Оп. 1. Д. 841. Л. 77.

³¹⁹ Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 841. Л. 22–22 об.

³²⁰ Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 841. Л. 44–44 об.

³²¹ Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 841. Л. 50.

³²² Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 841. Л. 52.

³²³ Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 841. Л. 58–58 об.

³²⁴ Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 841. Л. 100.

³²⁵ Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 841. Л. 106.

³²⁶ Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 841. Л. 60.

³²⁷ Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 841. Л. 63.

³²⁸ Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 841. Л. 92–23.

³²⁹ Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 841. Л. 94–95.

³³⁰ Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 841. Л. 70–71.

³³¹ Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 841. Л. 110.

³³² Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 841. Л. 126.

³³³ Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 841. Л. 140.

³³⁴ Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 841. Л. 74–75 об.

³³⁵ *Муратова Е.Г.* Социально-политическая история Балкарии XVII – начала XX в. Нальчик, 2007. С. 276–279.

³³⁶ УЦГА АС КБР. Ф. 6. Оп. 1. Д. 411. Л. 81.

³³⁷ *Муратова Е.Г.* Указ. соч. С. 287.

³³⁸ УЦГА АС КБР. Ф. 40. Оп. 1. Д. 4. Л. 209.

³³⁹ Там же. Л. 209 об. – 210.

³⁴⁰ Кабардино-русский словарь. Под общей редакцией Б.М. Карданова. М, 1957. С. 89.

³⁴¹ УЦГА АС КБР. Ф. 6. Оп. 1. Д. 841. Л. 5–6, 11–20, 44–45.

³⁴² *Текуева И.П.* Система административного устройства и самоуправления балкарского селения Гунделен во второй половине XIX – начале XX в. // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2009. № 12–2. С. 127.

³⁴³ Документы по истории Балкарии (конец 19 – начало 20 вв.) / Сост. Е.О. Крикунова. Нальчик, 1962. С. 96.

³⁴⁴ *Муратова Е.Г.* Социально-политическая история Балкарии... С. 277.

³⁴⁵ *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). Т. I. СПб., 2000. С. 462.

³⁴⁶ УЦГА АС КБР. Ф. 6. Оп. 1. Д. 271. Л. 45–45 об.

³⁴⁷ Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 841. Л. 154–154 об.

³⁴⁸ Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 841. Л. 9–9 об.

³⁴⁹ *Калмыков Ж.А.* Установление русской администрации... С. 88.

---

2. ОКРУЖНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ

2.1. К вопросу о преемственности представительной власти кабардинцев и балкарцев

Одним из результатов включения кабардинцев и балкарцев в административно-политическое пространство Российской империи стало формирование у них во второй половине XIX – начале XX в. самобытной системы местного самоуправления. Она включала в себя институты управления сельских обществ и связанные с ними сборы (съезды) доверенных, которым общинные сходы делегировали полномочия обсуждать разнообразные вопросы окружной жизни.

Ж.А. Калмыков в 1981 г. в первом специальном исследовании съезда доверенных писал о том, что «исторически ему предшествует общенародный орган, публичная власть, называемая у кабардинцев – Хаса и у балкарцев — Халкъны джыйлу»¹. В 1992 г. было опубликовано исследование В.Х. Кажарова о хасе, как сословно-представительном собрании в традиционном адыгском обществе². Автор считает последним упоминанием о хасе предписание начальника Центра Кавказской линии от 25 августа 1826 г. об установлении порядка проведения народных собраний близ крепости Нальчик только с разрешения и при участии начальника Кабардинской линии. По мнению В.Х. Кажарова, это распоряжение свидетельствовало об окончательной потере хасой значения высшего законодательного и распорядительного органа Кабарды и превращении ее в совещательный орган при царской военной администрации. Автор убежден, что хаса и в таком виде «не устраивала русское правительство. Военно-оккупационный режим был в принципе не совместим с политическим институтом, который хотя бы отдаленно напоминал о былой ее независимости. Поэтому закономерно, что в последующее время отсутствуют какие-либо сведения о созыве сословно-представительных собраний в Кабарде»³.

В монографии 1995 г. Ж.А. Калмыков сначала указывает, что съезд доверенных, «как общественно-политический орган управления Ка-

бардой и Горскими обществами, был создан в результате буржуазных реформ, проведенных в середине XIX века на Северном Кавказе». Однако далее поясняет, что исторически ему предшествовал период, когда традиционные народные собрания – хаса, как законодательные органы дублировались и вытеснялись «при поддержке военных властей», теряли свои законодательные функции, но с окончанием Кавказской войны получили новое название – съезд доверенных. При этом автор ссылается на сведения из статьи Г. Баева о том, что «народные сборы являются одним из самых старейших институтов, которые сохранились до сих пор у одних только кабардинцев»⁴. В заключении своей книги Ж.А. Калмыков прямо утверждает преемственность в деятельности хасы и съездов доверенных, хотя и отмечает, что во второй половине XIX в. съезд доверенных претерпел существенные изменения. Главное из них – это «утрата им законодательных функций»⁵.

Таким образом, Ж.А. Калмыков декларирует преемственность хасы и съезда доверенных, однако не аргументирует свою точку зрения сопоставлением признаков двух общественных институтов. Также автор не последователен в объяснении противоречий между колониальной искусственностью и традиционной преемственностью съездов доверенных. Тем не менее, в работе 2012 г. В.Х. Кажаров отчасти откорректировал недосказанность мнения Ж.А. Калмыкова, выразив убеждение, что ему удалось «доказать генетическую преемственность между ... съездами и сословно-представительными собраниями феодальной Кабарды». Несмотря на ограниченность функций, «они стали своеобразным способом сохранения государственно-политической традиции кабардинцев, хотя и в весьма трансформированном и ограниченном виде»⁶.

Однако именно первоначальная статусная неопределенность, оставленная Ж.А. Калмыковым, впоследствии отразилась в других работах, где упоминалось о съездах доверенных, на что в 2003 г. обратил внимание Х.С. Кушхов⁷. По словам Г.Х. Мамбетова, «во второй половине XIX – начале XX вв. после проведения административной реформы в Кабарде и Балкарии уже не созывались съезды князей и уорков, а также хаса, был создан институт «Съезд доверенных сельских обществ Кабарды и Балкарии»⁸. Е.Г. Битова пишет, что в 60-х г. XIX в. на Северном Кавказе «воссоздавался» Съезд доверенных сельских обществ» и, по мнению некоторых исследователей, «исторически ему предшествовал общенародный орган, публичная власть, генетически связанная с

архаической школой парламентской власти этих народов (например, у кабардинцев такой орган назывался хаса, у балкарцев – тёре)»⁹.

В очерке «Балкария» М. Абаев заложил основы историографической традиции, в которой «тере» понималось как народный суд с участием представителей таубиев, узденей и при некоторых делах – крестьян, который при необходимости учреждал новые нормы обычного права. Здесь же отмечалось, что после 1870 г. «тере» были заменены Горскими словесными судами¹⁰. В монографии 2007 г. Е.Г. Муратова (Битова) называет «неоправданной модернизацией» определение Х.Х. Малкондуевым «тере» как формы выборного народного парламента¹¹. Принимая во внимание отмеченные положения, можно считать, что необходимость дальнейшего обсуждения проблемы преемственности тере с народными собраниями (съездами доверенных) можно считать исчерпанной.

Т.Х. Кумыков связывал появление этого института с проведением на Северном Кавказе крестьянской и административно-судебной реформ. Он пишет, что их следствием стало «учреждение «Съезда доверенных» Кабарды и Балкарии как общественного органа местного управления, который выполнял функции законодательного собрания. Но, по сути, съезд был совещательным органом»¹². М.В. Дышков пишет о том, что Съезд доверенных «появился на основе народного собрания кабардинцев Хасы. Царское правительство стремилось превратить Хасу в инструмент своей политики. Законченное оформление эта тенденция нашла в Съезде доверенных, который был создан по инициативе администрации. Этот орган уже полностью был подчинен начальнику Терской области»¹³.

О деятельности съездов доверенных в более широком региональном контексте обычно приводятся фрагментарные характеристики со ссылками на работы Ж.А. Калмыкова. Рассматривая историю обсуждения вопроса о введении земств на Кавказе, Л.Ш. Мачукаева приводит краткие суждения о съезде доверенных Большой и Малой Кабарды, отмечая, что по кругу решаемых задач они были схожи с земствами в центральной России¹⁴. П.А. Кузьминов пишет, что в ходе административных преобразований на Северном Кавказе «воссозданы были и такие важные законодательные органы власти на местах, как сельские сходы и Съезд доверенных сельских обществ, решавшие простые хозяйственные, но такие важные для сельского труженика, вопросы»¹⁵.

В 2003 г. некоторые недостатки характеристик съездов доверенных в историографии были рассмотрены в статье Х.С. Кушхова. Полемизи-

руя с предшествующими исследователями, он справедливо указывает на то, что «все авторы, утверждавшие преемственность Хасы и Съезда доверенных сельских обществ, не давали даже самого общего сравнительного анализа этих институтов. А между тем ни по принципам формирования (Съезд составлялся из 1–3-х доверенных, избравшихся в каждом сельском обществе), ни по структуре (часто включал равное представительство от привилегированных сословий и крестьян, причем, как от кабардинских, так и балкарских сельских обществ), ни по регламенту деятельности (работал строго раз в год, санкционировался местной администрацией и согласовывал с ней повестку дня и принимаемые решения), Съезд не имел ничего общего с Хасой». Х.С. Кушхов убежден, что Съезд «был искусственным учреждением, обеспечивавшим ограниченное представительство коренного населения в решении ряда вопросов местной жизни»¹⁶. Не находя признаков, «по которым допустимо утверждать преемственность Хасы и Съезда доверенных сельских обществ», автор видит в них имитацию, которая представляла некоторую видимость действия прежних политических традиций, облегчавших поэтапную унификацию административного уклада Кабарды с общероссийскими порядками»¹⁷.

Одной из причин неочевидности преемственности народных съездов (съездов доверенных) может быть модернизация и завышение статусных характеристик представительного органа феодальной Кабарды. В статье 2009 г. Ю.М. Азикова, рассмотревшая политическую организацию феодальной Кабарды в рамках концепции «раннего государства», определяет хасу как коллегиальный полифункциональный орган, интегрировавший корпоративное управление Кабардой господствующим слоем князей и дворян. Она отметила сомнительность представлений о возможности самостоятельного рассмотрения законодательных функций хасы ввиду слабо дифференцированной специализации в политической сфере традиционного кабардинского общества. Автор обоснованно возражает и по поводу интерпретации фактов приглашение «старшин черного народа» для информирования о решениях господствующих сословий, как свидетельства появления третьей палаты¹⁸.

С учетом таких институциональных параметров представляется, что главным изменением в деятельности представительного института в контексте российского государства стало постепенное расширение взаимодействия хасы со структурами имперского управления Кабардой. Тем самым военные власти налаживали каналы взаимодействия

с княжеско-дворянской элитой, которые институционально были имманентны традиционной политической культуре кабардинцев. Этот процесс начался еще с конца XVIII в. при учреждении и организации выборов в Родовые суды и расправы, ставшие первыми судебными органами Российской империи в Кабарде. В.Х. Кажаров приводит ряд сообщений об успешных и неудачных попытках военных властей созывать «общие собрания» в период усиления антиколониального движения в Кабарде в первом десятилетии XIX в.¹⁹ Вероятно, к результатам этих мероприятий можно отнести принятие 10 июля 1807 г. «Народного условия...». Оно стало регламентом духовных судов – мехкеме, учрежденных коронными властями по просьбам кабардинцев взамен Родовых судов и расправ²⁰. Обновленный судебно-административный порядок свидетельствовал о достижении на данном этапе интеграционного компромисса между представителями Империи и кабардинской элитой. После упразднения в 1822 г. генералом А.П. Ермоловым мехкеме «народные собрания» продолжали созываться при крепости Нальчик и в присутствии начальника Кабардинской линии во второй четверти XIX в.

Основными параметрами, по которым можно было бы отметить преемственность между хасой и народными сборами в переходный период (20–70-е гг. XIX в.) являлся их сословный характер и территориальное представительство. В.Х. Кажаров приводит данные XVIII в. об участии на хасе с правом голоса всех князей и дворян – аульных владельцев²¹, а с 1760-х гг. – «старшин черного народа», называя их «третьей палатой кабардинского феодального парламента». Последние выражали интересы «зажиточной верхушки вольноотпущенников и оброчных крестьян» и скорее всего назначались своими владельцами, что в какой-то мере должно было компенсировать отсутствие в Кабарде сельского крестьянского самоуправления²². По территориальной разновидности хасы проводились как удельные, фамильные, общекабардинские и даже «межплеменные» собрания²³.

О составе народных сборов 1820–1850-х гг. мы не располагаем источниками. В документе 1848 г. упоминается о проведении сбора «владельцев аулов и почетных стариков»²⁴. Только с 1860 г. сборы доверенных приобрели регулярный характер и более определенную регламентацию. В инструкции к созыву сборов доверенных определялись уточненные критерии территориального и сословного представительства – 2–3 выборных от каждого кабардинского селения²⁵. От балкарских обществ вызывали «с каждого ущелья по два таубия и по

два каракиша»²⁶. После освобождения зависимых сословий принцип представительства конкретизировался по традиционному сословному статусу. Например, 25 ноября 1874 г. начальник округа распорядился «избрать по три доверенных лица от каждого общества одного из князей и узденей 1-й степени, другого из узденей 2-й степени и третьего из вольноотпущенников и бывших временнообязанных, которые с письменными доверенностями от обществ должны прибыть в окружное управление непременно к 15 числу будущего декабря месяца для обсуждения общественных дел и наделении землею и для выбора депутатов в Нальчикский горский словесный суд для заседания на будущий 1875 г.»²⁷. Формальный сословный ценз соблюдался до конца 1870-х гг. Если же князей в селении не было, то избиралось по два доверенных: от узденей и «простого народа»²⁸.

С начала 1880-х гг. избрание доверенных на съезд уже не содержало официальных признаков сословного представительства и определялось только территориальным цензом – по два от кабардинских селений и каждого из пяти горских обществ, а также от новообразованных балкарских селений Гунделен и Хасаут.

Таким образом, организационная преемственность хасы и народных сборов (съездов доверенных) обеспечивалась прежде всего сохранением принципов сословного и территориального представительства, которые были расширены привлечением доверенных балкарских обществ. При очевидной организационной преемственности с хасой, функционально деятельность народных сборов осуществлялась уже совершенно в ином административно-политическом контексте. Со второй четверти XIX в. представительные собрания были переориентированы на обеспечение имперского управления Кабардой при участии выборных от самих кабардинцев. Поэтому их деятельность необходимо обозначать как отдельный этап в эволюции представительных традиций. Конкретизация и постепенное развитие выборных и хозяйственно-распорядительных функций сделали сборы доверенных самобытным институтом самоуправления кабардинцев и балкарцев. Несомненно, опыт взаимодействия российских властей с народными сборами сыграл определенную роль при организации военно-народного управления Северным Кавказом в середине XIX в.

2.2. От народных сборов к съездам доверенных

По имеющимся источникам, народные сборы 30–50-х гг. XIX в. проводились только у кабардинцев, потому что до 1860-х гг. в балкарских обществах сохранялось традиционное управление их владельцев. Первым официальным свидетельством встраивания народных собраний в новую систему управления Кабардой стало предписание начальника Кабардинской линии Кабардинскому временному суду от 25 августа 1826 г. В нем содержались указания о порядке взаимодействия коронной администрации с традиционным органом управления в форме организации «народных сборов» в крепости Нальчик: «когда нужно будет по каким-либо делам производить народные собрания, всегда на таковые испрашивать моего разрешения и доносить об этом заблаговременно; а собрания производить близ крепости Нальчикской и давать мне о том знать, в коих я и сам буду присутствовать и решать дела в пользу народа»²⁹.

Г. Баев в начале XX в. писал о формировании этого института. Не датируя точно начало этого процесса, он характеризовал его следующим образом: «Огромное значение для правильного управления горским населением имели обычные народные сборы, на которых объявлялись населению распоряжения правительства и местного начальства, со своей же стороны население доводило до сведения Правительства и местного начальства о своих народных нуждах. Народные сборы, сохранившиеся до сих пор только в Кабарде, дали возможность этому населению разрешить целый ряд важнейших вопросов своего благоустройства. Так, сборы выбирали депутатов, – представителей народа перед правительством, поверенных для ведения своих дел народных в судах и у администрации»³⁰.

В июле 1842 г. народным сбором «по доверенности народа кабардинского» было решено обратиться к военному министру А.И. Чернышеву с прошением о возвращении кабардинцам пастбищ по рекам Малке, Золке и Этоко³¹. Г. Баев пишет, что «высочайшее» решение по этому вопросу было принято в 1844 г. «по ходатайству народных сборов». Из его дальнейшего описания деятельности этого общественного института очевидно, что народные сборы и съезды доверенных в его понимании синонимичны.

Одним из предназначений народных сборов было объявление представителям народа распоряжений властей. Так, начальником Ка-

бардинской линии Кабардинскому временному суду 18 марта 1834 г. было предписано «при собрании князей, узденей и почетнейших кабардинцев объявить распоряжение начальства, чтобы сего времени ни под каким предлогом не принимали бы приезжающих из Закубани по билетам и без оных ни родных своих и незнакомых под опасением строгой ответственности, а в случае если кто и приехал то тот час представлять ко мне»³².

Установление военно-административного надзора за организацией народных сборов различного уровня нередко было сложно исполнимым. Тем более традиционная элита кабардинцев инерционно предпринимала попытки использовать народные сборы для самостоятельного регулирования общественной жизни. Например, имеются факты проведения народных сборов, не согласованных с начальством. В июне 1855 г. начальник Центра Кавказской линии генерал-майор А.П. Грамотин получил донесение членов Кабардинского временного суда о том, что «фамилии Бек-Мурзина и Кайтукина под покровительством князя Алхаса Мисостова совершенно вышла из повиновения суда. Ни одно требование посланное от суда ими не исполняется и несмотря на неоднократные подтверждения князь Бек-Мурза Тлостаналиев совершенно уклонился от своей обязанности и явно потворствует всем беспорядкам. Князь Алхас Мисостов, Хаджи Мекенов, Хаджи Коголкин, Мусса Женоков, князь Бек-Мурза Казиев, Пшемахо Гукежев служат руководителями во всех сборах и самоуправствах. Князь Алхас разъезжая по всем аулам собирает народ самоуправствует делает сходки, приводит к присяге народ о неповиновении суду и несмотря на запрещение Вашего Превосходительства занимается избранием новых членов. Самоуправство и смелость и распускаемые в народе слухи о взятии будто бы союзниками Анапы явно заставляют думать и о другой неблагоприятной цели, а потому суд не ручается за благонамеренность всех вышеозначенных лиц. Народные сборы делаются все с большею и большею смелостью и уже два раза большая половина Кабарды собиралась даже в самом Нальчике»³³.

Разбираясь в ситуации, генерал-майор Грамотин в своих последующих пояснениях излагал информацию о характере несогласованных народных сборов, которые организовывались в Кабарде: «Указываемые здесь люди делают сборы для того, чтобы составить просьбу и подать мне об отрешении судей и назначении других, ибо настоящими они недовольны; другого умысла в их сборах предполагать трудно, но во всяком случае, сборы эти не ведут ни к чему хорошему и потому

необходимо объявить им, что и без их просьбы я знаю когда и кого назначать в суде.

Относительно сборов делаемых князем Алхасом Мисостовым и толков распускаемых им в народе не в пользу членов суда, следует потребовать от него отчет, от кого он получил позволение приводить народ к присяге в неповиновении суду, и объявить народу, что действия и рассказы Мисостова несправедливы, за что и будет примерно наказан, ему же необходимо объявить, что если он не будет сидеть спокойно дома, то у него будет отобран весь табун и бараны, а самого представлю к ссылке».

Далее А.П. Грамотин определил дополнительные требования к организации народных собраний: «При всяком большом сборе в Нальчике необходимо требовать отчета, кто за каким делом приехал, хотя сборы кабардинцев не имеют никакой особой секретной цели и для людей праздных служат только развлечением, и вообще я полагаю, что на сборы эти должно смотреть совершенно не с точки зрения с которой смотрит на них кабардинский временный суд³⁴.

Очевидно, что ситуация противостояния части состава Кабардинского временного суда с инициаторами несанкционированных сборов являлась отражением внутренней борьбы в Кабарде, сохранявшей характер конкуренции за влияние между княжескими фамилиями.

Последним из несанкционированных сборов в январе 1867 г. стало шалушкинское собрание владельцев, не согласных освободить своих зависимых крестьян. Оно было созвано ранее официального сбора, назначенного начальником Кабардинского округа в ходе проведения освобождения зависимых сословий³⁵. Впоследствии иногда случались попытки оформления приговоров, без созыва народных сборов, но эти попытки отслеживались и пресекались коронными властями.

Финансирование некоторых местных нужд шло из средств Кабардинской общественной суммы, которая формировалась из отчислений от судебных и административных штрафов, а также от дохода за вывоз леса из предгорных районов округа. В 1856 г. для упорядочения распоряжения общественным капиталом Кавказский наместник кн. А.И. Барятинский утвердил специальные «Правилах об управлении кабардинской общественной суммы»³⁶. С 1860-х гг. съезды доверенных стали участвовать в санкционировании расходования общественных средств. Одними из первых получателей стипендий на обучение за пределами Кабардинского округа стали Ф. Шакманова и Х. Абаева, обучавшиеся с 1862 г. в пансионе Св. Нины в Тифлисе³⁷. В 1875 г. «почетные жи-

тели Большой и Малой Кабарды и горских обществ по доверенности от народа, входя в безвыходное положение нашей единоплеменницы девицы Фузы Шакмановой, определенной в малолетстве по желанию родителей и народа в заведение св. Нины и окончившей в оном курсе в 1873 году, ныне оставшейся сиротою без всяких средств к жизни», получила продление ежегодного пособия в 300 руб. «впредь до выхода ее в замужество»³⁸. Наряду с этим, в счет средств общественной суммы в 1869 г. у потомков полковника Атажуко Атажукина «был приобретен с разрешения наместника Кавказского... участок весьма ценной земли «Атажукинский сад» близ слободы Нальчик»³⁹.

Первым предназначением регулярных сборов доверенных кабардинских и балкарских обществ стали выборы окружных и участковых судей. Регламент реализации этих функций со временем менялся, поэтому рассмотрим регламентирующие их документы более подробно.

Инструкция 1860 г., определявшая порядок избрания, впервые устанавливала официальный регламент взаимодействия аульного и окружного самоуправления. Согласно документу, «члены народных окружных и участковых судов и кандидаты их а также кадий должны состоящие заседать в этих судах должны быть избираемы на один год». Ежегодные выборы могли переизбирать прежних судей, «если избиратели находят его достойным». Далее определялись основные задачи сборов доверенных и условия избирательных процедур: «Они избираются народом следующим порядком: каждый аул назначает двух или трех доверенных лиц, которые в определенннй день собираются к участковому начальнику и в присутствии его избирают не менее двух лиц, долженствующих занимать должность кадия, депутата и кандидата. В число этих лиц могут быть избираемы кадий, депутаты и кандидаты, носящие это звание... выбор этот утверждается подписью или рукоприкладством участкового начальника... участковый начальник, представляет выборный лист за подписью всех избирателей и за своим засвидетельствованием ко мне для окончательного выбора... право быть избирателем и избираемым предоставляются всем совершеннолетним мужского пола, т.е. достигшим 18 летнего возраста... не могут быть ни избирателями, не избираемыми люди, известные дурным поведением и вредным образом мысли»⁴⁰.

В ноябре 1863 г. в порядок выборов доверенных для избрания участковых и окружных судей были внесены изменения. В соответствии с ним начальник Кабардинского округа распорядился начальникам участков, чтобы каждое сельское общество направило «от себя до-

веренных в следующем числе: аулы менее 50 дворов должны выбрать аульного владельца (где таковые есть), и одного старика, от 50 от 50 до 100 дворов аульного владельца и 2-х стариков и от 100 и более дворов аульного владельца и 3-х стариков... назначенные таким образом доверенные от каждого аула должны иметь от общества письменное удостоверение за подписом аульного муллы, в том, что они действительно назначены избирателями, и собраться к Вам непременно 15-го числа сего месяца... выбор членов окружного и участковых народных судов и кандидатов их произвести на точном основании правил, изложенных в §52 инструкции для окружных начальников 1860 г. ... по окончании выборов, выборные списки, за общим подписом избирателей, с засвидетельствованием Вашим представить ко мне на утверждение⁴¹.

С началом реализации земельных, административных и сословных преобразований в Кабардинском округе сборы доверенных стали созываться коронной администрацией для совещания с кабардинскими и балкарскими представителями с целью согласования условий проведения реформ.

По описанию Г. Баева, «в 1863 г. сословнопоземельная комиссия, руководимая граф. Лорис-Меликовым, для решения земельного вопроса созвала в слоб. Налчик представителей всех сословий и аулов Кабарды на собрание, где после жарких прений был составлен знаменитый акт за подписью всех представителей народа»⁴². Акт 20 августа 1863 г., положивший начало земельной реформе в Кабарде, подписали, как сказано в документе, «кабардинские князья, уздени, вольные люди и черный народ, доверенные от наших аулов, приглашенные ... для обсуждения общественных наших дел»⁴³. Этот документ положил юридическое начало земельной реформе в Кабардинском округе. Характеризуя это событие, Ф.А. Щербина положительно оценивал опыт привлечения народных представителей к решению ключевых вопросов местного землепользования: «Для лучшего уяснения поземельных прав каждого сословия правительство ... приняло в 1863 г. в высшей степени справедливую и практическую меру, обратившись к народным уполномоченным. В этом году народные уполномоченные от каждого аула и от всех сословий Большой Кабарды, собранные в укреплении Налчик Терской сословно-поземельной комиссией, актом за общей подписью заявили, «что земли Кабарды составляют достояние целого народа и что они и на будущее время желают пользоваться ими на общинном праве владения»⁴⁴.

В сентябре 1866 г. при выработке положений крестьянской реформы в Нальчике был организован «общий сбор народа» в лице его представителей «по 2 человека от каждого аула уполномоченных» – по одному представителю владельцев и зависимых сословий⁴⁵.

Одно из первых нормативных решений народного сбора было принято 2 августа 1861 г. В приговоре говорилось, что «доверенные от селений Большой и Малой Кабарды и пяти горских обществ, собравшись общественным сходом для обсуждения вопроса о мерах к прекращению ското- и конокрадства», признав, что «существующие способы борьбы с кражами оказываются недостаточными», постановили «необходимым предоставить обществу право ссылать без возврата по общественным приговорам всех, кого признает общество порочными, без предоставления ... доказательства виновности ссылаемого, так как требование доказательств виновности ведет лишь к полной безнаказанности воров, а ожидать пристрастного, несправедливого приговора о ссылке от общества никак нельзя, одних или с семействами, как найдет более удобным само общество, причем все расходы по высылке их относятся на счет казны, если только у самого ссылаемого нет своего собственного отдельного имущества»⁴⁶.

Установление более суровых общественных санкций решением общественных представителей не было явлением, типичным только для Кабардинского округа. С конца 1850-х гг. сборы доверенных стали заметным явлением в общественной жизни Терской области.

В 1859 г. состоялся «общий величайший народный сбор» туземцев военно-осетинского округа: «на этом племенном вече осетин с общего согласия (маслагата) признано было полезным и необходимым сделать некоторые изменения в существовавших до того времени обычаях, оказавшихся особенно вредными. Они были на собрании заменены новыми обычаями, одобренными народом; тут же, на собрании, были установлены меры для наблюдения за исполнением и действием адатов»⁴⁷. Это сбор был организован начальником Военно-Осетинского округа М. Кундуховым, и, по мнению Е.И. Кобахидзе, с него началась практика созыва общинных сходов, получившей широкое распространение в пореформенные десятилетия при проведении в жизнь заведомо непопулярных административных решений⁴⁸. Материалы осетинского съезда 1859 г. были опубликованы В.Б. Пфаффом⁴⁹ и Ф.И. Леонтовичем⁵⁰, а их влияние на развитие правовой культуры осетин было проанализировано С.А. Штырковым. Он отмечает, что постановления народного сбора об ограничениях разорительных поминальных и брачных

обычаев инициировали общественную дискуссию, которая объединяла усилия окружных властей и сельской администрации по решению этой проблемы⁵¹.

Видный осетинский общественный деятель Г. Баев положительно оценивал регулярные съезды доверенных «в памятное для осетин управление их Округом полковн. А. Фр. Эглау, с 1863 по 1874 г.»⁵². В 1901 г. К. Хетагуров приветствовал известие о начале работы в слободе Алагир совещания «представителей осетин Владикавказского округа о нуждах населения», на котором было принято решение ежегодно проводить собрания народных представителей в селении Ардон⁵³. Е. Максимов и Г. Вертепов писали о съезде доверенных ингушского народа в 1879 г., установившем новые нормы калыма и условия оформления брачных отношений. Из-за их неэффективности в деле предотвращения насильственного увоза девиц, потребовались новые сборы в 1887 и 1890 гг.⁵⁴ Обобщая опыт съездов доверенных у народов Терской области, А. Цаликов писал: «В первое время после покорения Кавказа русская администрация для проведения тех или других реформ прибегала к содействию самих туземцев, собирая представителей горских племен на большие народные собрания. Такие всенародные общественные собрания функционировали у чеченцев, ингушей, осетин, кабардинцев, карачаевцев и др., принося значительную пользу населению как зачатки широкой общественной самодеятельности. Правда, благотворные результаты собраний парализовались отчасти стремлением администрации использовать их в своих видах; но все же они функционировали довольно правильно, а некоторые из них, казавшиеся особенно благонадежными, были даже в законодательном порядке регламентированы (например, кабардинские народные сборы). Но, когда на собраниях стали выплывать злоупотребления низшей администрации, когда сложилась горская интеллигенция и пробудилась общественная мысль, когда собрания задались целью сосредоточить в своих руках целые стороны хозяйственной жизни и, прибегая к самообложению, пополнить недостаток земских учреждений, тогда администрация сначала стала неохотно созывать собрания, а затем и совершенно перестала созывать их. В основу управления был положен бюрократический централизм со своим неизменным спутником – бюрократическим произволом»⁵⁵. Однако обобщения социал-демократа А. Цаликова едва ли способны объективно отразить всю полноту картины деятельности съездов доверенных и тем более их специфику в различных округах Терской области. Категоричность этого мнения в немалой степени опровергалась

общественной деятельностью Владикавказского градоначальника в 1902–1907 гг. и до 1917 г. гласного городской думы Гаппо Баева.

В ходатайствах Г. Баева с проектами учреждения земств в Терской области деятельность съездов доверенных являлась одним из главных аргументов, а опыт Кабарды – самым показательным примером готовности горцев к введению общероссийских представительных форм местного самоуправления. В 1901 г. он отмечал, что «в Кабарде собрания выборных до настоящего времени сохранились во всей своей силе. Важнейшие вопросы местного благоустройства были решены этими народными сборами» и они лишь нуждаются «в более правильной организации и законодательной санкции, ибо оно существует по милости обычая и административного благоусмотрения, но не на прочном фундаменте закона»⁵⁶. Однако земские проекты, поддержанные Кавказским наместником И.И. Воронцовым-Дашковым, так и не были реализованы⁵⁷.

В 1914 г. депутат IV Государственной думы М.А. Караулов, представлявший Терское казачье войско, вновь поднял вопрос о более широком распространении земских учреждений⁵⁸. Отстаивая свою позицию в областной газете, М.А. Караулов объяснял эту необходимость тем, что «остальная масса населения Терской области, за исключением, отчасти, кабардинцев, совершенно лишена общих распорядительных и исполнительных органов»⁵⁹. Эти усилия депутата вновь поддержал Г. Баев. Характеризуя взаимодействие съездов доверенных с общинным самоуправлением, он писал: «На почве этой всесословной сельской организации функционировали все время в горских округах съезды выборных от сельских обществ, которые облагали округа денежными сборами на чисто денежные нужды края, выбирали судей народные суды, издавали обязательные постановления по искоренению вредных обычаев и в деле борьбы с преступностью выбирали должностных лиц для народных окружных сумм, ревизионные комиссии уполномочивали общей доверенностью на ведение дел своих представителей. Постановления таких съездов выборных от сельских обществ целых округов утверждались местным и высшим начальством, а некоторые восходили на уважение к высшему правительству. Довольно полное оформление этого самоуправления получил пока Нальчикский-Кабардинский округ»⁶⁰.

Таким образом, сборы доверенных происходили у многих народов Терской области, однако на протяжении второй половины XIX – начала XX в. только у кабардинцев и балкарцев они остались регуляр-

но действующим институтом окружного самоуправления, результаты деятельности которого высоко оценивались современниками. В советской и современной научной литературе съезды доверенных изучены преимущественно на кабардинском материале, и лишь фрагментарное получили освещение в работах по пореформенной истории осетин, ингушей и чеченцев⁶¹.

2.3. Интеграционные функции съездов доверенных

С 1858 г. кабардинцы и балкарцы были объединены административным пространством Кабардинского округа⁶². Тем самым были созданы условия для нового этапа развития их совместного опыта поземельного, хозяйственного, политического и гуманитарно-культурного взаимодействия. Впоследствии сборы доверенных под председательством начальника округа собирались регулярно, не реже одного раза в год для избрания депутатов и кадия окружного суда, обсуждения проблем землепользования, местного благоустройства и просвещения, борьбы с воровством, а также многих других актуальных вопросов местной жизнедеятельности. С привлечением к совещаниям доверенных от горских (балкарских) обществ на съезде стали обсуждаться многие вопросы в сфере совместных интересов двух крупнейших этнических групп округа: поземельные, хозяйственные, административные и судебно-правовые. В этом процессе съезд доверенных выступал институтом, способствующим развитию разнообразных интеграционных связей, формировавшихся с включением Центрального Предкавказья в административно-политическую систему Российской империи.

В начале XX в. систему окружного самоуправления, или, по определению Г. Баева, организацию «земского управления Нальчикско-Кабардинского округа», представляла собой следующее: «Органом распорядительным является собрание доверенных от сельских обществ Большой и Малой Кабарды и 5-ти горских обществ, созываемое ежегодно весной и осенью для избрания народных судей, уполномоченных и доверенных для ведения отдельных отраслей земского хозяйства и казначея Кабардинской общественной суммы.

Приговора народных съездов утверждаются, смотря по важности их, Главнначальствующим или начальником Терской области в порядке надзора и законности, они доходят на уважение и утверждение и высшего правительства.

Ревизия общественных сумм и учет доверенных возложена на членов горского словесного суда. Исполнительными органами, заменяющими функции земских управ, являются – казначей кабардинской общественной суммы, лесничий кабардинского общественного лесничества и доверенных по заведыванию запасными землями. Ближайший надзор за деятельностью исполнительных органов и ведение всего делопроизводства возложены на начальника Нальчикского округа и окружное управление»⁶³.

О взаимодействии съездов доверенных с окружными властями публиковали материалы региональные газеты. В этих статьях содержались интересные сведения, раскрывающие содержательную часть работы доверенных и порядок обсуждения вопросов, зачастую представлявших большое общественное значение. Эти материалы также формировали новые представления широкой читательской аудитории региональной прессы о культуре общественного диалога кабардинцев и балкарцев, ассоциируя их развивающиеся практики самоуправления с общероссийскими земскими традициями. Примечательной информацией газетных сообщений были эмоциональные аспекты съездов доверенных – внутренние настроения и противоречия, которые проявлялись в ходе обсуждений. Они нередко принимали аффективную форму, пробуждая протестные высказывания и экспансивные решения, которые зачастую все же блокировались рассудительностью авторитетных лидеров. Разумеется, что все эти политико-культурные подробности практически всегда оставались вне формализованных официальных приговоров. Описываемые прессой процедурные порядки органичным образом сочетали традиционализм социальной и возрастной этикетности с пониманием и принятием новой административно-политической иерархии. Для того, чтобы полной мере проиллюстрировать атмосферу, царившую в дни проведения сборов в Нальчике, приведем несколько таких публикаций.

Владикавказская газета «Терек» в 1883 г. сообщала: «16 и 17 августа в Нальчике съехавшимися представителями туземного населения Нальчикского округа обсуждался вопрос относительно привлечения туземцев к отбыванию воинской повинности. Совещание открылось речью начальника округа г. Браккера, который коротко высказал, что по воле Государя, они, как равноправные подданные России, должны нести, наравне с другими и самую тяжкую из повинностей – повинность воинскую. Старейшие из кабардинцев просили позволить им ответить на следующий день, и затем все представители собрались на старом

бульваре и разделившись на группы, толковали до поздней ночи, и до полудня следующего дня, но, как и следовало ожидать, ни к какому общему решению не пришли. Много было говорено на сходе. Некоторые, говоря о своих поправных правах, положительно восставали против введения воинской повинности и поговаривали о переселении в Турцию; говорили и совершенно противное, т. е. что повинность эта не так страшна, как кажется; что требованию начальства должно подчиниться и спокойно оставаться дома. Это говорили большей частью те из кабардинцев, которые побывали в русской службе; этого же мнения придерживались почти все горцы. Куда девалась их апатия и равнодушие, какими отличались прежние срочные съезды, когда все вопросы решались несколькими заправилками. Серьезная озабоченность выражалась на этот раз на всех лицах; видно, что дело касается собственной кожи. Почти у всех представителей, конечно, есть свои собственные дети и другие близкие, которых воинская повинность должна коснуться, и потому вопрос этот для них – вопрос жизни и смерти. Не удалось также поэтому обычным заправилкам решить вопрос по своему; они получили такой отпор, что многие из них со стыдом должны были ретироваться. Ни на чем не порешив, отправились они держать свой ответ пред начальством округа, которому и объяснили, что воинская повинность всегда была для них страшным пугалом и поэтому, чтобы избавиться от нее, они готовы на всякие жертвы; что они до сего времени содержали на свой счет милицию и готовы еще прибавить на содержание её, а в случае войны – снарядить из себя, на свой счет полк. Г. Браккер, выслушав это, обещал принять все к сведению и что возможно сделать в интересах народа; затем совещания были закончены»⁶⁴.

В «Терских ведомостях» была опубликована статья о рассмотрении сбором доверенных 6 октября 1885 г. вопроса об учреждении окружной врачебной службы: «в 8 ч. утра зал местного клуба был наполнен доверенными от сельских обществ Большой и Малой Кабарды и пяти горских обществ Нальчикского округа. Собранный народ правильным полукругом теснился около большого стола, покрытого сукном; у стола, на скамьях и стульях сидели почетные старики и вели беседу, соблюдая строгий порядок. В 9 часов в собрание явился начальник округа и через переводчика предложил представителям очередные вопросы для решения, а сам оставил залу. По уходе его один из стариков поднялся и начал говорить по поводу предложенного вопроса. Когда он кончил, то сел на свое место и поднялся другой, третий – и таким образом обсуждение вопросов продолжалось до 3 часов дня.

Через день выяснились постановления съезда, в коем резко выдвинулось решение народа: избрать особого земского врача для туземного населения в округе. Насколько мне известно, это будет первый земский врач в Терской области и, судя по тому единодушно, с каким отнеслись к этому делу доверенные, нужно прийти к заключению, что кабардинцы вполне сознают важность вопроса и его неотложную потребность»⁶⁵.

В декабре 1902 г. «Терские ведомости» писали: «Предписанием областного правления на обсуждение доверенных от сельских обществ Большой и Малой Кабарды и горских обществ начальником округа были предложены вопросы о нуждах сельскохозяйственной промышленности в туземном населении. перечень содержал 15 вопросов, как, например, о распространении в туземной среде сельскохозяйственных знаний, о мерах против хищничества, о сельских базарах, о кустарных промыслах и проч. Доверенные высказали очень серьезное отношение к своей задаче. Обсудив каждый пункт в отдельности, они составили приговор о том, что ввиду сложности и важности вопросов они не в состоянии решить их в короткий срок и просят передать их в обсуждение выбранной ими комиссии. Комиссия предполагает ответить на эти вопросы в мае будущего года»⁶⁶.

Дополняя информацию о деятельности декабрьского съезда автор газеты «Каспий» сообщал, что по его итогам «доверенные высказывают сожаление о том, что сбор этот вышел несколько неудачным, так как, во-первых, на сборе не было начальника округа - бывший уехал, вновь назначенный не прибыл, и в сборе участвовал временно заведовавший округом; во 2-х, не было на сборе некоторых интеллигентных представителей населения, с которыми доверенные желали советоваться; в 3-х требовалось спешное решение вопросов и, в 4-х, населению, высланному доверенных, не были известны вопросы, предложенные на обсуждение областным правлением. Между тем, у населения были свои назревшие серьезные вопросы, которые доверенные имели ввиду возбудить на сборе, как, например, вопрос относительно замечаемого нового движения из Кабарды в Турцию, движения, являющегося периодически, мешающего населению заниматься спокойно своим делом и служащего главным тормозом в деле развития сельскохозяйственной промышленности среди туземного населения Северного Кавказа»⁶⁷.

Важно подчеркнуть, что съезды доверенных нельзя рассматривать как послушных исполнителей распоряжений кавказской администрации. Особенно, если вопрос касался распоряжения Кабардинским

общественным капиталом, общественные доверенные нередко демонстрировали последовательность в отстаивании окружных интересов. На декабрьском съезде 1902 г. доверенные отказались выделять средства общественной суммы на содержание склада сельскохозяйственных орудий во Владикавказе, но выделили деньги на основании такого же в Нальчике «для кабардинского и горского народа»⁶⁸. В декабре 1903 г. съезд отказался выделить 5000 руб. на постройку моста через р. Подкумок в районе Пятигорска «так как население наше в постройке этого моста не нуждается и не будет нуждаться до такой степени, как нуждается оно теперь в устройстве дорог и мостов по своему району»⁶⁹. В 1906 г. съезд доверенных не поддержал предложенное начальником Терской области учреждение в Нальчикском округе смешанных посреднических судов, расценив их «бесполезными и обременительными»⁷⁰.

Отличительной особенностью съезда доверенных являлось еще и то, что он не был организован по чисто административному принципу. В его работе не участвовали представители нескольких русских и казачьих общин округа. Наименование – Съезд доверенных сельских обществ Кабарды и пяти горских обществ, – отражало не административную принадлежность съезда, а этнический состав его представительства, выходящий за рамки существовавших в определенное время административные единицы. Например, в работе Съезда доверенных, принимали участие и представители Малой Кабарды, которая в 1888–1905 гг. входила в состав Сунженского отдела Терской области. Таким образом, съезд доверенных поддерживал и воспроизводство внутриэтнических интеграционных связей, прежде всего, основанных на общности поземельных интересов.

В 1888–1889 гг. и неоднократно на протяжении 1905–1912 гг. съездом доверенных обсуждались различные варианты правил пользования Зольскими и Нагорными пастбищами. Интересно, что выработка регламента пастбищного землепользования представляла собой многоступенчатый процесс. В сентябре 1909 г., за несколько недель до съезда доверенных, на котором предстояло обсудить новые правила пастбищного землепользования, в слободе Нальчик начальником округа в более узком составе из наиболее компетентных доверенных была созвана комиссия по разработке проекта, который затем поступил на рассмотрение доверенных сельских обществ⁷¹.

Земельные функции съезда доверенных предполагали согласование предоставления в пользование недр общественных земель для

разработки месторождений полезных ископаемых⁷², передачу в долгосрочную аренду лесных полей для скотоводов⁷³ и т.п. Съездом регламентировались и дополнительные поземельные функции, в частности, организация в октябре 1910 г. на средства кабардинской общественной суммы летучего отряда в 35 человек при окружном начальнике⁷⁴ для урегулирования конфликтных ситуаций на пастбищах.

В конце XIX – начале XX в. не только регламентация, но и регулирование поземельных отношений в Нальчикском округе входит в число направлений деятельности съезда доверенных. Его решения в основном касались землепользования предгорными угодьями, которые в документах рассматриваемого периода известны как кабардинские запасные пастбищные земли. Через распределение, пропорциональное количеству дворов, они находились в совместном пользовании кабардинских и балкарских обществ. Такое положение порождало определенные поземельные противоречия, в урегулировании которых съезд доверенных также играл определенную роль.

Непосредственно землераспределительные функции съезд доверенных делегировал специальным поземельным депутатам: четверем от кабардинцев и одному от балкарцев. Их обязанности предполагали разграничение общественных пастбищных и лесных угодий на местности. И хотя «действующие по выбору» поземельные депутаты не устраивали многих землепользователей, но окружная администрация старалась не вмешиваться в этот процесс, отклоняя большинство жалоб на их деятельность⁷⁵.

Но особенно острые дискуссии вызывало вовлечение пастбищных угодий в арендный оборот, что деструктивно влияло на организацию традиционного отгонного скотоводства. В некоторых случаях, при рассмотрении спорных вопросов совместного пастбищного пользования, доверенные от кабардинских сельских обществ проводили отдельные собрания. 27 июня 1887 г. доверенными Большой и Малой Кабарды был составлен приговор. В нем излагалось решение о том, чтобы «раз и навсегда воспретить сельским обществам отдавать свои земельные наделы в аренду горцам под пастьбу и вообще на другие надобности, ибо земли эти крайне необходимы для самих кабардинцев и если отдают их в аренду горцам, то не по желанию общества, а их отдельными лицами из корыстных личных интересов»⁷⁶. 21 декабря 1887 г. это решение было подтверждено с добавлением, что за неисполнение ... каким-либо обществом сего приговора таковое беспрекословно должно уплатить в Кабардинскую общественную сумму штраф 500 руб.»⁷⁷.

Важно отметить, что эти постановления касались только кабардинских землепользователей, а доверенные горских обществ не участвовали в принятии приговора.

В конце XIX – начале XX в. одной из главных проблем пастбищного землепользования становится аренда и, особенно, субаренда, которую практиковали многие предприимчивые кабардинцы и балкарцы⁷⁸. Отдельные лица заключали соглашение с обществом, иногда даже предоставляя фиктивные свидетельства, что скот, который находится на арендованных участках, их собственный. На самом деле движимое имущество отчасти или даже полностью принадлежало третьей стороне. Нередко таким образом лучшие пастбища для коневодства попадали в пользование овцеводов и в короткое время приходили в негодность. При этом доход, получаемый земельным спекулянтom, в несколько раз превышал ренту, выплаченную им обществу⁷⁹. Вместе с тем посредством субаренды удавалось извлекать выгоду даже с неудобных земель. Их арендовали карачаевцы и жители горских обществ, вынужденные довольствоваться любыми пастбищами за недостатком собственных⁸⁰.

В декабре 1903 г. предписанием управления Нальчикского округа было установлено, чтобы каждая группа кабардинских селений и горские общества «определили по своим приговорам... поголовную плату со скота и лошадей за пользование пастбищами, а остающиеся за удовлетворением жителей каждой группы и горских обществ, свободными пастбищами обязательно сдавались бы коневодам из других групп кабардинцев и горских обществ за установленную в каждой группе поголовную плату»⁸¹. Это постановление повторяло норму Правил 1890 г.⁸² Но и после того, как запрет был продублирован Правилами 1907 г., субарендный оборот пастбищ не удалось прекратить.

Как отмечалось в представлении начальника первого участка Нальчикского округа, «коннозаводчики, при таких условиях не получая в своих обществах удобных пастбищ, вынуждены... арендовать для себя пастбища более удобные», расходуя на эти цели до 10 тыс. рублей. Правила пастбищного землепользования 1905, 1907 и особенно 1912 гг., как принято считать, составленные при лobbировании коневодов, должны были гарантировать им напрямую без посредников аренду лучшей пастбищной части на Золке. Но одновременно это нововведение на нормативном уровне разрушало традиционный порядок, основанный на принципах общедоступности пастбищных угодий для всех нуждающихся скотоводов и коневодов. Это обстоятельство

стало одной из основных причин Зольского восстания 1913 г. Этот социальный протест оказался внутренним конфликтом в кабардинском обществе, вызванным столкновением интересов аграрных предпринимателей (в коневодстве, скотоводстве и рыночном обороте земли) с приверженцами традиционной модели землепользования. Показательно, что съезд доверенных, разработавший новые правила, вызвал недовольство остальной массы, по существу, и избиравшей ежегодно тех самых доверенных. Тем самым Зольское восстание продемонстрировало глубокое недоверие доверенным, что столь явно произошло впервые в деятельности этого института.

Нам не удалось обнаружить каких-либо решений съезда доверенных, касающихся регулирования поземельных отношений в балкарских обществах Нальчикского округа. Но в отдельных случаях администрация прибегала к корректировке решений съезда доверенных, принимая во внимание специфику землевладения и землепользования балкарцев. В январе 1909 г. решением начальника Терской области был изменен состав депутатов временного отделения Нальчикского горского словесного суда, в котором рассматривались дела жителей горских обществ Нальчикского округа. Избранный съездом доверенных в состав суда хаджи Д. Этезов был заменен таубием Д. Балкароковым. Это было сделано после удовлетворения прошения таубиев пяти горских обществ, в котором говорилось, что «за все время существования временного отделения Горского суда ежегодно горскими обществами избиралось для присутствия в заседаниях его один депутат из таубиев, а другой из простого сословия, избранные же Муллаев и Этезов оба простого сословия, и таубии остаются в суде без представителя, тогда как большинство дел, разбираемых в отделении суда, составляют споры из-за права пользования землею между таубиями с одной стороны и простым народом с другой. Ввиду обостренности в сильной степени в нагорной полосе в данное время земельного вопроса присутствие в отделении суда представителей обеих сторон является необходимым»⁸³.

Таким образом, Съезд доверенных сельских обществ Большой и Малой Кабарды и Пяти горских обществ, наряду с широким кругом вопросов местного благоустройства осуществлял целый ряд регламентирующих и регулирующих поземельных функций. Через эту деятельность были реализованы соционормативные механизмы по адаптации системы землепользования кабардинцев и балкарцев к новым социально-экономическим условиям. Решениями съезда доверенных предпринимались попытки сглаживания наиболее острых противоречий между

традициями и новациями в поземельных отношениях. Вместе с тем, возможности этого института, как в принятии решений, так и в обеспечении их исполнения, были достаточно ограничены, что не позволило полностью избежать обострения пастбищного вопроса в начале XX в.

Стипендии, предоставляемые из Кабардинской общественной суммы решением съезда доверенных, обеспечивали многим кабардинцам и балкарцам возможность обучаться за пределами округа. В 1870–80-х гг. получателями стипендий были М. Абаев⁸⁴, Э. Кудашев⁸⁵ и др. Новые возможности по целевой поддержке образования открылись в 1889 г.

Памятным событием в Нальчикском округе стало закрепление в совместном пользовании за Кабардой и балкарскими обществами Зольских и Нагорных пастбищ. Решение было принято Александром III 21 мая 1889 г. Впоследствии эта дата была объявлена праздничным днем⁸⁶. Как отмечалось в телеграмме кавказского главнокомандующего А.М. Дондукова-Корсакова, «вслед за объявлением совершено было мусульманским духовенством торжественное молебствие о здравии и долголетье всемилодивейшего монарха и всего царствующего дома». Также, «желая увековечить день столь благоприятно разрешившегося для них поземельного вопроса, заявили, что они определили ежегодно, 21 мая, в день состоявшегося высочайшего соизволения, совершать торжественные молебствия во всех аульных мечетях»⁸⁷. Съезд доверенных 24 июня 1889 г. в ознаменование этого события установил «особый сбор» в 6100 руб. Из него были учреждены следующие ежегодные расходы: «на содержание проектируемого училища в память дарования кабардинцам запасных земель – 6100 р., на четыре стипендии в средних и высших училищах имени Их Величеств – 1200 р., 4) на стипендию имени кн. Дондукова-Корсакова – 450 р.; на призы на скачках, устраиваемых ежегодно в день дарования запасных земель (21 мая) в Нальчике – 400 р., на стипендию – имени гр. Лорис-Меликова – 450 р.»⁸⁸ В конце XIX – начале XX в. среди стипендиатов Кабардинской общественной суммы были А. Джабоев⁸⁹, Б. Шогенов⁹⁰, М.-Г. Шипшев⁹¹, К. Шипшев⁹², Х. Чежоков⁹³, Т. Шакманов⁹⁴, М. Муллаев⁹⁵ и другие видные общественные деятели кабардинцев и балкарцев.

В 1891 г. князю А.М. Дондукову-Корсакову, содействовавшему принятию «высочайшего согласия», по инициативе Съезда доверенных предлагалось присвоить звание «почетного представителя кабардинского народа»⁹⁶. Однако это ходатайство не было поддержано военным министром.

Благодаря ассигнованиям Съездов доверенных поддерживался «столичный» облик Нальчикской слободы, развивалась его социокультурная инфраструктура. На средства Кабардинской общественной суммы ремонтировались «кабардинские общественные здания» Окружного управления, Горского словесного суда и Нальчикской горской школы, был сооружен первый в округе общественный приемный покой. К 300-летию воцарения династии Романовых в 1913 г. было торжественно открыто построенное на средства Кабардинской общественной суммы здание Реального училища им. Александра III, в актовом зале которого стали проводиться заседания Съездов доверенных. На внеочередном заседании 24 июля 1914 г. от имени кабардинского и балкарского народов было принято решение «за счет населения» сформировать из добровольцев четырехсотенный Кабардинский конный полк для участия в боевых действиях в составе российской армии. Это положило начало формированию легендарной «Кавказской туземной конной дивизии». Новое, наиболее представительное здание стало ключевым пространством в слободе, концентрирующим самые значимые события в жизни округа: от празднования 300-летия дома Романовых, к которому было приурочено открытие здания, до провозглашения политических изменений после Февральской революции 1917 г.

Таким образом, в деятельности Съездов доверенных сельских обществ Большой и Малой Кабарды и Пяти горских обществ продолжали развиваться новые формы поземельной, хозяйственной, административной и судебно-правовой интеграции, которые оказали существенное влияние на социокультурное развитие кабардинцев и балкарцев. Съезд доверенных выступал важнейшим институтом, интегрировавшим усилия передовых представителей кабардинского и балкарского общества по решению разнообразных вопросов в поземельных и хозяйственных отношениях, местном благоустройстве и просвещении, а также усвоению новаций общероссийской политической культуры. Самыми активными носителями этой культуры становятся наиболее включенные в систему общественно-политических связей представители национальной интеллигенции и местных административных структур.

Результаты деятельности кабардинских и балкарских доверенных имели существенное влияние на совместное развитие двух народов в рамках единого административного пространства. Съезд доверенных стал особенным опытом интеграции как в административную систему Российской империи на Северном Кавказе, так и локальной интеграции самоуправления в рамках Нальчикского округа, в рамках которой

впервые кабардинцы и балкарцы через своих доверенных представителей получили возможность взаимодействовать по многим ключевым вопросам социально-экономической жизнедеятельности. Сложившийся опыт сыграл немаловажную роль в социально-политической истории края после 1917 г.

2.4. Проблемы трансформации окружного самоуправления в Нальчикском округе в начале XX в.

Несмотря на широкое разнообразие направлений деятельности съездов доверенных какого-либо Положения, регламентирующего порядок их функционирования, не существовало. Их деятельность осуществлялась в рамках множества разрозненных административных распоряжений, которые зачастую появлялись ситуативно. Поэтому одной из главных задач развития окружного самоуправления для кабардинских и балкарских общественных деятелей виделась систематизация и конкретизация регламента съездов доверенных.

В 1896 г. в «Памятной записке о современном состоянии горского населения Терской области» генерал-лейтенант в отставке Т. Шипшев писал: «мы, кабардинцы, по общественно-земским делам собираемся ежегодно раз или два в году под председательством начальника округа, каковым правом не пользуются другие наши соседи – осетины, ингуши и чеченцы»⁹⁷. Осетинский общественный деятель К. Хетагуров, знакомый с Т. Шипшевым и его запиской⁹⁸, писал, что «кабардинцам, не в пример другим народностям Кавказа, разрешено прислать в Нальчик своих доверенных для обсуждения под председательством начальника округа общественных дел и нужд»⁹⁹.

Революционные события 1905 г. внесли оптимистические коррективы в эти планы, связанные с надеждой либерализации местного самоуправления. Не удивительно, что в начале XX в. пример регулярной деятельности съездов доверенных в Нальчикском округе стал одним из аргументов в продвижении проекта введения земств у народов Терской области¹⁰⁰. Т. Шипшев вновь инициировал ходатайства, в которых наряду с прочим упоминалось о расширении полномочий съездов доверенных. К этой деятельности он привлекал и своего племянника, первого среди кабардинцев дипломированного юриста, М.-Г. Шипшева. Еще до Манифеста 17 октября представителями округа был заявлен проект

общественных преобразований. Некоторые положения памятной записки, поданной наместнику на Кавказе И.И. Воронцову-Дашкову 29 августа 1905 г. в Кисловодске делегацией во главе с генерал-лейтенантом Т. Шипшевым, напрямую относились к ведению съездов доверенных. Это предложения «предоставить кабардинскому народу право самому устанавливать порядок пользования Высочайше пожалованною общественною пастбищною Горною и Зольскою землею и лесом, принять из рук администрации кабардинскую общественную сумму для создания кабардинского банка с сельскохозяйственным складом... предоставить кабардинскому народу право собираться по мере необходимости: а) не один раз в год, б) приглашать для обсуждения дел почетных стариков и сведущих лиц, в) обсуждать все вопросы, предлагаемые самим обществом»¹⁰¹.

Предложения кабардинских доверенных были значительно умереннее, чем, например, требования петиции осетин начальнику Терской области, а затем «13 пунктов» – обращения Наместнику Кавказа 20 июня 1905 г. В них заявлялось о необходимости немедленной реализации обширного перечня реформ, в том числе предоставления широких гражданских свобод, общенародного представительства на основе всеобщего избирательного права, выборности местной администрации и т.д.¹⁰² Тем не менее, о каких-либо практических последствиях общественных ходатайств ничего не известно. Кавказская администрация принимала обращения, но не давала им никакого движения. Поэтому так и осталось не вынесенным на обсуждение съезда доверенных общественное обращение, подготовленное М.-Г. Шипшевым: «Мы, кабардинцы и горцы, собравшись общественным сходом в слободу Нальчик 23 декабря 1905 г., требуем немедленного осуществления начал, возвещённых Манифестом 17 октября 1905 г., а также требуем прав послать ввиду исключительных исторических национальных и бытовых условий жизни кабардинского и горского народа, своего депутата в Государственную думу»¹⁰³. Негативных последствий для авторов этого документа удалось избежать, возможно, только в силу стихийно вспыхнувших в Нальчике 26–28 декабря 1905 г. волнений, обусловленных беспомощностью окружных властей в деле поддержания общественного порядка¹⁰⁴.

Интересно сравнить содержание неудавшегося обращения кабардинцев и балкарцев с текстом телеграммы председателю совета министров С.Ю. Витте, отправленной съездом осетинского народа 26 ноября 1905 г.: «Съезд осетин в ауле Ардон, обсудив 22 ноября совре-

менное тяжелое положение страны, постановил довести до сведения Вашего сиятельства, что страна, возмущенная вековым произволом и бесправием и поднявшаяся для защиты своих кровных интересов, может успокоиться лишь при неотложном проведении в жизнь начал манифеста 17 октября, немедленном созыве учредительного собрания на началах всеобщего голосования и при полной амнистии политическим страдальцам. Мы требуем для Кавказа широкого местного самоуправления для каждой народности, немедленного снятия военного положения в Чечне, немедленного обновления состава администрации, возвращения родных земель, отчужденных казаками, и лесов, отмены всех исключительных для Кавказа мероприятий»¹⁰⁵. Очевидно, что революционные события пробудили политическую активность кавказских народов, продемонстрировав, что у их лидеров сложилась достаточно развитая политическая культура, сочетающая не только либеральные ценности, но и представления о политических средствах обеспечения национального политического, экономического и культурного развития.

Однако такая активность признавалась окружными властями неприемлемой. В октябре 1905 г. по поводу очередной «Памятной записки», поданной Т. Шипшевым Кавказскому наместнику И. Воронцову-Дашкову, начальник Нальчикского округа М. Страхов докладывал: «я не могу согласиться с изменением хотя бы в чем-либо этих сборов доверенных. Заверить могу Ваше Превосходительство, что жалобщик, возбудивший эти вопросы, давно потерял доверие народа своего и потому домогается всякими нелегальными путями играть какую-либо роль.

Возбуждать эти вопросы в Кабарде я считаю не только излишним, но и вредным. При даровании Кабарде права собираться когда угодно, где угодно и обсуждать какие угодно вопросы, – какую же роль отведут администрации, ответственному однако за все малейшее органу.

Если до настоящего времени Кабарда относительно спокойна, то это благодаря хотя какому-либо престижу администрации и ее неусыпной бдительности ко всякому пустяку, ко всякой мелочи. Отнимите это и я не поручусь, что любой из этих рагаев, якобы за благо своего народа, поднимет этот народ и поставит его под зеленое знамя пророка. Кто же тогда будет ответственным, когда у администрации будут отняты все способы следить за агитаторами и наоборот будет им дано право проводить свои идеи так как они пожелают.

Во благо этого лучшего из туземцев на Северном Кавказе народа и на пользу общего дела, весьма ходатайствую пред Вашим Превосходи-

тельством, сделать соответствующее представление Его Сиятельству Наместнику на Кавказе и не допустить до деморализации народа из-за фантазии и уязвленного самолюбия одного из наиболее ненадежных и всегда не прочных кабардинцев, которого успокоить не может ни нажитое состояние, ни солидные чины, приобретенные на русской службе.

Если желательно спокойствие края, то пусть не нарушают прав и не умаляют значения русского чиновника. Уничтожив, умалив и то и другое, нельзя требовать порядка, а надо подчиниться нелепым соискательствам даже единичных агитаторов.

Отставной генерал Шипшев дошел даже до того, что собирал у себя, по циркулярным повесткам представителей всей Кабарды, якобы для обсуждения вопросов о плодовых бычках, подаренных графом Наместником кабардинскому народу. Я, конечно, этого безобразия не допустил, ибо допусти я это сегодня по поводу подарка, завтра они будут собраны под знамя пророка, как мусульмане, исконные враги христиан, а ответственным буду я. Отвечать же за это я не хочу не потому только, что я начальник округа, но и потому, что я русский и верноподданный Государя моего, и, следовательно, как стоящий близко к делу, обязан сказать так, как это и делаю»¹⁰⁶. В 1908 г. ввиду смерти Т. Шипшева его обращение было оставлено без последствий¹⁰⁷.

Дальнейшими предложениями по оптимизации деятельности съездов доверенных стало заявление М.-Г. Шипшева начальнику Нальчикского округа в 1907 г. В нем он представил предложения о необходимости ведения протоколов, а не только оформления приговоров, а также о созыве не менее двух съездов ежегодно. Но самыми важными стали следующие идеи: «Необходимо признать право инициативы при возбуждении вопросов общественного характера за доверенными независимо от администрации во время самого сбора, т.к. при всем своем желании администрация не может всего знать и предвидеть, а доверенные не всегда имеют возможность заблаговременно подать начальнику округа соответствующее заявление. Да, этого требует сама логика: на каком основании ставить какие-либо рамки народу в делах, касающихся только его и никого другого?». Здесь же было предложено упразднить Нальчикский горский словесный суд и заменить общими судебномировыми учреждениями¹⁰⁸.

Однако по предложениям был дан отрицательный ответ. Начальник Нальчикского округа в Извещении М.-Г. Шипшеву ответил следующее: «По всем решённым съездом вопросам составляются приговоры за подписью доверенных и все составленные приговоры вносятся в

приговорную книгу и таковые приговоры по утверждению объявляются сельским обществам, следовательно в ведении, помимо этого, ещё какого-то обстоятельного протокола заседания сбора не встречается надобности, тем более, что на съезд доверенных, существующий в Кабарде для избрания депутатов в Горский словесный суд и решения некоторых чисто экономических вопросов в отношении пользования высочайше дарованными кабардинскому народу земли и кабардинского общественного капитала, нельзя смотреть как на официальное сословное собрание или представительное учреждение, которое вырабатывало бы порядок ведения своих дел»¹⁰⁹.

Таким образом, надежды на расширение полномочий съездов доверенных, связанные с революционными преобразованиями 1905–1907 гг., не оправдались. Съезды доверенных остались в рамках прежних административных распорядков, подконтрольных окружной и областной администрации. Показательно, что в проекте «Положения о заведывании кабардино-горским имуществом», подготовленном в 1916 г. бывшим юрисконсультом кабардинского народа Б. Шахановым¹¹⁰, по существу предпринималась попытка нормативной систематизации действовавшей практики съездов доверенных, с небольшими дополнениями. Однако «несвоевременность» даже таких нововведений вновь оставили вопрос упорядочения местного самоуправления в Нальчикском округе без последствий. Для реальных изменений требовались новые политические условия, сложившиеся в результате Февральской революции 1917 г.

Крах политической системы самодержавия в феврале 1917 г. создал вакуум власти в провинциях Российской империи. В экстремальных социально-политических условиях эволюционирующее местное самоуправление выступает механизмом стабилизации общественной ситуации. Выражая интересы локального социума, оно становится наиболее легитимным представителем интересов не только кабардинцев и балкарцев, но и многонационального населения Нальчикского округа, играя в региональной политической культуре особую роль.

Весной 1917 г. основой временного самоуправления в Терской области стали окружные съезды представителей населения, избравшиеся на сельских сходах¹¹¹. Окружные съезды, в свою очередь избирали представителей округов на областной съезд. В основе системы лежали принципы съездов доверенных. Басиат Шаханов, – активный участник Съездов доверенных Кабарды и пяти Горских обществ в начале XX в., и временный председатель Союза объединенных горцев Северного

Кавказа и Дагестана, созданного в марте 1917 г., в преддверии Первого съезда горских народов во Владикавказе, распорядился организовать избрание представителей горских народностей на окружных Съездах доверенных¹¹². Таким образом, в политической практике Б. Шаханова съезды доверенных вполне органично встраивались в формирующуюся систему буржуазно-республиканских постимперских административно-политических отношений.

Очевидно, что организация съездов доверенных в других округах Терской области в немалой степени опиралась на административно-политический опыт Нальчикского округа. 11 марта 1917 г. начальник Терской области полковник Михайлов сообщил о смещении Терским областным исполнительным гражданским комитетом подполковника С. Клишбиева, возглавлявшего Нальчикский округ с 1910 г. Комиссаром округа был назначен судебный следователь Гамид Чижоков¹¹³. Сбор доверенных Большой и Малой Кабарды и 5-ти горских обществ 27 марта 1917 г. организовал Окружной Гражданский исполнительный Комитет Нальчикского округа и избрал в этот Комитет своих делегатов в числе 8-ми человек. На заседании 28 марта под председательством Г. Чижокова с участием секретаря П. Коцева Окружной Комитет постановил: «представить пропорционально численности русского населения Нальчикского округа последнему в окружном Комитете 3 места: от слободы Нальчик одного делегата, местного Нальчикского гарнизона одного и от прочего русского населения округа одного делегата»¹¹⁴. В этих сведениях важны две особенности, не характерные для дореволюционных съездов доверенных, но проявившиеся в новых условиях. Во-первых, факт санкционирования доверенными кадровых назначений в окружной администрации. Во-вторых – привлечение доверенных от иногороднего, главным образом русского населения, тогда как все прежнее время съезд являлся собранием кабардинских и балкарских представителей.

Предписанием комиссара Нальчикского округа Терского областного исполнительного гражданского комитета от 22 марта 1917 г. за № 5284 было рекомендовано избрание доверенных на съезд 26 марта «закрытою баллотировкой по пяти человек от каждого общества»¹¹⁵. Выборы провозглашались «на основании прямого, тайного и равного избирательного права»¹¹⁶, под которым, однако, подразумевалось голосование глав домохозяйств. Избрание было альтернативным, чаще всего из 10 претендентов, и результаты голосования за и против каждого кандидата отражались в приговорах полных сельских сходов¹¹⁷.

На протяжении 1917 г. съезды доверенных собирались неоднократно и рассматривали различные социально-экономические и политические вопросы. 27 апреля 1917 г. был назначен съезд доверенных для избрания начальника округа, начальника участка и советников при начальнике округа (вероятнее всего так обозначали окружной совет)¹¹⁸. 18 сентября созывался съезд доверенных от балкарских обществ «для выбора должностных лиц от Горского населения»¹¹⁹. 30 сентября рассматривались традиционные вопросы финансирования судей и служащих Горского словесного суда, стипендий и пособий в средних учебных заведениях, «и других вопросов, могущих возникнуть на съезде доверенных»¹²⁰.

На съезд 28 декабря были вынесены вопросы землепользования, поддержания дисциплины в Кабардинском конном полку, организации народной милиции, «приглашении женщины врача для кабардинского и горского народов и др. вопросов»¹²¹.

Е.С. Тютюнина приводит интересные сведения о конкуренции альтернативных съездов доверенных, созывавшихся летом 1917 г. окружным Исполнительным комитетом – органом Временного правительства, и Нальчикским советом¹²². Политическое соперничество обострилось в связи с последствиями октябрьского переворота 1917 г. Характеризуя положение в Нальчикском округе в начале 1918 г., К.А. Чхеидзе писал: «Власть в Кабарде принадлежала комиссару округа Гамиду Чижокову и его управлению. Все оппозиционные элементы, нападавшие на власть, требовали съезда. Власть откладывала съезд, ссылаясь на неблагоприятное положение в области и округе»¹²³.

В феврале 1918 г. II Терский областной демократический съезд в Пятигорске признал власть Совета народных комиссаров. Нальчикский окружной исполнительный комитет отказался признавать это решение, заявив о приверженности Терско-Дагестанскому правительству. В ответ на это кабардинские и балкарские делегаты пятигорского съезда, возмущенные действиями окружной исполнительной власти, в ответной телеграмме провозгласили: «Считать членов окружного исполнительного комитета врагами народа и злостными клеветниками, полагая в ближайшее время созвать съезд доверенных, который потребует от окружного исполнительного комитета полного отчета, в уверенности, что ни один из членов его не избежит справедливого гнева и строгого народного суда»¹²⁴.

Этим съездом доверенных стало мероприятие, проведенное 18–23 марта 1918 г. и известное по источникам и в историографии под назва-

ниями Народный съезд, I съезд народов Нальчикского округа¹²⁵, или, согласно заголовку его протокола, Съезд представителей трудового народа Нальчикского округа¹²⁶. Санкционируя новую власть в Нальчикском округе в марте 1917 г., съезд доверенных в меняющейся политической ситуации февраля 1918 г. рассматривался в качестве законного механизма делигитимации власти Исполкома под руководством Г. Чижокова. При этом последнему отказывали в праве созыва съезда доверенных. Таким образом, при смене власти в округе сохранялся формат окружного органа самоуправления, созываемого изменившейся областной властью¹²⁷. На съезде было объявлено о сложении Г. Чижоковым своих полномочий¹²⁸. Процесс трансформации местной власти не был одномоментным, но неизменным в 1918 г., по сравнению с ситуацией 1917 г., оставалось санкционирование съездом доверенных назначения основных должностных лиц округа: комиссара, его помощника и секретаря. На переходный характер административно-политического устройства Нальчикского округа весной 1918 г. указывает и то, что до конца апреля штат участковых комиссариатов оставался неизменным, «до вынесения о них того или другого постановления окружным народным съездом», назначенным на 1 мая¹²⁹.

По заключению У.А. Улигова, в сложившейся политической системе высшая власть в округе принадлежала съезду народов, а между съездами – Нальчикскому окружному народному Совету. Съезд должен был созываться не менее двух раз в год. Тем не менее, только в 1918 г. он собирался 6 раз¹³⁰. Этот период стал временем драматического поиска новых форм политического самоопределения народов Нальчикского округа, о чем на примере кабардинцев писал В.Х. Кажаров¹³¹. Но особенно показательным является тот факт, что с установлением в 1919 г. в Нальчикском округе деникинской администрации деятельность съездов доверенных не прекращалась¹³².

Советские историки, конструируя приемлемую версию становления большевистской власти, обозначали это событие как первый народный съезд, провозгласивший советскую власть. На некорректность этой интерпретации справедливо указывал еще У.А. Улигов¹³³. Протокол Съезда в 1918 г. был издан отдельной брошюрой¹³⁴. В 1983 г. документ был включен в сборник материалов по истории установления советской власти в Кабардино-Балкарии¹³⁵. Однако при переиздании его содержание было неоднократно купировано, что иногда существенно искажало представление о характере происходивших событий. Например, в самом начале были пропущены сведения о первоначальном от-

клонении предложения Урусбиева разбить съезд на секции (вероятно, национальные) «для плодотворности работы»¹³⁶. Также была изъята информация, свидетельствующая о поддержке съездом идеи расширения шариатской юстиции, а также о присутствии духовенства в Президиуме. Например, в редакции советского сборника хаджи Махмуд Берсеков говорил на съезде: «Такого времени, как теперь, когда царит полная разруха, когда везде грабят и убивают, еще никогда не было. Далее оратор говорит, что кабардинцы, имея интеллигенцию и надеясь на нее, поставили ее у власти, но она не оправдала доверия, и разруха свирепствует по ее вине. Я предлагаю избрать комиссара соответствующего, который защищал бы интересы народа. Составить Народный Совет – тоже из хороших людей»¹³⁷. Текст оригинального протокола был следующим: «Такого времени как теперь, когда царит полная разруха, когда везде грабят и убивают еще не было **и что это происходит против шариата, а потому против таких негодных элементов нужно принять самые строгие меры, судить по шариату.** Далее оратор говорит, что кабардинцы, имея интеллигенцию и надеясь на нее поставили у власти, но они не оправдали доверие и разруха свирепствует по их вине. Я предлагаю избрать Комиссара соответствующего, который защищал бы интересы народа **и посадить около комиссара народного Кадия,** далее составить Народный Совет тоже самое из хороших людей»¹³⁸ (выделено нами. – Д.П.). И таких примеров можно было бы привести еще не мало.

Большое количество расхождений советского переиздания с оригиналом дает серьезные основания для новых интерпретаций особенностей мартовского 1918 г. народного съезда и первого провозглашения советской власти в Нальчикском округе.

Таким образом, в условиях, сложившихся в Нальчикском округе в результате Февральской революции 1917 г., съезды доверенных становятся ключевым политическим институтом в Нальчикском округе. В условиях соперничества различных общественно-политических сил за власть в Нальчикском округе, съезды доверенных проявили себя как важнейший механизм легитимации местной власти. Это позволяет рассматривать их как институт нарождающегося гражданского общества, заложивший традиции регионального парламентаризма. В определенной мере съезды доверенных определили предпосылки двухсубъектности Кабардино-Балкарии. В их деятельности сложился опыт совместной хозяйственной, административно-судебной и социокультурной жизнедеятельности, который сыграл значительную роль при последу-

ющем политико-правовом оформлении Кабардино-Балкарской советской государственности в форме автономной области.

Примечания

¹ *Калмыков Ж.А.* Некоторые общественно-политические органы управления Кабарды и Балкарии в пореформенный период // Из истории феодальной Кабарды и Балкарии. Нальчик, 1980. С. 106.

² *Кажаров В.Х.* Адыгская хаса: Из истории сословно-представительных учреждений феодальной Черкесии. Нальчик, 1992.

³ *Кажаров В.Х.* Адыгская хаса. С. 109–110.

⁴ *Калмыков Ж.А.* Установление русской администрации в Кабарде и Балкарии (конец XVIII – начале XX в.). Нальчик, 1995. С. 41–42.

⁵ *Калмыков Ж.А.* Некоторые общественно-политические органы управления Кабарды и Балкарии в пореформенный период. С. 119.

⁶ *Кажаров В.Х.* Историография и историческое сознание кабардинцев во второй половине XX – начале XXI в. Нальчик, 2012. С. 36–37.

⁷ *Кушхов Х.С.* Проблема преемственности хасы и съезда доверенных Большой и Малой Кабарды и Пяти горских обществ // Res Publica. Вып. 4. Нальчик, 2003. С. 22–23.

⁸ *Мамбетов Г.Х.* Традиционная культура кабардинцев и балкарцев. Нальчик, 1994. С. 125.

⁹ *Битова Е.Г.* Политико-административная интеграция Российской империи с ее северо-кавказской периферией в XIX в. // Сборник научных трудов молодых ученых КБГУ. Нальчик, 1998. С. 40; *Битова Е.Г.* Модернизирующие реформы на Северном Кавказе и местная политическая традиция: отторжение или адаптация // RES PUBLIKA. Вып. 1. 2000. С. 174.

¹⁰ Этюды о Балкарии: Урусбиевы, Мисост Абаев, Басиат Шаханов / Сост. Т.Ш. Биттирова. Нальчик, 2007. С. 141, 149, 154.

¹¹ *Муратова Е.Г.* Социально-политическая история Балкарии XVII – начала XX в. Нальчик, 2007. С. 124.

¹² *Кумыков Т.Х.* Общественная мысль и просвещение адыгов и балкар-карачаевцев в XIX – начале XX в. Нальчик, 2002. С. 276.

¹³ *Дышеков М.В.* К вопросу о роли традиционной элиты кабардинцев и балкарцев в местном самоуправлении (вторая половина XIX – начало XX вв.) // Вестник КБГУ. Вып. 12. Серия Гуманитарные науки. Нальчик, 2008. С. 65.

¹⁴ *Мачукаева Л.Ш.* Система управления Северным Кавказом в конце XIX – начале XX века (На материалах Терской области). Дис. ... канд. ист. наук. Москва, 2004. С. 107.

¹⁵ *Кузьминов П.А.* Социальные и административные формы взаимодействия России и народов Северного Кавказа в 50–60-х годах XIX в. // Народы

Северного Кавказа и Россия. Материалы Всероссийской научной конференции, к 450-летию союза и единения народов Кабардино-Балкарии, Адыгеи и Карачаево-Черкесии с Россией. Нальчик, 18 октября 2007 – 21 октября 2007 г. Нальчик, 2007. С. 172.

¹⁶ *Кушков Х.С.* Проблема преемственности Хасы и съезда доверенных ... С. 24.

¹⁷ Там же. С. 27.

¹⁸ *Азикова Ю.М.* Кабардинская хаса в XVI–XVIII вв. // Вопросы истории. 2009. № 8. С. 63–69.

¹⁹ *Кажаров В.Х.* Адыгская хаса. С. 102–104.

²⁰ *Абазов А.Х.* Народы Центрального Кавказа в судебной системе Российской империи в конце XVIII – начале XX в. Нальчик, 2016. С. 43–44.

²¹ *Кажаров В.Х.* Адыгская хаса. С. 53–56.

²² Там же. С. 80–86.

²³ Там же. С. 36–46, 72–74.

²⁴ УЦГА АС КБР. Ф. 23. Оп. 1. Д. 48. Т. 1. Л. 126 об.

²⁵ Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 467. Л. 21–23 об.

²⁶ Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 467. Л. 19 об.

²⁷ УЦГА АС КБР. Ф. 22. Оп. 1. Д. 154. Л. 1–1 об.

²⁸ Там же. Ф. 51. Оп. 1. Д. 7. Л. 26, 27, 30, 31, 33, 39 об., 42, 44 об., 45–45 об., 46, 48, 56, 57, 58, 59, 60, 61, 62, 63, 64, 65; Антология памятников права народов Кавказа. Т. 16. Завершение Кавказской войны и формирование юридического пространства Российской империи на Северном Кавказе. Ростов н/Д, 2014. С. 367, 379.

²⁹ Там же. Ф.И-23. Оп. 1. Д. 48. Т. 1. Л. 24.

³⁰ ЦГА РСО-А. Ф. 224. Оп. 1. Д. 145. Л. 5.

³¹ Территория и расселение кабардинцев и балкарцев в XVIII – начале XX в. Сост. Х.М. Думанов. Нальчик, 1992. С. 39–42.

³² УЦГА АС КБР. Ф. 23. Оп. 1. Д. 48. Т. 1. Л. 32.

³³ Там же. Ф. 16. Оп. 1. Д. 1712. Л. 2–2 об.

³⁴ Там же. Ф. 16. Оп. 1. Д. 1712. Л. 3–3 об.

³⁵ Там же. Ф. 2. Оп. 3. Д. 11. Т. 1. Л. 1–2 об., 67–69.

³⁶ *Баев Г.* Народный кредит в Терской области. Владикавказ, 1908. С. 31–32.

³⁷ *Черкесов И.* Не щадя средств на образование... // Горянка. 2009. № 40 (529).

³⁸ УЦГА АС КБР. Ф. 51. Оп. 1. Д. 7. Л. 50.

³⁹ ЦГА РСО-А. Ф. 224. Оп. 1. Д. 145. Л. 9.

⁴⁰ УЦГА АС КБР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 467. Л. 4 об. – 5.

⁴¹ Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 592. Л. 1–2 об.

⁴² Известия СОИГСИ. № 6 (45). 2011. С. 121–122.

⁴³ УЦГА АС КБР. Ф. 40. Оп. 1. Д. 4. Т. 1. Л. 13.

⁴⁴ Щербина Ф.А. Общинный быт и землевладение у кавказских горцев // Аграрные отношения у народов Северного Кавказа в российской политике XVIII – начала XX века. Архивные материалы и научные исследования. В 2-х тт. Сост. П.А. Кузьминов. Т. 1. Нальчик, 2006. С. 224.

⁴⁵ История Кабардино-Балкарии в трудах Г.А. Кокиева. Сб. статей и документов. Нальчик, 2005. С. 700–704.

⁴⁶ УЦГА АС КБР. Ф. 2. Оп. 3. Д. 28. Л. 2–3 об.

⁴⁷ Леонтович Ф.И. Адагы кавказских горцев. Одесса, 1882. Вып. 1. С. 20.

⁴⁸ Кобахидзе Е.И. «Нужны решительные административные меры...» // Известия СОИГСИ. 2012. № 7. С. 116.

⁴⁹ Пфафф В.Б. Народное право осетин // Сборник сведений о Кавказе. 1872. Т. II. С. 308–315.

⁵⁰ Леонтович Ф.И. Указ. соч. Вып. 2. С. 45–62.

⁵¹ Штырков С.А. Сельское сообщество. Обычай. Власти: историко-этнографические очерки осетинского общества периода модернизации // Северный Кавказ: Традиционное сельское сообщество – социальные роли, общественное мнение, властные отношения: Сборник статей / Отв. ред. С.А. Штырков. СПб.: Наука, 2007. 334 с. С. 237–292. С. 248.

⁵² Баев Г. О введении земского самоуправления в Терской области // Известия СОИГСИ. № 6 (45). 2011. С. 119.

⁵³ Хетагуров К. Народное совещание // Полное собрание сочинений в 5-ти томах. Владикавказ, 2000. Т. 4. С. 286–287.

⁵⁴ Максимов Е., Вертепов Г. Туземцы Северного Кавказа. Историко-статистические очерки. Вып. 1. Осетины, ингуши, кабардинцы. Владикавказ, 1892. С. 131–133.

⁵⁵ Цаликов А. Кавказ и Поволжье: очерки инородческой политики и культурно-хозяйственного быта. Москва, 1913. С. 74–75.

⁵⁶ Баев Г. О введении земского самоуправления в Терской области // Известия СОИГСИ. № 6 (45). 2011. С. 121.

⁵⁷ Мачукаева Л.Ш. Указ. соч. С. 106–110.

⁵⁸ Мартиросиан Г.К. Социально-экономические основы революционных движений на Тереке. Владикавказ, 1925. С. 24–25.

⁵⁹ Караулов М.А. Земство в Терской области // Терские Ведомости. 1914. № 17.

⁶⁰ ЦГА РСО-А. Ф. 224. Оп. 1. Д. 30. Л. 24–24 об.

⁶¹ Прасолов Д.Н. Съезд доверенных и проблемы местного самоуправления в Нальчикском округе: некоторые итоги изучения // Социально-политическое и культурное пространство Центрального и Северо-Западного Кавказа в XVI – начале XX в.: направления и динамика интеграционных процессов. Сборник научных статей по материалам региональной интернет-конференции. КБИГИ, Нальчик, 19–30 октября 2015 г. Нальчик, 2015. С. 186–197.

⁶² Века совместной истории: народы Кабардино-Балкарии в российском цивилизационном процессе (1557–1917 гг.). Нальчик, 2017. С. 297–299.

⁶³ ЦГА РСО-А. Ф. 224. Оп. 1. Д. 30. Л. 26 об. – 27.

⁶⁴ Терек. Владикавказ. 1883. 31 августа. № 103.

⁶⁵ Терские ведомости, 1885. № 88.

⁶⁶ Каспий. 1902. № 276.

⁶⁷ Близкий. Туземцы Северного Кавказа // Каспий. Баку. 1903. № 5. 6 января.

⁶⁸ ЦГА РСО-А. Ф. 11. Оп. 13. Д. 714. Л. 2.

⁶⁹ Там же. Ф. 11. Оп. 13. Д. 716. Л. 6.

⁷⁰ УЦГА АС КБР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1322. Л. 2–2 об.

⁷¹ Там же. Ф. 6. Оп. 2. Д. 27. Т. 1. Л. 118, 121.

⁷² Там же. Ф. 3. Оп. 1. Д. 190. Л. 17–17 об.

⁷³ *Щеголев А.И.* Крестьянское движение в Кабарде и Балкарии в годы столыпинской реакции и нового революционного подъема. Нальчик, 1962. С. 71.

⁷⁴ УЦГА АС КБР. Ф. 6. Оп. 1. Д. 727. Л. 3.

⁷⁵ *Крикунов В.П.* К истории социально-экономического развития Кабарды в период мировой империалистической войны // Ученые записки Кабардинского научно-исследовательского института. Т. 8. Нальчик, 1953. С. 42.

⁷⁶ УЦГА АС КБР. Ф. 6. Оп. 1. Д. 89. Л. 17.

⁷⁷ Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 89. Л. 111.

⁷⁸ Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 862. Л. 12.

⁷⁹ Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 608. Л. 18–18 об.

⁸⁰ Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 608. Л. 51 об. – 52.

⁸¹ Документы по истории Балкарии (конец XIX – начало XX в.). Нальчик, 1962. С. 103.

⁸² УЦГА АС КБР. Ф. 6. Оп. 1. Д. 741. Л. 29, 100.

⁸³ Там же. Ф. 6. Оп. 2. Д. 27. Т. 1. Л. 40–40 об.

⁸⁴ Карачаево-балкарские деятели культуры XIX – начала XX в. Избранное. Сост. Т.Ш. Битгировой. Нальчик, 1993. Т. 1. С. 148.

⁸⁵ ЦГА РСО-А. Ф. 12. Оп. 3. Д. 1284. Л. 4 об.

⁸⁶ Нальчик // Терские ведомости. 1889. 2 июля. № 53.

⁸⁷ Архив КБИГИ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 29. Л. 122.

⁸⁸ *Максимов Е., Вертепов Г.* Туземцы Северного Кавказа. Историко-статистические очерки. Вып. 1. Осетины, ингуши, кабардинцы. Владикавказ, 1892. С. 163.

⁸⁹ УЦГА АС КБР. Ф. 6. Оп. 1. Д. 197. Т. 1. Л. 21.

⁹⁰ Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 197. Т. 2. Л. 175.

⁹¹ ЦГА РСО-А. Ф. 12. Оп. 3. Д. 76.

⁹² УЦГА АС КБР. Ф. 6. Оп. 1. Д. 699. Т. 2. Л. 34–34 об.

⁹³ ЦГА РСО-А. Ф. 11. Оп. 13. Д. 818. Л. 14.

⁹⁴ УЦГА АС КБР. Ф. 6. Оп. 1. Д. 699. Т. 2. Л. 45.

⁹⁵ Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 699. Т. 2. Л. 47.

⁹⁶ *Шумков А.А.* «За все заботы о благе кабардинского народа». О несостоявшемся присвоении почетного звания князю А.М. Дондукову-Корсакову // Проблемы генеалогии и этнонимии народов Северного Кавказа. Материалы круглого стола памяти А.А. Максидова (г. Нальчик, 17 октября 2014 г.) Нальчик, 2015. С. 138–149.

⁹⁷ Антология памятников права народов Кавказа. Т. 16. Завершение Кавказской войны и формирование юридического пространства Российской империи на Северном Кавказе. Ростов н/Д, 2014. С. 552.

⁹⁸ *Цаллагов В.Н.* Публицистика Коста Хетагурова. Орджоникидзе, 1983. С. 145–146.

⁹⁹ *Хетагуров Х.* Горские штрафные суммы // Полное собрание сочинений в 5-ти томах. Владикавказ, 2000. Т. 4. С. 127–128.

¹⁰⁰ *Баев Г.* О введении земского самоуправления в Терской области // Кавказский вестник. Кн. XVI. 1901. № 4. С. 85–103.

¹⁰¹ УЦГА АС КБР. Ф. 6. Оп. 1. Д. 673. Т. 2. Л. 140–140 об.

¹⁰² Революция 1905–1907 годов на Тереке: Документы и материалы / Сост. А.К. Джанаев и др. Орджоникидзе, 1980. С. 89–91, 266.

¹⁰³ УЦГА АС КБР. Ф. 6. Оп. 1. Д. 673. Т. 2. Л. 141.

¹⁰⁴ *Горец Е.* История одного бунта // Северный Кавказ. Ставрополь, 1905. № 85.

¹⁰⁵ Революция 1905–1907 годов на Тереке. Документы и материалы. Т. 1. 1905 год. Орджоникидзе, 1980. Т. 1. С. 185.

¹⁰⁶ ЦГА РСО-А. Ф. 11. Оп. 13. Д. 804. Л. 5 об. – 6 об.

¹⁰⁷ Там же. Ф. 11. Оп. 18. Д. 804. Л. 8 об.

¹⁰⁸ УЦГА АС КБР. Ф. 6. Оп. 1. Д. 673. Т. 2. Л. 48–48 об.

¹⁰⁹ Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 673. Т. 2. Л. 52–52 об.

¹¹⁰ ЦГА РСО-А. Ф. 11. Оп. 13. Д. 1087. Л. 5, 6, 16, 17.

¹¹¹ *Мартиросиан Г.К.* История Ингушии. Материалы. Орджоникидзе, 1933. С. 188–189.

¹¹² Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана (1917–1918 гг.), Горская республика (1918–1920 гг.). Документы и материалы. Махачкала, 1994. С. 23.

¹¹³ УЦГА АС КБР. Ф. 37. Оп. 1. Д. 4. Т. 1. Л. 183.

¹¹⁴ Там же. Ф. 37. Оп. 1. Д. 4. Т. 1. Л. 176.

¹¹⁵ Там же. Ф.Р-1. Оп. 1. Д. 7. Л. 8.

¹¹⁶ Там же. Л. 15.

¹¹⁷ Там же. Л. 1–2. Л. 8 об., 10–10 об.

¹¹⁸ Там же. Л. 15, 17, 33.

¹¹⁹ Там же. Ф.Р-1. Оп. 1. Д. 9. Л. 54, 55, 59.

¹²⁰ Там же. Л. 62.

¹²¹ Там же. Л. 72–72 об.

¹²² *Тютюнина Е.С.* Нальчикский совет рабочих и солдатских депутатов 1917 г. // Краеведческая мозаика: Статьи. Документы. Фотографии. Нальчик, 2014. С. 31–34.

¹²³ *Чхеидзе К.А.* Генерал Заур-Бек Даутоков-Серебряков. Гражданская война в Кабарде. Нальчик, 2008. С. 38.

¹²⁴ Документы по истории борьбы за советскую власть и образования автономии Кабардино-Балкарии (1917–1922 гг.). Нальчик, 1983. С. 108.

¹²⁵ *Тютюнина Е.С.* Первый народный съезд // Краеведческая мозаика: Статьи. Документы. Фотографии. Нальчик, 2014. С. 150–153.

¹²⁶ Протокол заседания Съезда представителей трудового народа Нальчикского округа. Нальчик, 1918. // УЦГА АС КБР. Ф.Р-198. Оп. 1. Д. 1а. Л. 1.

¹²⁷ Документы по истории борьбы... С. 118.

¹²⁸ УЦГА АС КБР. Ф. 198. Оп. 1. Д. 1а. С. 15.

¹²⁹ Там же. Д. 3. Л. 15–15 об.

¹³⁰ *Улигов У.А.* Социалистическая революция и гражданская война в Кабарде и Балкарии и создание национальной государственности кабардинского и балкарского народов (1917–1937 гг.). Нальчик, 1979. С. 126.

¹³¹ *Боров А.Х., Думанов Х.М., Кажаров В.Х.* Современная государственность Кабардино-Балкарии: истоки, пути становления, проблемы. Нальчик, 1999. С. 40–48.

¹³² *Жанситов О.А.* Антибольшевистское движение и деникинский режим в Кабарде и Балкарии (1917–1920 гг.). Нальчик, 2009. С. 117–118.

¹³³ *Улигов У.А.* Указ. соч. С. 112–115.

¹³⁴ УЦГА АС КБР. Ф. 198. Оп. 1. Д. 1а.

¹³⁵ Документы... С. 120–129.

¹³⁶ УЦГА АС КБР. Ф. 198. Оп. 1. Д. 1а. Л. 2.

¹³⁷ Документы... С. 124.

¹³⁸ УЦГА АС КБР. Ф. 198. Оп. 1. Д. 1а. Л. 17–18.

Заключение

Одним из результатов включения кабардинцев и балкарцев в административно-политическое пространство Российской империи стало формирование у них во второй половине XIX – начале XX в. самобытной системы местного самоуправления. Она включала в себя институты управления сельских обществ и связанные с ними сборы (съезды) доверенных, которым делегировались полномочия обсуждать разнообразные вопросы окружной жизни. Специфика регионального самоуправления заключалась в объединении административным пространством двух разных народов с центром в Нальчике, который являлся преимущественно русскоязычной слободой. Тем самым сложность административной практики определялась необходимостью согласовывать средствами окружного самоуправления интересы различных этнических сообществ.

Первым имперским институтом общинного управления стали учрежденные в Кабарде в 1852 г. сельские старшины. Первоначально они действовали наряду с аульными владельцами, однако в структуре сельского самоуправления они наделялись официальными полномочиями и несли ответственность непосредственно перед царскими властями.

Главные аульные старшины возглавили новую для традиционной социальной структуры служебную иерархию, а после укрупнения селений, фактической ликвидации власти аульных владельцев и с официальным учреждением в 1868 г. аульного общественного управления стали полноценными главами общинной администрации. Несколько лет старшины избирались сельским сходом и утверждались начальником Терской области. С вводом в действие «Положения» 1871 г. сельское самоуправление было лишено этих полномочий. Лишь в 1906 г. право выбора было вновь возвращено сборам выборных лиц – десятидворных доверенных, которыми заменили в 1905 г. полные собрания домохозяев.

С конца 1850-х гг. ключевым институтом местного самоуправления был сельский сход, который делегировал полномочия выборным

должностным лицам общинного правления, доверенным и хозяйственным служащим. Сельские сходы составляли главы семей, располагавшиеся на первичном уровне местного самоуправления. Они осуществляли выбор должностных лиц сельского правления, занимавшего промежуточное положение между общинным собранием и старшиной. Помощники старшины, сельские казначеи, эфенди, общественные доверенные, писарь, глашатай, милиционеры и другие выполняли специальные управленческие функции, находясь в непосредственном подчинении старшины. Степень влияния сельского схода была неоднозначной, варьируясь от формального утверждения решений старшины до смещения сельских властей путем принятия консолидированных решений и ходатайств перед вышестоящими властями. Функции сельских сходов также включали регламентацию общинного землепользования и хозяйствования, распределение налоговых и общественных повинностей, санкционирование семейных разделов и урегулирование конфликтов между родителями и детьми.

Особое положение в общинной администрации занимали сельские судьи, которые формально были независимы от старшины и должностных лиц правления. Правовой базой их деятельности являлось обычное право, при разборе семейных и имущественных споров с участием эфенди допускалось применение мусульманского права – шариата. Возможности применения обычного права и норм шариата регламентировались административными инструкциями и «Положением о сельских (аульных) обществах Терской и Кубанской областей».

Помимо учрежденных российскими властями административных органов – правления, сельского схода и суда, в общинном самоуправлении продолжали функционировать некоторые традиционные институты. Общественные доверенные исполняли разнообразные представительские функции внутри общины и за ее пределами, выражая интересы жителей на заседаниях Нальчикского Горского словесного суда и во взаимоотношениях с участковыми, окружными и областными властями. Важную роль в общинном судопроизводстве играли посреднические (медиаторские) суды. Их прерогативы, в отличие от судов сельских, не ограничивались ни суммой иска, ни характером рассматриваемых дел. Предметами медиаторских разбирательств были земельные и имущественные споры, семейные и межсословные конфликты, личные оскорбления и непреднамеренные

убийства. Правовой базой судопроизводства являлись адаты и шариат, либо их комбинированные нормы.

Традиционно функции судей-посредников осуществляли так называемые «почетные старики». В каждом сельском обществе действовала коллегия, как правило, из 12-ти человек преимущественно преклонного возраста, которая обладала весомым общественным влиянием. «Почетные старики», в отличие от доверенных и медиаторского суда, не были формально легализованным институтом. Тем не менее, они оставались неотъемлемым атрибутом каждого сельского общества, являлись общепризнанными неформальными лидерами и тесно взаимодействовали с официальными властями и российской администрацией.

В вопросах организации религиозной жизни сельских обществ главными задачами политики царских властей являлось подчинение мусульманских священнослужителей идеологическим и политическим потребностям Российской Империи и противодействие радикализации ислама. Осуществляя административный надзор царские чиновники утверждали избираемых населением мусульманских священнослужителей (от квартальных мулл до окружных кадиев), регламентировали их религиозную и общественную деятельность, контролировали их контакты с мусульманами на Кавказе и за пределами России, а также санкционировали строительство мечетей.

Однако, несмотря на строгость внешнего надзора царских властей, сельские общества в значительной степени самостоятельно формировали штат приходского мусульманского духовенства. Более того, вопросы эти чаще всего решались не на уровне всего сельского общества, а в рамках религиозной общины-джамаата, социальные пространства которых часто не совпадали. Несмотря на неоднократные требования царской администрации соблюдать порядок утверждения и аттестации мусульманских священнослужителей, на протяжении всего рассматриваемого периода большинство эфенди и квартальных мулл в сельских обществах по многу лет осуществляли свою деятельность без соблюдения этих формальностей, но по договоренности с обществом. Т.е. сельские общества рассматривали этот вопрос, как сугубо внутренний, не требующий обязательного согласования с надобщинными структурами власти. Обладая на протяжении многих лет широкими возможностями по регламентации и надзору за религиозной жизнью сельских обществ, царские власти не сумели реализовать их в полной мере.

Учреждение в Кабарде и Балкарии сельского самоуправления, основанного на принципах выборности, сословности и коллегиальности, стало одним из важнейших нововведений пореформенного периода. Несмотря на то что для него были характерны зависимость от окружной администрации, бюрократизация и формализация повседневной деятельности, а также частая сменяемость должностных лиц, прежде всего старшин, – это был значительный шаг вперед в развитии начал местного самоуправления.

Принимая во внимание традиции сословного представительства, известные кабардинцам по деятельности Хасы, администрация со второй четверти XIX в. стала созывать народные сборы, которые впоследствии получили название Съезды доверенных Большой и Малой Кабарды и Пяти горских обществ. В практике этого института традиционные формы представительной власти были вмонтированы в качественно иную систему управления, которая полностью изменила функции, исполнявшиеся прежде сословно-представительными собраниями. Как форма окружного общественного самоуправления под председательством начальника округа съезд доверенных избирал депутатов окружного суда и народного кадия (главу мусульман округа), лесничего, поземельных депутатов, и выполнял разнообразные хозяйственно-распорядительные функции.

Учитывая многообразие и одновременно ограниченность местного самоуправления в Российской империи и на Северном Кавказе нельзя не отметить неординарность, важность и конструктивность административного опыта Нальчикского округа. Не являясь земскими органами, съезды доверенных обеспечивали возможность регулярного участия представителей кабардинцев и балкарцев в регламентации пастбищного и лесного землепользования, распоряжения Кабардинской общественной суммой, предоставления стипендий, выделения средств на Нальчикскую горскую школу, а с 1909 г. на Реальное училище. Причем, даже в период разделения в 1888–1905 гг. Большой и Малой Кабарды административными границами Нальчикского округа и Сунженского отдела доверенные малокабардинских сельских обществ продолжали участвовать в нальчикских съездах доверенных, а их избиратели пользовались Зольскими и Нагорными пастбищами, средствами Кабардинской общественной суммы и обращались к правосудию в Нальчикский Горский словесный суд.

В условиях, сложившихся в Нальчикском округе в результате революционных событий 1917 г., съезды доверенных становятся ключевым

политическим институтом в Нальчикском округе. В условиях соперничества различных общественно-политических сил за власть в Нальчикском округе, съезды доверенных проявили себя как важнейший механизм легитимации местной власти.

Таким образом, система местного самоуправления, сложившаяся в Кабардинском округе в 50–60-х гг. XIX в., сочетала в себе общероссийские принципы сельско-общинного устройства и некоторые самобытные формы самоуправления. С этого времени в политическую культуру местного населения вошли общинные и окружные выборы, принятие коллегиальных решений и реализация многочисленных ходатайств и разнообразных общественных инициатив. Деятельность съездов доверенных оказала значительное влияние на социокультурное развитие кабардинцев и балкарцев, обеспечив возможности обсуждения условий реализации земельных и сословных реформ, развития местного благоустройства и поддержки национального просвещения.

Интеграционные результаты деятельности съездов доверенных заключались в поддержании единства кабардинского общества, а также способствовал формированию опыта совместной жизнедеятельности кабардинцев и балкарцев, в дальнейшем получившего развитие в рамках советской Кабардино-Балкарской автономии. Это позволяет рассматривать их как институт нарождающегося гражданского общества, заложивший традиции регионального парламентаризма.

Список условных сокращений

АКАК – Акты Кавказской археографической комиссии.

КБИГИ – Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского научного Центра Российской академии наук.

КБНИИ – Кабардино-Балкарский научно-исследовательский институт.

КБНЦ РАН – Кабардино-Балкарский научный центр Российской Академии наук.

УЦГА АС КБР – Управление Центрального государственного архива Кабардино-Балкарской республики.

ЦГА РСО-А – Центральный государственный архив Республики Северная Осетия-Алания.

Научное издание

Прасолов Дмитрий Николаевич

Развитие местного самоуправления
у кабардинцев и балкарцев
во второй половине XIX –
начале XX в.

Подписано в печать 19.12.17. Формат 60x84 1/16
Усл. печ. л. 8. Заказ 203

ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ –
филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения
«Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр
Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН)
360000, Нальчик, ул. Пушкина, 18
Тел.: (8662) 42-46-97, 42-50-94, <http://www.kbigi.ru>

Отпечатано в Редакционно-издательском отделе ИГИ КБНЦ РАН

